КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Джон Диксон Карр

МЕРТВЕЦ СТУЧИТСЯ В ДВЕРИ

«АЗБУКА»

Расследование ведет Гидеон Фелл

Мертвец стучится в двери
Джон Диксон Карр

Аннотация
Джон Диксон Карр. Мертвец стучится в двери
Часть первая. Беспутная женщина
  Глава первая
  Глава вторая
  Глава третья
  Глава четвертая
  Глава пятая
Часть вторая. Умная женщина
  Глава шестая
  Глава седьмая
  Глава восьмая
  Глава девятая
  Глава десятая
Часть третья. Чужая жена
  Глава одиннадцатая
  Глава двенадцатая
  Глава тринадцатая
  Глава четырнадцатая
  Глава пятнадцатая
Часть четвертая. Назойливый гость
  Глава шестнадцатая

Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Аннотация

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». В 1933 году Джон Диксон Карр впервые представил публике сыщика-любителя доктора Гидеона Фелла. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра – Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства почитателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса».

Роман «Мертвец стучится в двери» продолжает серию книг о сыщике-любителе докторе Гидеоне Фелле. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра – Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жан-

ра, по мнению большинства почитателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса».

Джон Диксон Карр
Мертвец стучится в двери

John Dickson Carr
THE DEAD MAN'S KNOCK
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1958
Published by arrangement with David Higham Associates Limited and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

© С. Н. Самуйлов, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

Часть первая
Беспутная женщина

Уходи, к чему старанья —
Гордость не срами.
Не заставишь без желанья
Полюбить, пойми:
Черт ее возьми!

Сэр Джон Саклинг. Аглаура[1]

[1] Notes: 1
Перевод А. В. Лукьянова.

Глава первая

Бренда закрыла за собой дверь спальни. Осторожно, чтобы не щелкнул замок, повернула ручку и остановилась, прислушиваясь, в холле второго этажа.

Первое побуждение — встать на цыпочки — она с негодованием подавила. Так или иначе, пройти придется мимо кабинета Марка — так пусть же слышит. Да и вообще, распаляясь, подумала она, это же нелепо. Она просто идет на прогулку.

Если все-таки Марк спросит, она скажет, что собирается встретиться с Кэролайн.

Ложь номер один.

Тусклый свет верхнего холла падал на дощатый пол, кремово-серые обои и крашеные белые двери со стеклянными ручками. Фасадное окно в передней части было распахнуто настежь, москитная сетка опущена и закреплена.

Здесь, в вирджинской глуши, на правом берегу реки, даже не верилось, что до Вашингтона меньше десяти миль. Для Бренды воплощением Вашингтона был Фрэнк Чедвик. Только Фрэнк Чедвик.

Кабинет Марка, дверь в который была сейчас закрыта, находился в конце холла, возле верхней лестничной площадки. Когда кто-то проходил мимо двери, доски под ногами поскрипывали и потрескивали.

Бренда все еще ждала, чувствуя, как давит на нее тишина. Стоял июльский вечер, тяжелый и душный, но в то же время мягкий и волнующий. Лениво и сонно трещали сверчки, и их стрекот сливался в неумолкающий гул, пульсирующий вечерний фон. Но Бренда слышала только биение собственного сердца.

Сквозь гнев и злость пробивалась щемящая нота вины, отчего Бренда распалялась все сильнее. Абсурд! Ей нечего стыдиться. Ничего такого она не сделала. По крайней мере… пока.

Она открыла сумочку, достала пудреницу и наклонила к свету. Бренде было тридцать два, но выглядела она моложе. Ее глаза — широко посаженные, ясные, лучисто-серые, — отразившись в зеркале, мгновенно выдали все секреты.

Захлопнув и убрав пудреницу в сумочку, она выждала, отсчитав про себя, тридцать секунд, подошла к кабинету мужа и постучала.

— Да? — донесся приглушенный знакомый голос.

Бренда открыла дверь.

Марк, в старом спортивном пиджаке, сидел за заваленным бумагами столом между двумя окнами в глубине кабинета. Подняв голову, он посмотрел на нее пристально, но на его лице, кроме вежливого внимания, не отразилось больше ничего.

Свет висящей над столом лампы под зеленым стеклянным абажуром падал на густые темные волосы. Ему не исполнилось еще и сорока, но на щеках уже пролегли глубокие вертикальные морщины.

— Марк, — сказала Бренда, — я ухожу.

Марк лишь кивнул и продолжал смотреть на нее спокойно, без всякого выражения, положив руки на раскрытую книгу.

— Я иду к Кэролайн, — сообщила Бренда, повысив голос. — Ты работаешь?

— Нет. Читаю детектив.

— О. И… хороший?

— Не знаю. Написан, по крайней мере, неплохо, а хороший ли, не могу сказать, пока не дочитаю.

— Что ж, я иду к Кэролайн. Вернусь часа через два. Обо мне не беспокойся.

— Вот как? — Теперь и голос Марка, густой, медленный, прозвучал чуть громче. — Дорогая, а

с чего бы мне о тебе беспокоиться?

Бренда облизнула губы.

Сейчас она с обостренной чувствительностью воспринимала привычные, хорошо знакомые вещи: запахи ковра, полированного дерева и старых книг, стрекот сверчков за распахнутыми окнами, лужайки и здания Куинс-колледжа, названного в честь английской королевы Анны почти двести пятьдесят лет назад. И самое главное, машину Фрэнка Чедвика, ждущую ее в темноте.

— Дорогая, а с чего бы мне о тебе беспокоиться?

— Вот и не надо. Просто так говорят: «Обо мне не беспокойся». Вот и все.

— Понятно. Прости.

— Знаешь, Марк, ты бываешь совершенно невыносимым.

— Да. Думаю, мы все можем порой кого-то раздражать.

— Нет, ты не понимаешь. Ты же просто никого и ничего не замечаешь. Тебя ничто не трогает.

Звук, который они услышали, заставил обоих слегка вздрогнуть, но ни один из них не заметил растерянности другого. Звук не был ни громким, ни резким, но ровным и коротким. Словно кто-то коснулся автомобильного клаксона, подавая

условный сигнал.

Бренду бросило сначала в жар, потом в холод. Сорваться и уйти сразу же она не могла — а вдруг Марк услышал. Хотя, решила она, он, конечно же, не обратил внимания.

Его сильные руки спокойно лежали на книге. Но глаза он опустил. Верхний свет с безжалостной четкостью выявил морщины на лбу и борозды на щеках. «Он может быть добродушным, язвительным, мечтательным и на редкость забывчивым, причем одновременно», — подумала Бренда.

Марк Рутвен, в свою очередь, видел перед собой женщину, внешне почти такую же сдержанную, как и он. Однако в комнате с двумя тысячами серьезных книг, заполнивших высокие, от пола до потолка, стеллажи, красота Бренды воспринималась как что-то яркое и не совсем уместное.

Она была невысокая, с густыми каштановыми волосами до плеч, широким лбом, широко поставленными глазами и коротким носиком, из-за чего скулы казались более высокими. Глаза и большой рот говорили о добросердечии и душевном благородстве, затуманенных сейчас каким-то сильным чувством.

В тонком платье из белого шелка, перехваченном алым пояском, без чулок и в туфлях, она

стояла в дверном проеме, держась одной рукой за ручку и сжимая другой красную сумочку.

Марк Рутвен опустил взгляд на лежащий перед ним роман и перевернул страницу.

Оба заговорили одновременно.

— Марк, я…

— Бренда, моя дорогая…

— Да? — Бренда вскинула голову, словно отбрасывая назад волосы.

— Если ты идешь к Кэролайн Кент, может быть, пройдешь немного дальше и занесешь книгу мисс Лестрейндж?

Серые глаза Бренды с черными зрачками и ярко светящимися белками скользнули влево-вправо, словно она прислушивалась, и резко остановились.

— Роуз Лестрейндж? Вот как? Этой ужасной женщине?

Марк вскинул брови:

— Не самый удачный выбор слов, не так ли?

— О, выбор слов! Я даже не знала, что ты с ней знаком.

— Да. Знаком. Что касается сплетен о ней…

— Меня не волнует ее моральный облик, не беспокойся. — Бренда рассмеялась. — А что это за книга?

По лицу Марка пробежала тень раздражения.

— Сегодня утром я встретил мисс Лестрейндж на Колледж-авеню. Она попросила почитать «Армадейл».

— О? А сам ты отнести не можешь?

— Могу, конечно. Завтра и отнесу. Извини, что побеспокоил.

Что-то промелькнуло в комнате между этими двумя. Бренда — она уже почти повернулась — оглянулась через плечо.

— Марк, послушай. Знаю, я слишком многого прошу. Здесь творится что-то ужасное, и оно как-то связано с этой Лестрейндж. Что, если мы не будем иметь с ней ничего общего, не будем ни звонить, ни передавать ей книги?

Марк Рутвен, профессор английской литературы в Куинс-колледже, поднял голову:

— Ты уже определилась, чего именно хочешь? Хотя бы в чем-либо?

Он словно хлестнул ее по щеке.

Румянец залил лицо до подведенных темной тушью глаз с серой радужкой и черными зрачками, потом схлынул, отчего глаза как будто стали больше. Дыхание ее участилось, легкий корсаж платья заколыхался.

— То есть тебе до этого дела нет, да?

— До чего, дорогая? — вежливо спросил Марк.

— Еще минуту назад я сомневалась, — заявила Бренда. — Но теперь решила. И могу тебе об этом сказать. Я вовсе не иду к Кэролайн Кент. Я еду с Фрэнком Чедвиком, в Вашингтон, где у него квартира.

— Как ты меня удивила, — сказал Марк и улыбнулся.

В улыбке было что-то пугающее, но Бренда этого не заметила. Если первая фигуральная пощечина задела ее за живое, то вторая привела в ярость. Секунд двадцать она молчала, вцепившись в ручку двери и пытаясь овладеть дыханием.

— Ты знал.

— Да.

— Тогда скажу тебе одно, — воскликнула Бренда, — ты упал в моих глазах.

Он снова поднял брови:

— Тебя не устраивают мои этические нормы? Но разве правилами этой игры не предусмотрено, что я должен знать и не говорить тебе?

В таком настроении иметь с ним дело было невозможно. Марк походил на фехтовальщика, который наносит тебе укол за уколом, а ты не можешь ответить.

— Фрэнк влюблен в меня уже несколько ме-

сяцев. Мы… у нас ничего еще не было, если ты понимаешь, о чем я. Но Фрэнк хочет, чтобы я развелась с тобой и вышла за него замуж.

— В другие времена, моя дорогая, его бы назвали человеком чести.

— Ты не имеешь права удерживать меня насильно. — Бренда перешла на крик. — А ведь я любила тебя. Ужасно. Но теперь это все в прошлом, и время назад не повернешь. Какое право ты имеешь удерживать меня?

Марк поднялся из-за стола. Чуть выше среднего роста, он выглядел широкоплечим и жилистым в старом спортивном пиджаке.

— Когда люди говорят о правах в браке, в этом браке что-то не так.

— Да. В этом нет сомнений. Именно.

— Мы женаты уже пять лет. Это всегда опасный срок. Тебе безумно надоела унылая карусель академической жизни, и ты устала от меня. А тебе не приходило в голову, дорогая, — вежливо добавил он, — что со мной может быть то же самое?

— Что?

— Что я устал от тебя.

Пауза растянулась секунд на десять, и все это время Бренда молча смотрела на Марка.

— Зная меня, ты действительно находишь это

странным? — спросил он.

— Я…

— Так да или нет?

Бренда сделала шаг вперед и остановилась в нерешительности. Ее физическое присутствие никогда не было столь желанным — или волнующим, — если бы он был в том настроении, чтобы поддаться волнению. Затем, овладев собой, она произнесла ровным голосом:

— Кстати, кто она, Марк? Кто эта женщина?

— Разве это важно?

— Нет, конечно не важно. Нисколечко. И все же! Если какая-то шлюшка строит тебе глазки, чем некоторые из них только и занимаются, — с достоинством произнесла Бренда, — будет только справедливо, если ты поставишь меня в известность. В конце концов, у меня есть право…

— О чем ты говоришь, дорогая? Еще одно право?

Бренда открыла рот и остановилась. С улицы снова донесся гудок. Он звал в ночь. Звал настойчиво и немного нетерпеливо.

Секунду-другую Бренда еще стояла и смотрела на мужа, облизывая губы кончиком языка. Лицо ее побледнело, хотя под глазами остались розовые пятна.

Она повернулась и выбежала из кабинета, хлопнув дверью. Он услышал ее быстрые, легкие шаги по дощатому полу, потом мягкие, едва слышные по застеленной ковровой дорожкой лестнице и снова по дереву уже внизу. Открылась и захлопнулась входная дверь.

Дрожь от удара прошла по всему маленькому дому. Секунд через двадцать на Колледж-авеню кто-то завел мотор и переключил передачу. Двигатель зарокотал, удаляясь, и вскоре умолк вдалеке.

В своей обычной неторопливой манере Марк Рутвен вышел из-за стола, посмотрел на наручные часы и выглянул в окно на задней стороне.

Ярдах в трехстах от дома, на фоне темнеющего неба вырисовывались густые кроны деревьев, под которыми перемигивались светлячки. Даже в разгар лета Куинс-колледж не выглядел обезлюдевшим. Между вязами и платанами тут и там виднелись тусклые огоньки. Но все же заведение это было небольшое, и когда студенты — а их здесь насчитывалось около пятисот — разъезжались, жизнь как будто замирала.

Старые, выработавшие свой ресурс часы на доме Основателя пробили десять. Марк снова посмотрел на свои наручные и прошелся взглядом

по высоким, до потолка, книжным стеллажам и большому картотечному шкафу, где хранились все неопубликованные материалы для его биографии Уилки Коллинза.

Спустившись затем вниз, он подошел к телефону, стоящему в конце нижнего холла, и набрал номер коттеджа Роуз Лестрейндж на Харли-лейн.

Ответили уже после первого гудка.

— Да? — произнес чуть хрипловатый голос, придающий ласкающее звучание даже односложным словам.

Марк замешкался. Он вдруг увидел ее так отчетливо, словно она находилась здесь, в холле, и могла дотронуться до него. Увидел блестящие черные волосы, шелковистые и тяжелые, как руно. Увидел мягкий изгиб губ и тягучую, лукавую улыбку.

Вообще-то, делать здесь Роуз Лестрейндж было нечего. Ей нравилось мутить воду и тревожить воображение мужчин. Скрытность сочеталась в ней с безрассудством, а ее тяга к эпатажу граничила с безумием. Несомненно, это она устроила тот скандал в больничном изоляторе больше месяца назад, скандал, о котором говорили вполголоса и шептались за спинами и который был столь же чудовищен, сколь и неуместен в стенах

Куинс-колледжа.

И все же… все же…

— Да? — прошептал настойчивый голос в телефонной трубке. — Это ты, дорогой? Я жду.

И в тот же миг в тишину холла ворвалась предупредительная трель дверного звонка.

— Да? — В третьей попытке голос Роуз прозвучал уже по-другому — отрывисто и резко. — Да? Кто говорит?

И снова зазвенел звонок. Держа трубку возле уха, Марк посмотрел через плечо. Свет горел в холле, в гостиной слева от холла и в столовой справа от него — игнорировать гостей было невозможно.

Он осторожно положил трубку, и телефон щелкнул, отрезав его от обольстительного голоса Роуз. Чары рассеялись.

Марк Рутвен набросил на плечи спортивный пиджак и пошел открывать дверь.

Глава вторая

— Добрый вечер, Кэролайн, — сказал он.

Кэролайн Кент, стоящая на ступеньку ниже на вымощенной камнями дорожке, смотрела на него немного настороженно.

Кэролайн была девушкой что называется «благоразумной» и, как неоднократно жаловался ее жених, воспринимала каждое высказывание настолько буквально, что хоть криком кричи. Причем дело было вовсе не в недостатке ума. Будучи дочерью доктора Сэмюэла Кента, заведующего отделением истории, она в силу необходимости годами заботилась о непрактичном отце и еще более непрактичной матери.

Ближе к тридцати, высокая, с хорошей фигурой, Кэролайн была весьма привлекательной, хотя никто не назвал бы ее миловидной.

Ее карие глаза всегда смотрели честно, без утайки, а светлые волосы вились сами собой, естественным образом. На фоне своего непоседливого жениха Кэролайн порой казалась флегматичной и вялой, но ей нравилось уступать верховенство и подчиняться любой прихоти Тоби Сондерса.

Марк с опозданием включил лампу над крыльцом.

— Кэролайн! Что с тобой?

— Ничего! Совсем ничего! Вот только…

Кажущаяся бледной под искусственным светом, травянистая лужайка тянулась до невысокой живой изгороди, за которой Колледж-авеню поворачивала под арку больших деревьев. Там и стоял сейчас новый, 1948 года выпуска, «шевроле». Когда Кэролайн машинально оглянулась через плечо, Тоби возился с дверцей.

— Можешь ее не запирать, — крикнул Марк, который никогда не запирал свой «шевроле». Голос его прозвучал громче, чем хотелось бы. — Кэролайн! В чем дело? Заходи.

— По правде говоря, даже не знаю, стоит ли, — сказала Кэролайн. — Мы и не хотели тебя беспокоить, зная, как усердно ты работаешь над биографией. Но дело очень важное, и мой отец попросил Тоби встретиться с тобой.

— Твой отец?

— Да. А где Бренда?

— Бренда… Боюсь, она куда-то ушла.

— Ну, так даже лучше. То есть я не к тому, что так лучше, — поспешно добавила она. — Просто мы пришли именно к тебе.

По дорожке к ним уже спешил Тоби Сондерс — в желтовато-коричневом костюме с выбившимся из-под пиджака галстуком. Примерно одного возраста с Марком, Тоби тоже был историком и вместе с другими по заданию Пентагона готовил историю Второй мировой войны, рассчитывая закончить работу раньше коллег, корпящих над историей Первой мировой. Тоби шел, глядя под ноги, и Марк видел только его коротко постриженные русые волосы, но не лицо — тонкое, выразительное, с острыми чертами.

— Мы точно тебе не помешаем? — допытывалась Кэролайн.

— Не помешаете, я весь вечер ничего не делаю. Входите оба.

Марк закрыл входную дверь и повел пару в гостиную. За спиной у него тяжело дышал Тоби.

В гостиной, где вкус Бренды проявился в полной мере — кресла в белых чехлах, бледно-зеленые стены и темно-зеленый ковер, — уже были опущены жалюзи. Кэролайн, поколебавшись, села на диванчик у фасадного эркерного окна. Марк молча наблюдал за ее спутником. Невысокий, худощавый Тоби был, казалось, заряжен нервной энергией, которая только что не рассыпа́лась вокруг него искрами. Окинув комнату пытливым

взглядом прищуренных голубых глаз, он остановился на Марке.

— Это держалось в тайне, — резко заговорил он, — потому что никто не понимает, что за всем этим кроется. Но вот уже больше недели в колледже творится черт знает что.

— Вот как?

— В то время, когда в городке нет ни одного студента, кто-то из нашей среды устраивает чисто студенческие шутки. Только это уже совсем не шутки, а похоже — я говорю *похоже* — на полноценные попытки убийства.

Кэролайн открыла рот, чтобы возразить. Она сидела, опираясь ладонями на диван. Свет лампы под пергаментным абажуром падал на ее лицо с напряженными карими глазами и короткие вьющиеся волосы.

— Попытка убийства? — воскликнул Марк. — А полиция этим уже занимается?

— Полиция? Здесь? Бога ради, приятель, о чем ты говоришь! Куинс-колледж скорее пригласил бы к себе бубонную чуму или «черную смерть».

— Так что случилось, Тоби? Садись и расскажи мне обо всем.

Тоби послушно опустился на диван рядом с Кэролайн. Он все еще не мог отдышаться. На

низком кофейном столике перед ними стояла серебряная сигаретница. Марк открыл ее и пододвинул к гостям.

Кэролайн быстро и нетерпеливо покачала головой. Тоби даже не заметил этого.

— В год тысяча семьсот десятый от Рождества Христова… — начал он.

— Обязательно начинать из такого далека?

Тоби с вызовом вскинул голову.

— Помолчи, — рявкнул он и с той же легкостью, с которой прервал свое плавное повествование, вновь к нему вернулся. — В год тысяча семьсот десятый от Рождества Христова, когда штат Вирджиния был колонией Ее Величества Виргинией, некто Септимус Хьюит основал академию для мальчиков, выбрав для нее место неподалеку от Белхейвена, известного ныне как Александрия. Поселение было небольшое, и никто не думал, что школу Септимуса Хьюита ждет хорошее будущее. Но плантаторы присылали сюда своих сыновей, и заведение процветало.

Через двадцать лет оно перестало быть школой для мальчиков. В Куинс-колледже получали образование — или, по крайней мере, пребывали в его стенах — молодые джентльмены со всей Виргинии. Прошло время, и Септимус Хьюит умер.

В центре того, что никогда не называлось кампусом, а всегда именовалось Лужайкой, установили его статую — длинный завитой парик, камзол и все прочее. Запомни. Статуя — это важно.

Здесь Тоби остановился и, смягчив сарказм, обратился к Марку:

— Если я расскажу тебе эту историю так, будто ты ни черта не знаешь о заведении, в котором преподаешь, ты согласишься, что у меня есть на то веская причина?

— Конечно.

— Но может, мне и не следует ее рассказывать. Как-никак я здесь чужак, причем не в одном только смысле. Может быть, Кэролайн?..

Кэролайн протянула руку и коснулась его ладони:

— Нет, Тоби. Ты. Всегда только ты.

При всей кажущейся невозмутимости и флегматичности Кэролайн могла испытывать не менее сильные чувства, чем Тоби. Он посмотрел на нее, она на него — и оба смутились. В следующий момент Тоби уже уселся на конька вдохновения.

— Прямой потомок Септимуса Хьюита исполняет сейчас обязанности магистра Куинс-колледжа. Никогда не называйте его президентом, будьте добры, только магистр. Но давайте забудем,

насколько это возможно, о прошлом. Давайте обратимся к персонажу, известному как Джордж. — Он повернулся к Кэролайн. — Ты знаешь Джорджа?

— Тоби! Я прожила здесь всю свою жизнь! Как я могу не знать Джорджа?

Тоби хлопнул себя ладонью по лбу.

— Если ты не перестанешь понимать все так буквально, мой ангел…

Даже в ситуации столь волнительной для нее Кэролайн успела чуть улыбнуться Марку, как бы говоря: «Не обращайте на него внимания, он это не всерьез». И Тоби, как обычно, мгновенно преисполнился раскаянием. Любовь между двумя этими эмоционально зажатыми людьми — Тоби, какие бы смелые идеи ни высказывал в речах, оставался во многих отношениях пуританином — была столь крепкой и искренней, что Марк Рутвен ощутил укол зависти и едва не отвернулся.

— Персонаж, известный как Джордж, — продолжал Тоби, — это воплощение заведенного порядка. Ему за семьдесят. Во время летних каникул он каждый вечер перед наступлением темноты совершает обход территории, проверяет здания и, убедившись, что все в порядке,

закрывает их на ночь. Из этого обхода, однако, исключены три объекта: библиотека, Дом науки и лазарет. Библиотека и Дом науки — их окна выходят на Лужайку — закрываются намного позднее. Лазарет, расположенный на некотором удалении от центра, летом закрыт. Но забудьте о лазарете; я вспомнил о нем только в связи с кое-чем другим.

Тоби на секунду нахмурился.

— Ну да ладно! Первый инцидент — я буду называть это так — случился в пятницу вечером, девятого июля. Джордж почти закончил обход. Последним зданием, которое он осматривал, был спортивный зал. Внутри было тихо. После наступления темноты залом никто не пользуется, потому что летом там отключают электричество. Но какой-то свет снаружи проникал через люк, и Джордж различал очертания предметов. Большая часть спортивного оборудования — маты, параллельные брусья, опорный конь — была задвинута под опоясывающую спортзал галерею. Но на западной стене он увидел нанесенное светящейся краской грубое изображение статуи Септимуса Хьюита.

Чего бы ни ожидал Марк, он ожидал не этого.

— Изображение чего?

— Статуи Основателя, — бросил в ответ Тоби. — И при этом — запомни! — никаких надписей, ничего подобного. Только общий контур статуи почти без деталей, около трех футов высотой, выполненный тонкой кисточкой. Старик испытал шок. Сегодня вечером отец Кэролайн спрашивал, что именно так сильно на него подействовало. Джордж мялся, упирался, но все же рассказал. По его словам, в тот момент у него появилось странное ощущение, а потом в углу зала кто-то рассмеялся.

Кэролайн отвернулась. Тоби замер. Марк отогнал подброшенные воображением картины.

— И что же Джордж?

— О, Джордж — человек сознательный. Стер, как смог, рисунок тряпкой, а на следующее утро сообщил о случившемся в администрацию. Они решили, что он был пьян или ему приснилось. Возможно, Джордж тоже так подумал.

— Почему?

— Потому что, когда он вернулся в спортивный зал в субботу вечером, от светящейся краски не осталось и следа. Ни в зале, ни в бассейне в подвале — нигде никого не было. В воскресенье вечером все здания закрыты. У Джорджа в этот день выходной. В понедельник вечером,

двенадцатого июля, он уже чувствовал себя лучше — пока не пошел в спортзал. Рисунок, изображение статуи Основателя, появился снова, только на этот раз на полу у южной стены, под галереей. Джордж растерялся. Единственное, что пришло ему в голову, — это попробовать снова оттереть рисунок тряпкой. Он подбежал к нему, опустился на колени… Кто-то ждал его там, на галерее, в восемнадцати футах над головой Джорджа. И этот кто-то перегнулся через перила и сбросил тяжелую железную пластину, срезанную с противовеса тренажерного аппарата. Груз упал как отвес и расколол пол в восемнадцати дюймах от головы Джорджа.

Тоби замолчал и, не сводя глаз с Марка, протянул руку и сжал ладонь Кэролайн.

— Нет, Джордж никого не увидел и не услышал. Его оглушило, он потерял сознание, а когда пришел в себя, едва смог выбраться из спортивного зала. Во вторник утром рисунок статуи Основателя все еще оставался на месте, и рядом лежала тяжеленная гиря. В спортивный зал Джордж уже не вернулся и обо всем рассказал дома. Жена уложила его в постель и вызвала врача. Во вторник вечером, чтобы все это не вышло за пределы семьи, за дело взялся внук Джорджа. Губерту

шестнадцать лет, парнишка смышленый. Он не только осмотрел спортивный зал, но и оставался там, когда у него была такая возможность, до вечера. И вот теперь я могу ввести вас в курс последних событий.

Давайте посмотрим — да! Сегодня суббота. Несколько дней, ближе к вечеру, Губерт обходил спортивный зал снаружи, но никого не видел и ничего не слышал. А тут вдруг услышал какой-то звук внутри и догадался, что это. Губерт обогнул зал с северной стороны, вошел и сразу же побежал вниз по лестнице, к плавательному бассейну в подвале. Оказалось, что насчет звука он не ошибся: бассейн, который летом должен быть пустым, был полон. Причем наполнили его только что — вода еще не успокоилась. Билли Коул, главный смотритель, говорит, что открыть воду дело простое, если знаешь, что к чему. Окна в подвале почти на уровне земли, вокруг деревья, так что там всегда сумрак. В той части, где доска для ныряния, глубина около десяти футов. Губерт увидел, что вода вливается там, подбежал и наклонился, чтобы рассмотреть получше. И тут кто-то, кого он не увидел, толкнул его в спину. А парень и плавать-то не умеет.

Тоби снова сделал паузу.

Все чувства Тоби — ненависть, негодование — отразились на его строгом лице и в беззвучном движении губ. Открытая сигаретница, серебряная настольная зажигалка, серебряная пепельница — все эти вещи гипнотически поблескивали на кофейном столике.

— Марк, — сказал он вдруг, — я никогда не видел, чтобы ты так плохо выглядел.

— По правде говоря, я сам не помню, чтобы мне было так тошно. Так ты хочешь сказать, что паренек утонул? Что он был один? Что помочь было некому?

— Нет! — сердито бросил Тоби и тут же взял себя в руки. — По счастливой случайности или, может быть, по милости Божьей, по Тропинке привидений проходил тот самый Билли Коул, главный смотритель. Услышав крики и плеск воды, Билли выбил стекло в окне и пролез внутрь. Губерт уже пошел ко дну, когда Билли нырнул за ним. Вытащил, сделал искусственное дыхание — в общем, спас. Еще бы немного и…

— Ты сказал, это случилось сегодня? С ним все в порядке?

— Настолько, насколько вообще возможно быть в порядке после такого потрясения.

— Я, кажется, знаю парнишку Джонсона… то

есть Губерта. Парень получил стипендию колледжа в шестнадцать лет. Кто бы мог подумать, что он не умеет плавать.

— Вот никто и не думал, — сказал Тоби. — Считается ведь, что плавать умеют все, да? Это наш славный американский девиз. Губерт стыдился и поэтому никому не говорил. А теперь у нас завелся такой вот веселый шутник, устраивающий фокусы в спортивном зале.

— Ради всего святого, Тоби, — воскликнула Кэролайн, — неужели нужно так много об этом говорить?

— Да, нужно! В этом-то все и дело. — Тоби снова повернулся к Марку. — После случая с Джорджем об этом шептались по всему Куинсхейвену. Теперь просто шептаться уже недостаточно — с этим нужно что-то делать. Декан и магистр — оба в отпуске. В любом другом заведении у них были бы помощники, чтобы разобраться с таким происшествием. Но здесь? О нет! Разобраться поручено отцу Кэролайн.

Тут Тоби постучал костяшками пальцев по кофейному столику.

— Имей в виду, доктор Кент — хороший человек. Он историк. Но у него одно мнение об этом деле, а у меня другое. Поэтому мы договорились,

что судьей будешь ты.

— Я польщен, — ничуть не покривив душой, сказал Марк. — И конечно, я к вашим услугам, если вы считаете, что я могу чем-то помочь.

— Можешь. На этот счет не беспокойся. Просто послушай, как я все это себе представляю.

— Говори.

— Сначала может показаться, что какой-нибудь уважаемый человек в колледже или в Куинсхейвене — сумасшедший убийца, уже совершивший два покушения и едва не преуспевший в них. Так?

— На первый взгляд — да.

— Хорошо! В таком случае рисунок статуи Основателя не имеет никакого значения. Он использовался только как приманка. Маньяк сначала нарисовал статую на западной стене и напугал Джорджа, рассмеявшись, как привидение. Потом он подождал пару дней и нарисовал статую на полу, под галереей, предположив, что, когда Джордж снова попытается оттереть рисунок, его голова будет прекрасной мишенью на фоне светящейся краски. То же самое мы видим и в случае с Губертом — еще одна ловушка. Маньяк заполнил бассейн и, скорее всего, собирался еще раз изобразить статую, чтобы заманить парниш-

ку к краю бассейна. Но Губерт услышал шум воды и сам подошел к краю. Маньяк воспользовался ситуацией и столкнул его с целью утопить. Я правильно все изложил?

— Да, — согласился Марк. — Думаю, все правильно.

Тоби Сондерс поднялся с диванчика.

— Так и есть! — Он кивнул. — А теперь послушайте, что я скажу. Я этому не верю. Я не верю, что шутник намеревался кого-либо убить.

Кэролайн подняла голову и в полном изумлении уставилась на него широко раскрытыми глазами.

— Тоби! Ты серьезно? Отец говорит…

— Я знаю, что он говорит. Но ты не слышала, что я говорю, в этом-то все и дело.

Тоби пристально посмотрел на Марка:

— Если шутник хотел убить такого безобидного старика, как Джордж, почему он этого не сделал? У него тяжелая гиря, внизу отличная мишень, и все же он промахнулся. — Тоби широко развел руки. — Почти на полтора фута. То же самое можно сказать и о Губерте. Я согласен, что шутник воспользовался случайно выпавшим шансом и столкнул парня в воду. Но хотел ли он его убить? Нет! И я дал вам подсказку. Кто знал, что Губерт

не умеет плавать? Его родители, может быть, бабушка и дедушка, больше никто. Мы все считаем, что любой здоровый шестнадцатилетний паренек умеет плавать как рыба. Так или нет?

— Наверное, так, — сказал Марк.

— Шутник может быть маньяком, я так думаю. Вероятно, он хотел до чертиков напугать Джорджа и Губерта; думаю, ему это удалось. Вот и все.

Кэролайн тоже вскочила с дивана:

— Если это так, Тоби, то не думаешь ли ты, что этот кто-то ничем не лучше сумасшедшего убийцы?

— Может быть, и думаю.

— А если он не хотел ни убивать, ни даже ранить, то для чего, скажи на милость, он все это делал?

— То-то и оно, — честно ответил Тоби. — Я не знаю.

— Это даже не смешно.

— Да, признаю. В любом случае эта игра в убийство пугает меня не меньше, чем настоящее убийство, о чем ты, собственно, и пытаешься сказать. Даже у тронувшегося рассудком шутника есть какая-то причина все это делать. Кто-то по какой-то причине рисует статую Основателя. Кто-то, тоже по какой-то причине, устраивает

рискованные розыгрыши на грани убийства. Но кто? И почему?

Все трое настолько увлеклись, что не услышали, как входная дверь, которую обычно оставляли незапертой, тихонько открылась. И так же тихо закрылась. Зато они услышали звук быстрых, решительных шагов из прихожей в гостиную. Марк обернулся. В дверном проеме, высоко подняв голову, стояла Бренда.

Глава третья

Значит, она не уехала с Фрэнком Чедвиком?

Левая рука Марка выдвинулась из рукава пиджака; краем глаза он поискал наручные часы. Они показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

В машине молодого мистера Чедвика им пришлось бы проехать через Куинсхейвен и Александрию, переехать через мост и влиться в вашингтонский трафик. Бренда не смогла бы даже добраться до квартиры Фрэнка, не говоря уже о том, чтобы успеть туда и обратно. И все же, где бы она ни была, она сильно отличалась от той Бренды, которая выбежала из дома и хлопнула дверью.

Сейчас Бренда стояла, подняв голову, вся сияющая, уверенная в себе и в упор не замечающая Марка.

В белом платье без рукавов со слегка расклешенной юбкой — по моде 48-го года — и алым пояском на талии она, казалось, светилась.

— Вам двоим — привет! — обратилась она к Кэролайн и Тоби.

— Мы и не слышали, как ты подъехала, — в

замешательстве сказала Кэролайн.

— О, я не брала машину. Она в гараже. Я была в Куинсхейвене и вернулась пешком. Какой прекрасный вечер!

Достав из красной сумочки красную пачку сигарет, Бренда поставила сумочку на стул у арки, ведущей в холл.

— Должна тебе сказать. — Она повернулась к Тоби. — Я и не подозревала, что в доме кто-то есть, — она кивнула в сторону опущенных жалюзи, — пока не подошла ближе. Думала, что та машина в начале дорожки — наша. Но знаешь, Тоби, дорогой, окна открыты, а ты так кричал.

— Так ты все слышала? — нахмурился Тоби. — И что именно?

— О, довольно много.

— Лучше бы не слышала, — с несчастным видом сказала Кэролайн.

— Почему бы и нет, моя дорогая? Я не услышала ничего такого, о чем бы не знала из местных сплетен.

Если Тоби не заметил ничего странного в ее поведении, то Кэролайн бросила на нее быстрый взгляд.

Бренда пронеслась через комнату, по-прежнему игнорируя Марка. Она села в мягкое кресло

под лампой, откинулась на спинку и положила ногу на ногу.

— Интересные дела творятся в спортзале, правда?

— Интересные? — воскликнула Кэролайн.

— А разве нет? — Бренда весело рассмеялась. — Надеюсь, Марк поможет. В академических вопросах он очень хорош. Может рассказать вам, какую песню пели сирены, почему Шекспир написал то, что написал, и каков сюжет революционного романа с загадкой запертой комнаты, который Уилки Коллинз собирался написать в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году. Но в практических делах — боже мой, он такой же, как ты, Тоби.

— Как я?

— Да, разве ты не знал? Ты просто ничего и никого не замечаешь, ведь так?

— Ты, возможно, удивишься, — сказал Тоби, — если узнаешь, что очень даже замечаю. Смотри, Марк! Я прав насчет этого дела. Клянусь, я прав.

— Подождите! — сказал Марк.

Его густой голос, который он редко повышал, разнесся по комнате.

— Может быть, ты и прав, Тоби; я не говорю, что это не так. Но ты неправильно подходишь к

проблеме!

— Как это?

— Ну, например. Мы очень мало знаем о Джонсонах — Джордже или Губерте.

Тони скривил губы:

— То есть мы не даем себе труда лучше узнать тех, кто в социальном плане стоит ступенькой ниже? Я знаю о них немало.

— Есть ли кто-то, кто ненавидит Джорджа и Губерта? Или хочет их убить?

— Всю семью? — недоверчиво спросил Тоби. — В любом случае ответ — нет.

— Значит, злой умысел шутника был направлен не на них. Мы не можем искать здесь мотив. Шутник как будто намеренно привлекал внимание к спортзалу, заставляя нас думать о нем.

— Вот это и ставит меня в тупик. — Тоби потер щеку. — Шутник, его злоба. Либо злоба, либо неразвитый детский ум, неспособный осознать, что он творит.

— Почему ты все время говоришь «он»? — удивленно спросила Бренда своим чистым, мягким, как шелк, голосом. — Разве это не могла быть женщина?

Кэролайн обернулась, и краска схлынула с ее лица. А вот на Тоби ее слова произвели иной

эффект.

— Господи, — глядя прямо перед собой, прошептал он после секундного молчания. — Господи, какой же я тупой!

— Подожди! — внезапно сказал Марк, но Тоби не стал ждать.

— Все было здесь, — прорычал он, стуча костяшками пальцев по лбу, — но я был слишком туп, чтобы понять это. Я даже думал о лазарете, но не связывал его со спортзалом. Конечно! Есть только один человек. Роуз Лестрейндж.

Марк предвидел это, но предупредить не смог. По комнате пронеслось волнение, столь же ощутимое, как если бы в гостиную вошла сама Роуз Лестрейндж.

— Как интересно! — пробормотала Бренда.

— Но это же абсурд, — сказала Кэролайн. — Женщина? — добавила она в ужасе. — В мужском спортзале? И смеется?

— Да, смеется, — хмуро сказал Тоби.

— Но этого не может быть…

— Ангел мой, ты так наивна. Да, это как раз то, что и сделала бы наша Роуз, и ей бы это понравилось. Такое у нее чувство юмора. Как я сказал? «Либо злоба, либо неразвитый детский ум, неспособный осознать, что он творит». Не

хочу показаться невежливым, но у нее есть и то и другое.

— Тоби, — почти прорычал Марк, — ты выслушаешь меня?

— Да, Тоби, — вставила Бренда, откинув голову. — Пожалуйста, выслушай Марка!

— У меня к тебе только один вопрос, — сказал Марк. — Зачем все это нужно Роуз Лестрейндж?

— Тогда я задам тебе другой, — ответил Тоби. — Объясни, что произошло в лазарете месяц или около того назад. Это несложно.

— А что произошло в лазарете? — вмешалась Кэролайн.

— Наша Роуз развлекалась там с молодым человеком и даже не отрицала этого. Она только смеялась и говорила, что никто ничего не может доказать. Перестань краснеть, ангел мой, и не делай такое каменное лицо! Бренда, я к тебе обращаюсь.

— Да? — ответила Бренда ясным голосом.

— Ты когда-нибудь слышала, как Роуз Лестрейндж говорит на свою любимую тему?

— Нет, не думаю.

— До того как люди перестали приглашать ее в гости, она отпускала такие перлы, что краснели бы даже матросы и грузчики. Помню один такой.

Она хотела бы, чтобы с ней занимались любовью на фоне — цитирую — *чего-нибудь странного и необычного.*

— Полагаю, — кивнула Бренда, — некоторым мужчинам это понравится.

— Так или иначе, это наша Роуз. Заметьте, мне все равно, сколько у нее кавалеров. Но когда эта злоба выплескивается в спортзале…

— Вот именно, — перебил его Марк. — И именно здесь твоя версия рушится окончательно.

— С какой стати? Почему она рушится?

— Мы можем хотя бы понять, что произошло в лазарете. — Краем глаза Марк заметил лицо Бренды, но не остановился. — Мы не можем понять другое. Зачем ей рисовать статую Основателя или устраивать покушения — действительные или постановочные — на жизнь Джорджа и Губерта Джонсонов?

— Не знаю. Я признаю это. Тем не менее, когда она заводит разговор на свою любимую тему…

— Ее любимая тема здесь ни при чем. Ты же не считаешь, что она в три раза безумнее Мартовского зайца?

— Как странно, — Бренда обратилась к потолку, — что защищать ее должен именно Марк.

— Я не защищаю ее, черт возьми! Я…

— Пожалуйста! — вскричала Кэролайн.

Эмоциональная атмосфера раскалилась настолько, что даже воздух зашипел, когда Кэролайн попыталась немного ее охладить.

Сама Кэролайн уже пришла в себя, хотя стояла у дивана с порозовевшим лицом. Меньше других спор отразился на Бренде, которая наблюдала за остальными словно со стороны. Но и она вертела в руке нераспечатанную пачку сигарет.

— Извините, — сказала Кэролайн, — но в последнее время моя мама, миссис Уокер и все остальные только и говорят о Роуз Лестрейндж. Кто она? Откуда она взялась? Что она здесь делает? Вот о чем они постоянно спрашивают.

— Спокойно! — проворчал Тоби Сондерс.

— И еще о ее бунгало на Харли-лейн.

— В начале восемнадцатого века, девочка моя, этот переулок назывался Блю-Руин-лейн.

— Дорогой, сейчас он называется иначе. Все спрашивают, почему ей разрешили купить бунгало? Но ведь оно не находится на территории колледжа, как и старая таверна. И меня тошнит от этой истории с Роуз Лестрейндж! Я встречалась с ней всего один раз, и она мне не очень понравилась. Но я не думаю, что она такая уж плохая, как о ней говорят. Мой отец хорошо отзывался о ней,

и доктор Хьюит тоже.

— Доктор Хьюит? — тут же вскинулся Тоби. — Доктор Арнольд Хьюит?

— Да, конечно. А кто же еще?

— Вот это да! — Тоби щелкнул пальцами. — Доктор Хьюит, магистр Куинс-колледжа, является прямым потомком Септимуса Хьюита. Не связаны ли с этим рисунки статуи Основателя? Не замешан ли во все это старик Арнольд Хьюит?

— Тоби, это же смешно.

— Да, я и сам понимаю. Ничего более неправдоподобного и придумать невозможно. И все равно это чертовски забавно.

— Нисколько не забавно! Пожалуйста, перестань! — снова попросила Кэролайн. — Мне трудно это объяснить, но вот что я имею в виду. Вы постоянно думаете о мисс Лестрейндж, и она повсюду вам мерещится. Вы даже не удивитесь, если она заглянет в окно или позвонит в дверь.

Тоби вздрогнул и выругался. Бренда выпрямилась.

Конечно, то, что они услышали, не было трелью дверного звонка. Это был пронзительный, повторяющийся звонок телефона в нижнем холле.

Тем не менее он поразил всех четверых. В течение, наверное, десяти секунд все молчали.

Бренда Рутвен бросила пачку сигарет, поднялась и с небрежным видом направилась к арочному проему.

Но Марк опередил ее.

Бренда устремилась вперед, сделав два таких быстрых шага, что ее белая юбка взметнулась. Марк побежал.

Заслонив рукой телефон, стоящий на маленьком столике у подножия лестницы, он переместился за столик и развернулся, создав своего рода защитный барьер.

В любое другое время эта дикая возня показалась бы бессмысленной, даже смехотворной. Но, поднимая трубку, Марк вдруг понял, что это вовсе не нелепость.

Бренда остановилась у подножия лестницы, держась одной рукой за перила. Он увидел ее широко открытые, застывшие глаза под черными ресницами — все ее чувства были обнажены, как и ее руки. И в этот момент до него дошло, что он натворил.

За Брендой, за перилами и через проход в гостиную он увидел выглядывающего в холл Тоби и отвернувшуюся от него Кэролайн.

Последний гудок оборвался на середине звонка. Марк поднес трубку к уху и услышал мужской

голос.

— Да, доктор Кент?

Кто-то с облегчением вздохнул. У Марка закружилась голова.

— Не могли бы они немедленно вернуться сюда? — спросил голос.

— Да, конечно, доктор Кент. — Марк очнулся. — Ничего же не случилось?

— По крайней мере, ничего еще более скверного, — ответил отец Кэролайн. — Но вот магистр спешно вернулся из отпуска. Он сейчас здесь, со мной. Я полагаю, мой дорогой Рутвен, в понедельник вы примете гостя?

Доктор Сэмюэл Трэверс Кент был англичанином, хотя и прожил в Америке тридцать лет. Даже его голос, который мог быть густым, вибрирующим или столь же неопределенным, как рассказы о его знаменитой рассеянности, должен был напомнить Марку о чем-то забытом, а теперь вдруг вернувшимся с шокирующей неожиданностью.

— Гость? — повторил Марк.

— Да, уважаемый гость. Гидеон Фелл.

— Гидеон Фелл? — воскликнул Тоби, поспешно выходя из-за кофейного столика.

— Спокойно, Тоби. — Марк накрыл телефон ладонью, а потом убрал ее. — Нет-нет. Доктор Фелл

приехал в Америку не с детективной миссией. Он хочет увидеть те письма, которые мне посчастливилось обнаружить. Но я думаю, он займется этой историей, если доктор Хьюит этого захочет. Да, я скажу Кэролайн и Тоби. Спасибо. До свидания.

Он положил трубку.

Тоби стоял под аркой, рядом с ним была Кэролайн. Бренда не двигалась с места.

— Доктор Гидеон Фелл, — повторил Тоби. — Невозможные ситуации объясняются, и чудеса разоблачаются! Это он?

— Да.

— Я так и думал. Он будет в своей стихии, не так ли, если Роуз Лестрейндж не уймется и провернет еще какой-нибудь трюк в спортзале или лазарете? И на этот раз дверь и окна будут заперты изнутри?

— Послушай, — тихо сказал Марк. — Это нужно прекратить.

— Знаю. — Ответ прозвучал так же тихо. — И все-таки у меня есть предчувствие…

— Избавься от него! Это наша общая беда. Мы попусту рвем себе нервы.

Через холл, справа от Марка, раздался тихий щелчок расшатанной задвижки. Ручка передней двери медленно повернулась, и дверь открылась.

Стройная женщина с черными блестящими волосами, уже ступившая одной ногой на порог, толкнула левой рукой дверь, а правой отвела в сторону сетчатый экран. Настороженное выражение лица изменилось в мгновение ока, когда она увидела в холле четырех человек. Без скольлибо видимых усилий, но с плавной природной грацией она завершила шаг и теперь стояла на пороге обеими ногами.

— О, извините! — улыбнулась Роуз Лестрейндж. — Дверь была не заперта. Я надеюсь, вы не возражаете?

Глава четвертая

В стремительном потоке последующих событий Марк Рутвен так и не смог до конца разобраться в своих впечатлениях от этой встречи.

Он услышал, как за спиной у него Бренда прошептала что-то тоном человека, доведенного до последнего предела. При этом, когда она вышла вперед навстречу гостье, в ее манерах не было ни враждебности, ни радушия — лишь ни к чему не обязывающая вежливость.

— Добрый вечер, — сказала Бренда. — Вы ведь мисс Лестрейндж, не так ли?

— Да! — ответила гостья, приоткрывая дверь шире. — А вы миссис Рутвен?

Ни объяснений, ни дальнейших извинений не последовало. Роуз Лестрейндж была высокого роста и выглядела еще выше на каблуках. Гладкие черные волосы ложились на плечи. В глубине ее карих, цвета лесного ореха, глаз поблескивали зеленые искорки. Глаза эти могли быть и лукаво-озорными, и мечтательными, а когда останавливались на вас, то как будто намекали на таящиеся в них тайны.

Впрочем, Роуз Лестрейндж относилась к тем

женщинам, у которых лицо запоминается меньше, чем фигура. Стройная, но с мягкими округлостями и бледно-белой, словно мерцающей кожей, она была сейчас в блекло-желтом хлопковом платье с глубоким V-образным вырезом, которое едва прикрывало колени. Во всех ее движениях ощущалась порочная грация; казалось, она не может остановиться, потому что должна постоянно привлекать к себе внимание.

Выражение ореховых, с зелеными блестками глаз изменилось, когда ее полные, не тронутые помадой губы дрогнули в адресованной Марку улыбке. Вместе с этой улыбкой изменилась и атмосфера в комнате.

— Какая досада! — сказала Бренда. — Я про дверной звонок, который не работает. Вы, должно быть, звонили.

— Боюсь, он действительно не работает, — улыбнулась Роуз и, отступив на полшага, нажала кнопку. Звонок молчал, хотя всего три четверти часа назад он был в полном порядке.

— В самом деле? — воскликнула Бренда. — Я и не знала. Надо будет починить. Проходите, пожалуйста. Кажется, вы уже знакомы с моим мужем?

— О да!

— А с мисс Кент? С доктором Сондерсом?

— Мисс Кент я видела однажды. А доктора Сондерса знаю чуть лучше.

Роуз Лестрейндж закрыла дверь, и теперь все оказались заперты в одном помещении с ней. Аромат ее духов, тонкий и ненавязчивый, мягко щекотал ноздри. Очевидно, она была из хорошей семьи, привыкла к лучшему и чувствовала себя совершенно непринужденно.

Эта непринужденная учтивость, похоже, передалась Кэролайн и Тоби. Те, кто не был знаком с его «официальным» лицом, тем, с которым он являлся в Пентагон, удивились бы его сдержанности.

— Нам с мисс Кент, к сожалению, нужно уходить, — сказал он, пропуская Кэролайн вперед и доставая из кармана ключи от машины. — Тем телефонным звонком, доктор Кент, кажется, нас просят вернуться? Да? Я так и думал.

— А, так это ваша машина у дома. Я не догадалась, — улыбнулась мисс Лестрейндж и повернулась к Бренде. — Видите ли, миссис Рутвен, я встретила вашего мужа сегодня утром…

— Да, я слышала.

— О, правда? Это была моя первая с ним встреча…

— Первая? Самая первая? — *Осторожно! Осторожно!*

— Да, самая первая, — заверила ее Роуз с горячностью и невинностью сладострастного ангела. — И он пообещал дать мне почитать «Армадейл».

— Так вы интересуетесь Уилки Коллинзом, мисс Лестрейндж?

— По правде говоря, не интересовалась, пока не послушала мистера Рутвена. Неудивительно, что он своими рассказами может увлечь любого.

— В таком случае, Марк, — Бренда повернулась к мужу, — тебе лучше сбегать наверх и принести книгу. Не хотелось бы задерживать мисс Лестрейндж.

— Мне очень неудобно. Час для визита, конечно же, совершенно неподходящий, хотя сама я всегда рада друзьям и порой забываю о времени. Вы же одолжите мне книгу, мистер Рутвен?

— Марк! Да что с тобой?

— Ничего, дорогая. Извини.

Поворачиваясь, Марк мельком увидел худое, невозмутимое лицо Тоби и почувствовал за внешней вежливостью его стальную твердость и решимость. Казалось, Тоби говорил: «Не волнуйся, старина. Я здесь управлюсь».

С нарочитой медлительностью Марк поднялся по лестнице. Войдя в кабинет, он метнулся к полкам и дважды прошел мимо, прежде чем заметил нужный корешок. Снизу доносились голоса, и в этот момент Марк с предельной ясностью осознавал, что он вовсе не тот невозмутимый, лишенный эмоций человек, каким всегда старался казаться.

Схватив книгу, он устремился к выходу, но вовремя опомнился, взял себя в руки и неспешно, с достоинством спустился по лестнице.

Голоса, как ему показалось, стали чуть более резкими.

— Большое спасибо, доктор Сондерс, — говорила Роуз, — и вам тоже, мисс Кент. Но, право же, подвозить меня вовсе не обязательно. Здесь не более трехсот ярдов, если идти напрямик. К тому же я хотела бы рассказать миссис Рутвен одну забавную историю.

— И все же вам лучше поехать с нами, — сказал Тоби, придерживая дверь. — У меня тоже есть для вас занятная история.

Тоби говорил вежливо, но было в его голосе что-то, что заставило Марка вмешаться, хотя каждая его клеточка настоятельно требовала изгнать эту женщину из дома.

— Вот, мисс Лестрейндж, пожалуйста. — Марк протянул ей книгу. — Это не лучший роман Коллинза, даже не третий или четвертый по значимости. Но возможно, он позабавит вас, если вам по вкусу замысловатые интриги.

— Именно такое мне по вкусу, — с загадочной улыбкой ответила Роуз. — А убийства тут есть? Мне будет страшно?

— Ага! — воскликнул Тоби. — Вот и повод поехать с нами! Моя история как раз об этом.

— О чем, доктор Сондерс?

— О страхе, — ответил Тоби и еще шире распахнул дверь. Кэролайн уже вышла и стояла на выложенной камнями дорожке. Роуз Лестрейндж, задержавшись в дверях, взглянула на Тоби.

— Дорогой доктор Сондерс, пожалуй, я все же приму ваше предложение. Уверена, миссис Рутвен меня простит. Кстати, мистер Рутвен, вы ведь ведете курс викторианского романа?

— Да, мисс Лестрейндж. Я говорил вам об этом сегодня утром.

— Я обожаю викторианцев, — воскликнула Роуз и, бросив взгляд через правое плечо, снова обратилась к Марку: — Такие ханжески строгие, нетерпимые в публичной жизни, вот и книги у

них такие же, правда? Читать между строк — и первых, и вторые — истинное удовольствие. Спокойной ночи, миссис Рутвен. Спокойной ночи, мистер Рутвен. Большое спасибо за книгу.

Взгляд ее задумчиво-мечтательных глаз перебегал от Марка к Бренде без малейшего намека на насмешку. Прижав к груди старую книгу в некогда пурпурном, а теперь почти черном переплете, она повернулась и грациозно вышла в ночь. Наружная сетчатая дверь с легким стуком захлопнулась.

Все трое — Роуз, Кэролайн и Тоби — направились по дорожке к машине. Провожая их взглядом, Марк услышал звонкий смех Роуз. Когда все сели, Тоби сдал назад, к гаражу, развернулся и умчался, на прощанье взревев мотором.

Марк все еще смотрел вслед. Обсаженная могучими деревьями, Колледж-авеню тянулась, слегка изгибаясь, почти на полмили и заканчивалась у ворот и белых колонн дома ректора. Но так далеко Тоби ехать было не нужно. Уже через пятьдесят ярдов машина свернет направо, на Харли-лейн, которая когда-то называлась Блю-Руин-лейн и вела к главной дороге на Куинсхейвен.

Задние огни мигнули и пропали. Убедившись,

что Бренда больше не стоит у него за спиной, Марк закрыл тяжелую входную дверь.

Бренда в гостиной закуривала сигарету и, когда он вошел, не заговорила и даже не взглянула на него. Она только ходила по комнате, поправляя чехлы на креслах, взбивая диванные подушки и наводя порядок там, где в этом не было нужды.

Напряженное, неестественное молчание затягивалось. Марк уже собирался пойти наверх, в кабинет, когда жена наконец заговорила.

— Так вот она какая, — сказала она как бы невзначай, поправляя абажур.

— Кто?

— Женщина, с которой у тебя роман. Роуз Лестрейндж.

— Разве я это сказал?

— Пожалуйста, не будь лицемером, Марк. Тебе это не к лицу.

«Боже, — подумал он, — сколько еще я смогу сдерживаться?»

— Тебе и не нужно было ничего говорить, — тем же холодным тоном продолжала Бренда. — Ты ведь нарочно вставил ее имя в разговор о той книге, как только узнал, что я уезжаю с Фрэнком.

— Кстати, о Фрэнке Чедвике…

— Не впутывай его. Фрэнк тут ни при чем.

— А по-моему, очень даже при чем. Ты вообще помнишь, что я на самом деле сказал?

Ни с того ни с сего толкнув абажур, Бренда резко повернулась к нему.

— Ты сказал, что устал от меня, — заговорила она, повысив голос. — Разве этого недостаточно? И если ты устал от меня, почему не сказал об этом раньше? Зачем нужно было связываться с этой потаскухой и унижать меня в моем же доме?

— Позволь мне напомнить, — Марк изо всех сил старался держать себя в руках, — что сказала ты. Ты сказала о своей большой любви к юному Чедвику. Ты заявила, что между нами все кончено и что мы не можем повернуть время вспять. Ты с самым мученическим видом утверждала, что я не имею права удерживать тебя против твоей воли.

— И ты решил, что я всерьез это говорила? — воскликнула Бренда.

Некоторое время — его хватило бы, чтобы досчитать до десяти, — Марк молча смотрел на нее, постепенно меняясь в лице.

— Хочешь сказать, — произнес он, — что ничего этого ты не имела в виду?

— Я…

— Ответь мне! Положи сигарету и ответь!

Бренда отпрянула, вытаращившись на него так,

словно видела впервые в жизни. Они прожили в браке пять лет, и она думала, что знает каждое его настроение, но он никогда еще не обращался к ней подобным образом. Но уже в следующее мгновение шок от испуга сменился гневом.

— Хорошо! — бросила она, затушив сигарету о край пепельницы. Рассыпавшись искрами, окурок упал на ковер, где и остался, незаметно тлея. — Хорошо! Может быть, я и правда часто с ним встречалась. Может быть, я… я думала о романе с ним, потому что тебе на это было совершенно плевать!

— Ты действительно думала, что мне плевать?

— А разве нет?

— Нет! Ты и представить не можешь, до какой степени нет!

Бренда на мгновение как будто растерялась.

— Тогда… тогда почему ты не остановил меня?

— Ты думаешь, я стал бы соревноваться с необразованным балбесом, чьи интересы сводятся к деньгам и так называемой светской жизни?

— Фрэнк милый! — Заметив, как скривился его рот при звуке этого случайно вылетевшего слова, Бренда взъярилась еще сильнее. — Да, может быть, он и не разбирается в книгах. В этом его проблема, да? Если кто-то не очень умен, с твоей

точки зрения, то вы, ты и твоя компания, считаете его недостойным даже вашего презрения. Разве нет?

— Если это Чедвик — да.

— И когда я думаю… — выпалила она. — Марк, ты знаешь, почему я вернулась сюда, хотя уже уехала с ним?

— Нет.

— Я пожалела, что сказала тебе то, что сказала. Подумай только! Мне было жаль, потому что я сказала это сгоряча. Моя глупая, идиотская совесть не давала мне покоя. У Фрэнка был важный звонок в десять, поэтому он остановил машину в Куинсхейвене и зашел в аптеку позвонить. А я выскользнула из машины и пешком вернулась сюда. Я думала, может быть, ты тоже сожалеешь о том, что сказал.

Бренда сглотнула, потом еще раз. Глаза ее наполнились слезами, но она моргнула, прогоняя их.

— И что? Разве ты о чем-то сожалел? О нет! Мало того что ты крутил роман с этой отвратительной потаскушкой, ты еще и хвалил ее, защищал ее прямо передо мной!

— Тебе, наверное, будет интересно узнать, Бренда, что я не «крутил роман» с ней и даже не

думал об этом. То, что мисс Лестрейндж сказала сегодня, — чистая правда. Я встретил ее впервые сегодня утром, когда она остановила меня на Колледж-авеню, и до этого ни словом с ней не перебросился.

Бренда уставилась на него. Вскинула правую руку. Никогда еще она не казалась ему такой прекрасной и желанной. Благородство и доброта выплескивались из нее вместе с яростью, любовью, недоверием и чем-то еще, что он не мог определить.

— Ты смеешь говорить мне такое?

— Почему нет? Это правда.

— Не верю!

— Тогда верь, чему хочешь. Я просто хотел, чтобы ты отведала на вкус собственное лекарство.

По лицу Бренды разлилась мертвенная бледность.

— Ты смеешь такое мне говорить? Ты же побежал к телефону, когда он зазвонил, потому что подумал, что это она. Рванул, чтобы опередить меня, чтобы я не узнала?

— Ты так это поняла?

— А как еще это можно понять?

— Да. Я потерял голову. Чувствовал себя виноватым. Понимаешь, я пытался позвонить ей

раньше.

— Так ты ей звонил? А еще говоришь мне…

— Я сказал, что пытался! Сразу после того, как ты ушла. Я собирался отнести ей книгу, которую она просила. Глупо, конечно. Хотел сделать это в отместку тебе. Но, судя по ее собственным словам, она ждала кого-то другого. А потом, прежде чем я успел что-либо объяснить, в дверь позвонили Тоби и Кэролайн.

— И это все? Как ты смеешь? Когда… когда…

Бренда задыхалась, слова рвались наружу, душили ее.

Так и не договорив, она выбежала из комнаты. Марк поспешил за ней.

Упавший окурок прожигал ковер, от которого поднимался едкий дымок.

У двери Бренда остановилась и, пораженная какой-то мыслью, резко обернулась.

— Так ты только пытался ей позвонить, да?

— Да!

— Она живет здесь меньше полугода. Ее нет в телефонной книге. Откуда ты знал ее номер?

— У коттеджа всегда был один и тот же номер — Куинсхейвен, тринадцать, ты знаешь это не хуже меня!

— Да? Да?!

Бренда распахнула входную дверь, локтем откинула наружную сетчатую и, вытянув руку, нащупала слева звонок. Долгая пронзительная трель пронеслась по дому, оборвалась и зазвучала снова оглушительным, дергающим за нервы дребезжаньем.

— Бренда! Прекрати!

Сетчатая дверь захлопнулась, за ней — входная. Лицо ее оставалось мертвенно-бледным, но теперь потускнели и глаза.

— Звонок работает, — тихо сказала Бренда. — Она даже не нажала как следует, всего лишь коснулась. Ни слова правды, солгала во всем. Как и ты. Знала, что меня нет дома, и пробралась сюда, чтобы переспать с тобой в нашем доме. Если ты не видел ее лица, то я видела. Боже, я могла бы убить ее, — закончила он шепотом.

— Бренда, хватит!

— Ты отрицаешь, что это так?

— Да! Все, что я сказал, — правда!

— Хорошо! Теперь, когда я знаю, что ты лжец, к тому же глупый и самоуверенный, что твоя цель — сделать мне как можно больнее, я приняла решение. Я ухожу из этого дома сегодня же. Соберу вещи, возьму машину и уеду к Джейн Гриффитс в Вашингтон. Завтра я извинюсь перед

Фрэнком Чедвиком и сделаю все, что он попросит. И попробуй только остановить меня!

— Бренда, я был дураком. Меня тошнит от того, что я сделал…

— Значит, ты признаешь, что крутил с ней роман?

— Ничего подобного я не признаю! А ты, если хочешь быть еще большей дурой, вперед! Давай! Езжай, куда тебе заблагорассудится! Куда черти понесут!

— О… — прошептала Бренда.

Промчавшись мимо него, она пересекла холл и устремилась вверх по лестнице, застеленной темной ковровой дорожкой. Спотыкаясь, ослепленная слезами, она обернулась на полпути.

— Повеселись со своей потаскушкой, Марк. Отведи душу. И не думай, что меня это тронет. Нет, не тронет. Потому что мне плевать. Но по дороге в город я заеду и скажу ей все, что о ней думаю. А потом сама прекрасно проведу время с Фрэнком.

— Бренда!

Все еще оступаясь и всхлипывая, она добралась до верха. Каблуки простучали по дощатому полу. Дверь спальни над столовой с грохотом распахнулась.

В этом доме — одном из новых, построенных для преподавателей на Колледж-авеню, — стены были такие тонкие, что позволяли легко визуализировать все происходящее за ними. Вот что-то заскреблось и зашуршало на полке гардероба; тяжелый чемодан грохнулся — задрожало стекло; средний ящик туалетного столика издал свой особенный скрип при попытке его выдвинуть.

Марк Рутвен, только что рассказавший жене всю правду о Роуз Лестрейндж, решительно пересек холл, чтобы подняться наверх и положить конец этой нелепице. Но ревность подняла голову, кусала и жгла, и справиться с ней он, как ни старался, не мог. Та комната наверху, где Бренда металась между гардеробом и туалетным столиком, хранила воспоминания, слишком личные, слишком хорошо знакомые.

Он остановился у подножия лестницы. Развернулся, шагнул обратно в гостиную; ярость закипала, застилая разум. Окурок на полу давно потух, оставив пепел на черном опаленном пятне ковра.

И все же образ, на мгновение возникший перед ним, был не Брендой с ее густыми каштановыми волосами и прекрасным лицом. Эта женщина, скорее всего, и была виновницей всех бед — от

поломанных браков до безумного происшествия в спортзале. И у этой женщины была коварная улыбка и порочная грация Роуз Лестрейндж.

Глава пятая

Марк так и не понял, когда и как начался этот сон.

Часы на доме Основателя мерно отбивали время в прохладном ночном воздухе. Рассвет — если это можно назвать рассветом в мире тумана и обильной росы — забрезжил дрожащей серой кромкой.

В половине пятого утра где-то далеко прокукарекал петух: три хриплых крика и долгий затихающий клекот. Призрачный жутковатый звук, принадлежащий скорее ночи, чем дню, повис ненадолго в воздухе и растворился в нем.

Полчаса спустя в отдалении с рокотом проехал грузовик, потом еще один. Но продолжения, как это бывает в будние дни, не последовало. Небо посветлело, хотя и казалось все таким же хмурым за тонкой пеленой тумана.

В половине шестого Марк Рутвен еще спал в глухой тишине воскресного утра. В какой-то момент — должно быть, намного позже — ему приснился сон. Находясь на грани пробуждения, он смутно сознавал происходящее, поскольку просочившийся туман смешал два эти состоя-

ния — сон и явь.

Во сне Марк увидел Колледж-авеню. В пятидесяти ярдах от его дома под прямым углом от нее ответвлялась Харли-лейн, которую он тоже видел и которая, протянувшись на триста ярдов, соединялась с главной дорогой на Куинсхейвен.

На Харли-лейн, обсаженной с обеих сторон деревьями, стояло всего два дома — неподалеку один от другого и почти напротив. Первый, по правой стороне, начинал свою историю в XVIII веке как таверна, а в недавние времена принадлежал доктору Дэниелу Уокеру, возглавлявшему отделение английской литературы и умершему меньше года назад. Его молодая вдова все еще жила там.

Второй дом, поменьше, на левой стороне, стоял на некотором удалении от дороги. Называли его по-разному: «бунгало», «Красный коттедж» или «Куинсхейвен, 13» — по номеру телефона. В этом доме жила Роуз Лестрейндж. К двери вела песчаная дорожка, освещаемая одиноким фонарем. Густые деревья укрывали ее тенями, и туман стелился у окон.

Затем сон изменился. Марк увидел Бренду — она стояла на лестнице в их доме и смотрела на него сверху вниз.

— По дороге в город, — беззвучно говорила Бренда, — я загляну к ней и скажу все, что о ней думаю. По дороге в город…

И вот здесь сон превращался в кошмар.

В этом видении, наполненном беззвучными звуками, Бренда шла по песчаной дорожке к Красному коттеджу. Вдруг что-то схватило ее, и тут же зазвонил то ли телефон, то ли дверной звонок. Бренда закричала.

Схватившее Бренду нечто оказалось Роуз Лестрейндж или кем-то похожим. В темноте слышались звуки борьбы и ударов.

— Стоп! Стоп!

Разбуженный воображаемым голосом, Марк Рутвен сел; сон не отпускал, цепляясь обрывками видений.

Он обнаружил, что сидит, полностью одетый и даже в ботинках, на кровати в их с Брендой спальне. В тусклом свете комната казалось белой; было жутко холодно.

Марк с усилием открыл глаза, потряс головой и посмотрел на вторую кровать. Постель не расстилали. Бренда не ложилась.

А внизу — не во сне, а наяву — звонил телефон.

Сердце бешено колотилось. Марк попытался

разглядеть время на дорожных часах, стоящих на столике между кроватями. Размытые стрелки показывали около половины седьмого.

На самом деле было не холодно, его просто била нервная дрожь.

Спотыкаясь, путаясь в паутине сна, Марк спустился вниз.

— Да? — хрипло произнес он в трубку после того, как прочистил горло.

Мужской голос, незнакомый, приглушенный, словно говоривший прикрывал чем-то рот, четко произнес:

— Вы опоздали. Она это сделала.

— Что? Что вы сказали?

— Лучше отправляйтесь в бунгало. Но вы опоздали. Это случилось.

— Что случилось? Кто вы?

Тихий щелчок. Связь оборвалась.

Марк Рутвен опустил трубку, подержал ее секунду-другую и бросил на рычаг.

Через мгновение он уже вышел из дома, аккуратно закрыл за собой дверь и по выложенной камнями дорожке поспешил к Колледж-авеню. На асфальте он прибавил шагу, а к повороту на Харли-лейн уже бежал, словно за ним гнался дьявол.

Влажный и липкий туман обволакивал лицо, забирался в нос и рот. В переулке серые клочья сгущались. Марк уже миновал дом покойного доктора Уокера — вытянутый в длину, низкий, из темного кирпича, — когда наконец опомнился и остановился.

Он ведет себя как дурак. С Брендой ничего не случилось.

Да, она уехала прошлой ночью. Бросила чемодан в машину и умчалась, не попрощавшись. Но ее угрозы устроить скандал Роуз Лестрейндж — чепуха, вздор. Даже если она и вправду намеревалась…

Остальное было сном. Да, до жути реалистичным, но только сном.

И тут Марк заметил что-то впереди. Он рванул вперед, пробежал ярдов двенадцать, свернул налево, снова остановился и посмотрел влево.

Передняя дверь коттеджа Роуз Лестрейндж была широко распахнута. Сквозь разрывы в тумане мерцал тусклый свет.

Лучше отправляйтесь в бунгало. Но вы опоздали. Это случилось.

Тот голос в трубке был реальным.

До этого момента Марк как будто существовал в мире без живых людей. Теперь, в колышущейся

белой пелене, он услышал приближающиеся шаги по асфальту.

Он не мог определить направление, но слышал голоса — их было по меньшей мере два. Затем ярдах в семи-восьми от него, с той же стороны, откуда пришел он сам, появились и обрели форму двое мужчин. Один был чуть выше среднего роста, с густым голосом; другой — невысокий, жилистый, со светлыми, коротко постриженными волосами.

Увидев Марка, доктор Сэмюэл Трэверс Кент и Тоби Сондерс остановились как вкопанные. Доктор Кент не выказал удивления — он никогда ничему не удивлялся. А вот Тоби, выглядевший так, словно спал еще меньше, чем Марк, проявил куда больше эмоций. На его застывшем лице промелькнуло выражение, прочитать которое полностью Марк не сумел, но, помимо прочего, оно могло означать следующее: *Я так и знал!*

Доктор Кент шагнул вперед. Тоби сорвался с места.

— Марк! Что ты здесь делаешь?

— Там что-то не так. — Марк кивнул в сторону Красного коттеджа. — Передняя дверь открыта. А еще несколько минут назад какой-то анонимный шутник позвонил мне и сказал, что в бунгало

что-то случилось. Намекая на убийство.

— Анонимный шутник? Убийство… — Голос у Тоби сорвался. — Ты хочешь сказать, Роуз Лестрейндж действительно кого-то убила?

— Нет! — Марк тут же взял себя в руки. Треклятый сон нахлынул снова: Роуз бросается на Бренду и старается задушить ее, но самое ужасное и нелепое, что во сне на Роуз спортивный костюм — шорты и блуза.

Машины поблизости не было, а значит, Бренда не пострадала; разве что кто-то уехал на машине.

— Кто звонил? — спросил Тоби. — Ты узнал голос?

— Нет. Голос был как бы приглушен.

— Мужчина или женщина?

— Определенно мужчина. Низкий тембр не спутаешь. Думаю, нам стоит проверить дом.

— Одну минуту! — вмешался доктор Кент. Самой примечательной его чертой был веселый блеск в глазах, не исчезавший, даже когда он погружался в абстрактные размышления. Но сейчас он был непривычно серьезен и даже, пожалуй, слегка шокирован. Хотя ему было под пятьдесят, морщины почти не тронули широкое лицо, а вот густые волосы отливали стальным блеском.

— Одну минуту, пожалуйста! — повторил он мягким тоном, напоминая, что нельзя вот так запросто врываться в чужой дом. В другое время Марк бы с ним согласился. Но не сейчас.

— Думаю, мы можем это сделать, — ответил Марк, решительно направляясь по песчаной дорожке к Красному коттеджу.

— Я с тобой, — поддержал коллегу Тоби.

— Что именно сказали по телефону? — спросил доктор Кент, оставшийся у них за спиной.

— Сначала он сказал: «Вы опоздали. Она это сделала». Потом добавил: «Лучше отправляйтесь в бунгало. Но вы опоздали. Это случилось».

Тоби выругался. Из сумрака навстречу им выплыли очертания бунгало, окруженного с трех сторон высокими деревьями с густыми кронами.

Это был небольшой, крытый дранкой каркасный дом, возрастом старше даже того кирпичного, что служил когда-то таверной. Доски, испытанные временем, солнцем и непогодой, давно выцвели и приобрели нелепый розовый оттенок.

Спереди было четыре окна — по два с каждой стороны от двери. В глубине узкого холла горела тусклая лампа.

Два окна справа были плотно занавешены, и

шторы пропускали лишь слабый намек на свет. Остальная часть коттеджа таилась в темноте, как в кошмаре Марка.

— В последний раз я был внутри, когда домом владели Пембертоны. — Он кивком указал на окна справа. — Но если она не переделала все полностью, то вот это спальня.

— Подождите! — воззвал доктор Кент, но его никто не слушал.

Продравшись через кусты, Марк протиснулся мимо обоих окон. Они были небольшие, и отливы находились на уровне пояса. Однако установленные, по-видимому, недавно современные подъемные окна оказались запертыми изнутри. Открыть их снаружи не представлялось возможным, как и разглядеть что-то за плотными шторами.

Следуя за Марком, Тоби Сондерс постучал по стеклу костяшками пальцев и позвал хозяйку по имени. Ответом ему была тишина, густо напитанная запахом мокрой травы и листьев.

— Возможно, дама просто рано поднялась, — осторожно предположил доктор Кент.

— В такой-то час? В воскресенье? — Тоби вытянул шею и огляделся.

— Дорогой мой, я встал в шесть. Доктор и мис-

сис Уокер, как вы должно быть помните, вставали даже раньше.

— И вы полагаете, что наша Роуз тоже ранняя пташка?

— Э… пожалуй, нет.

Марк мельком взглянул на него. Доктор Кент — в своем обычном мятом твидовом костюме, из одного кармана которого высовывался набитый табаком кисет, из другого — литературный еженедельник — стоял на дорожке перед дверью. Марк пробежал мимо него в крошечный, с низким потолком холл, отделанный панелями. Справа была современная, окрашенная в белый цвет дверь.

Дверь была закрыта. Он покрутил ручку, потом опустился на колени и заглянул в замочную скважину, но увидел только вставленный в нее с другой стороны ключ. Тоби, отодвинув Марка в сторону, тоже заглянул в замочную скважину и выпрямился. Мужчины посмотрели друг на друга и, отступив от двери, огляделись. Если не считать маленького столика с лампой под янтарным абажуром, единственным украшением была картина в рамке на стене — большой черно-белый рисунок Гойи «Шабаш ведьм». Мимо проплыл клочок тумана.

— Бренда… — произнес Марк.

— Бренда?! — удивленно воскликнул Тоби. — Ты же не думаешь, что Бренда там?

— Нет, конечно. — Марк взял себя в руки. Тоби повернулся и с силой пнул ногой закрытую дверь.

— Могу ли я предположить, — доктор Кент повысил голос, — что мы уже достаточно громко заявили о своем присутствии?

— Послушайте, сэр. Как вы понимаете эти слова: «Вы опоздали. Она это сделала»? Что вы об этом думаете?

— Ничего не могу сказать. Пока. Но мы ведь наверняка можем войти, не ломая дверь?

— Никто и не говорит, что нужно ломать. Есть другой способ, — сказал Тоби, — которым все мы пользовались в детстве. Нам нужна газета. Любая! Нет, погодите! Сойдет и кое-что другое. Доктор Кент! Можно мне вашу «Сэтердей ревью» из правого кармана?

— Это? — Доктор вынул сложенную газету и рассеянно посмотрел на него. — Для чего?

— Чтобы открыть дверь. Дайте я покажу.

Темно-карие глаза под морщинистыми веками оживились; пробудившийся в них юношеский задор контрастировал с поседевшими волосами.

В свое время доктор Кент был известным теннисистом и до сих пор выходил на корт и играл неплохо; сложенную трубочкой газету он держал в руке, словно ракетку.

— Когда я сказал, что мы можем войти, не ломая дверь, я иронизировал. Вы же не станете ее ломать? Вы ведь не это имели в виду?

— Именно это, — тихо сказал Марк Рутвен. — Послушайте, я не хотел вам этого говорить. Десять против одного, что вы правы. Мисс Лестрейндж, вероятно, приняла снотворное. Ничего страшного, мы всего лишь попадем в неловкую ситуацию. С другой стороны, есть мизерный шанс, что там моя жена — успокойся, Тоби! — и я хочу убедиться, что с ней ничего не случилось.

— Понятно. — Морщинистые веки доктора Кента снова дрогнули. Он передал газету Тоби.

— Марк, — воскликнул Тоби, — ты ошибаешься. Ни о каком убийстве и речи нет. Как и тот случай в спортзале, это…

— Не важно. Действуй.

Тоби опустился на колени перед дверью, разложил еженедельник и подсунул его в узкую щель под дверью.

— Есть ручка или карандаш? Марк, ты знаешь, что делать?

Марк кивнул, наклонился к замочной скважине и, вставив в нее карандаш с ластиком на конце, подтолкнул ключ, который упал на газету с другой стороны двери. Тоби Сондерс осторожно потянул газету и поднял появившийся из щели ключ.

— Вот так! — Тоби выпрямился, перевел дух и ударил кулаком по ладони. — Вот так! Ты, Марк, волнуешься больше всех, ты и открывай.

Марк взял ключ, вставил его в замочную скважину и повернул. Замок щелкнул, и Марк, взявшись за ручку двери, замер в нерешительности.

— Открывай! — поторопил его Тоби. — Говорю тебе, беспокоиться не о чем! Если что-то и случилось, то уж точно не убийство! Это самоубийство.

Марк повернул ручку, распахнул дверь — и мир перевернулся с ног на голову. Он замер в оцепенении.

— Самоубийство?

— Да! Посмотри туда!

Спальню заливал приглушенный янтарный свет. Почти весь пол занимал мягкий шерстяной ковер. Два выходящих на улицу окна в стене справа были затянуты толстыми кретоновыми шторами бежевого и янтарного цвета. У стены

слева, между двумя книжными полками светлого дерева, стояла широкая, застеленная кремовым покрывалом кровать. Распахнутая дверь рядом с ней вела, по-видимому, в ванную. У той же стены, ближе к углу, под лампой для чтения с янтарным абажуром из граненого стекла стояло мягкое кресло ярко-зеленого цвета. На маленьком столике обложкой вверх лежала раскрытая книга в темно-фиолетовом переплете.

Но все эти детали отступали на второй план в сравнении с тем, что бросилось в глаза сразу же, как только они открыли дверь.

Роуз Лестрейндж ударила себя ножом в сердце.

Низкий туалетный столик с тремя зеркалами — из-за чего возникало ощущение, будто вокруг одни зеркала, — стоял у самой стены. Задвинув ноги глубоко под стол, Роуз сидела спиной к двери на мягком зеленом стульчике с низкой спинкой. Темные волосы свисали с откинутой назад головы, так что лицо было почти полностью обращено назад.

На ней был белый хлопковый халат с красным цветочным узором, плотно облегавший фигуру и перехваченный завязанным над левым бедром пояском. Пальцы правой руки сжимали рукоять ножа или кинжала; серебристый эфес ярко выде-

лялся на фоне красных пятен. Удар был нанесен сверху вниз, и смерть, должно быть, наступила мгновенно, если не считать предсмертных судорог.

Больше здесь никого не было. В спертом воздухе еще висели запахи косметики, солей для ванны и сигаретного дыма.

Трое столпившихся на пороге мужчин видели в зеркалах свои отражения. Но их взгляды снова и снова возвращались к застывшей в агонии фигуре: ножу, вонзенному в сердце, свисающим черным волосам и широко раскрытым глазам.

Часть вторая
Умная женщина

Но есть и другой интерес, куда более возвышенного порядка, – интерес сенсационный.

Артур Мейчен. Иероглифика

Глава шестая

— Подождите! Стойте! Не входите!

Все трое имели за спиной немалый жизненный опыт. Но сейчас, потрясенные увиденным, они застыли у порога, не зная, что делать. Сцена жестокой смерти, представленная им во всех подробностях и красках, казалась настолько нереальной, что на какое-то время они просто оцепенели. Первым пришел в себя и сделал шаг вперед Марк Рутвен.

— Подождите! Стойте! Не входите! — негромко сказал доктор Кент.

— Я и не собираюсь, — бросил Марк. Ему и в голову не пришло, что его ответ полностью лишен смысла.

Ноги сами пронесли его по мягкому ковру.

Роуз Лестрейндж заколола себя — все указывало на это, и у Марка не было оснований сомневаться. Теперь, когда он избавился от одного страха, в голове начало проясняться. Но чтобы успокоиться окончательно, нужно было развеять последние опасения.

Слева от двери стоял большой платяной шкаф с одеждой и обувью. Открыв дверцу, Марк убедил-

ся, что в шкафу никого нет.

— Не подходите… — предупредил от порога доктор Кент.

— Не буду.

Он прошел мимо мертвой женщины, отражение которой множилось в трех зеркалах. Кроме длинного белого халата с цветочным узором, на ней, похоже, не было ничего. Раньше она так много смеялась, теперь не смеялась совсем. Пятна крови подсохли, тело, похоже, окоченело.

Марк прошел к ванной — никого. Витражное окно заперто изнутри. Бренды здесь не было и быть не могло; все только привиделось в кошмарном сне — отринь, забудь и выкинь из головы!

Он огляделся. Единственная в комнате картина, репродукция работы Антуана Вирца «Молодая колдунья», висела над кроватью. Девушка на картине, если бы улыбалась, напоминала бы Роуз Лестрейндж при жизни.

И все же перед тем, как вонзить в себя нож — Марк взглянул на книгу в темно-фиолетовом переплете и с золочеными буквами на корешке, лежащую на столике у зеленого кресла, — Роуз читала викторианский роман, который взяла у него минувшим вечером.

— Мистер Рутвен! — раздался голос. — Выйди-

те, пожалуйста.

Марк присмотрелся повнимательнее. Разобрать издалека стершееся от времени название он не мог, но что-то как будто было не так. Определенно…

— Мистер Рутвен!

Марк вышел. Доктор Кент закрыл дверь спальни. И тут все трое заговорили одновременно.

Позже никто не мог вспомнить, о чем именно говорил. Доктор Кент утверждал, что Марк завел лекцию о браке; Марк говорил, что доктор Кент увлекся анализом детективных историй А. Э. В. Мейсона; а Тоби, по словам обоих, принялся в самых крепких выражениях описывать состояние своих чувств, пока доктор Кент не попросил его заткнуться.

— Хватит! Это уже совершенно лишнее. И чему вы, в конце концов, удивляетесь? Вы сами предсказывали, что леди… что она сделает именно то, что и сделала.

— Да знаю я! Знаю, что предсказывал, — почти закричал Тоби. — Но у меня и в мыслях не было, что так оно и выйдет. Понимаете?

— Тоби, — спросил Марк, — откуда ты знал, что она покончила с собой?

— Если уж на то пошло, — Тоби сердито нахму-

рился, как будто его вынудили совершить акт предательства, — почему ты решил, что Бренда здесь?

— Мне приснилось.

— Приснилось? Тебе просто приснился звонок какого-то шутника, из-за которого и случился весь этот переполох?

— Нет-нет! Звонок был настоящий, наяву. «Вы опоздали, она сделала это». Но сон, в котором Роуз Лестрейндж душила Бренду…

— Ты спятил?

— Довольно, — вмешался доктор Кент, собираясь с силами, чтобы сделать то, что нужно сделать. Одолеваемый беспокойством, разрываясь между тревожными мыслями и необходимостью заняться разрешением практической ситуации, он наконец занял твердую позицию. В этот миг его темно-карие глаза стали похожи на глаза его дочери, Кэролайн.

— Поверьте мне, я понимаю и сочувствую, — сказал он. — Мы все как рыбы в аквариуме. Дышим, но едва шевелимся. Наши собственные чувства, как выясняется, отличны от тех, которые описаны в книгах. Однако! Нам нужно вызвать полицию.

— Полагаю, да, — кивнул Марк.

— Совершенно невероятная ситуация. По крайней мере, для меня. Казалось бы, так просто — поднять трубку и сказать: «Соедините с полицией», — но все во мне противится этому и… — Он замер с поднятым кулаком. — В романах полицию вызывают с такой же легкостью, с какой просят прислать водопроводчика. Но мисс Лестрейндж мертва — и это факт! Э, могу я предложить вам подготовить свои версии событий?

— Разве это так необходимо? — резко спросил Марк.

— Дорогой Марк! Извините, что назвал вас мистер Рутвен. Ситуация чертовски серьезная. Случившееся затрагивает колледж…

— Каким образом?

— Пойдемте со мной, — доктор Кент взял такой же резкий тон, — и я покажу вам. Телефон! Где тут телефон?

В холле, напротив спальни, была другая, более широкая дверь. Открыв ее, Тоби пошарил по стене, щелкнул выключателем, и свет залил отделанную белыми панелями гостиную XVIII века со старинным камином и настоящей, изящной и легкой, чиппендейловской мебелью.

— Вот вам телефон. — Тоби указал на аппарат. — Но ради всего святого, не спешите со

звонком!

— Я и не спешу. — Доктор Кент прошелся по комнате. — У нас есть несколько минут. Мисс Лестрейндж мертва! — Он нахмурился, сжал кулак, но не остановился. — Поверить не могу. Нам всем нужно привести в порядок мысли.

На стенах, в явной дисгармонии с обитыми атласом чиппендейловскими креслами, висели черно-белые карикатуры в рамках, оригинальные работы знаменитых газетных художников, более всего прославившихся на ниве самой язвительной сатиры. Политики и общественные деятели, мужчины и женщины замерли в нелепых позах на этом гротескном карнавале шутов.

Еще одно напоминание о Роуз Лестрейндж, улыбающейся и игривой, словно остававшейся живой даже после смерти. В каком-то смысле она все еще была жива, и ее невидимое присутствие грозило серьезными неприятностями, о чем, без сомнения, знал доктор Кент.

— Вот, например! Вы не станете возражать, — начал он, явно испытывая неуверенность в успехе задуманного им предприятия, — если я выступлю в роли инквизитора и задам несколько вопросов, которые, боюсь, задаст и полиция?

— Нет, я не против, — проворчал Тоби. —

Марк?

— Нет, не то чтобы… Но почему вы полагаете, что их обязательно станут задавать?

Доктор Кент остановился.

— Потому что кто-то назовет это убийством, — ответил он, — и вы знаете это не хуже меня.

Слово «убийство» прозвучало как гром среди ясного неба.

Марк Рутвен уже задумывался о некоторых неприятных последствиях такого заключения.

— Убийство? Перестаньте! — фыркнул Тоби, пряча беспокойство за беспечной усмешкой. — Разве есть хотя бы что-то, указывающее на то, что это убийство?

— А разве есть что-то, доказывающее самоубийство? — парировал доктор Кент. — Поверьте мне, я вовсе не собираюсь наталкивать полицию на мысль об убийстве. Но нам нужно позаботиться о том, чтобы и они сами не пришли к этой гипотезе. Мы должны продумать нашу защиту. Вы слышали, что говорил вчера вечером доктор Хьюит. Скандал в колледже…

— Но Роуз Лестрейндж не имеет отношения к колледжу!

— Уверены? — спросил доктор Кент.

Достав из нагрудного кармана большие очки в

роговой оправе, он водрузил их на переносицу и подался вперед.

— Недавно Марк задал вполне уместный вопрос. Как вы узнали, что леди покончила с собой? Почему вы были так уверены в этом еще до того, как мы нашли ее?

— Послушайте, сэр, я не психиатр!

— А я не полицейский. Но ваш ответ меня не удовлетворяет.

Тоби на секунду замешкался.

— Ладно, вы сами спросили. Эта женщина определенно ненормальная, взбалмошная, с неуравновешенной психикой — именно такие чаще всего сводят счеты с жизнью. К тому же, если уж на то пошло, она просто помешана на сексе.

Доктор Кент бросил на него любопытный взгляд. Очки добавляли ему лет и придавали сходство с совой.

— Тоби, боюсь, вы не понимаете мисс Лестрейндж.

— Черт возьми, сэр, она сама постаралась сделать так, что все ее избегали, разве нет? Хотя, пожалуй, мне стоит быть осторожнее. Как говорит Кэролайн, вы всегда за нее заступаетесь.

— Разве? — Доктор Кент слегка нахмурился. —

Хм, нет, не думаю. Я всего лишь говорил жене и миссис Уокер, что они ее не понимают.

— Да чего же они не понимают?

— Погодите! Мы отвлекаемся. — Доктор Кент снова прошелся по комнате, бормоча что-то себе под нос, и опять повернулся к Тоби. — Вчера около десяти вечера вы с Кэролайн навестили Марка. Около одиннадцати я позвонил и попросил вас обоих вернуться. Вы появились лишь через полчаса и позже объяснили это тем, что вам пришлось отвезти домой мисс Лестрейндж.

— И что с того, сэр?

— Что с того! Вы же терпеть ее не можете. Дом Марка — в двух шагах от этого коттеджа. Зачем вам понадобилось подвозить ее?

— Послушайте! — Тоби искоса взглянул на Марка. — Там возникла… э… неловкая ситуация.

— Прошу прощения?

— Наша Роуз стала причиной некоторых трений между Марком и Брендой. Бренда просто закипала от возмущения, а Марк… Вы бы посмотрели на него! Я еще не видел человека, который выглядел бы таким виноватым.

Марк Рутвен придвинул к столу стул, сел и, чтобы не поднимать глаз, принялся выводить на столешнице какие-то узоры.

— Бренда убедила себя, что у него бурный роман с Роуз Лестрейндж.

Тоби, судя по всему, придерживался того же мнения. Как и Кэролайн. Тучи над его головой сгущались.

Но доктор Кент, казалось, даже не думал об этом.

— Дорогой мой, вы, вероятно, не понимаете, — сказал он, пристально глядя на Тоби. — Если мисс Лестрейндж покончила с собой, в каком она была настроении, когда вы видели ее в последний раз? Вот что я пытаюсь выяснить.

— Я об этом и говорю! — Тоби потянул воротник, будто тот вдруг стал слишком тесен. — Видите ли, по дороге домой я… я попытался нагнать на нее страху.

— Ах вот как. Нагнать страху. И каким же образом?

— Ну, дал понять, что прекрасно знаю, что те проделки в спортзале с якобы покушениями на убийство ее рук дело.

Доктор Кент вздрогнул и поправил очки.

— Неужели? Очень интересно. И когда вы пришли к такому странному выводу?

— А что в нем странного? — воскликнул Тоби. — Вот только я был настоящим ослом, мне

такое и в голову не приходило, пока Бренда не предположила, что это женщина. А какая женщина? Конечно же, это наша Роуз. Я еще намекнул — косвенно, — что она развлекалась со своими кавалерами в нашем лазарете.

— Погодите! Как она отнеслась к тому, что вы заподозрили в ней шутника из спортзала?

Тоби открыл рот, замялся и нехотя проворчал:

— Плохо.

— Понятно. В чем это выразилось? Она рассердилась, разволновалась?

— Не знаю, — выпалил Тоби. — Не могу описать. Расстроилась… поникла… вид у нее был такой… убитый. Может, я и перегнул палку. Господи, надеюсь, что нет. В любом случае она была в таком состоянии, что могла… могла…

— Покончить с собой?

— Да! Вам и Кэролайн подтвердит. Но Роуз только сказала: «Доктор Сондерс, завтра утром вы кое о чем услышите».

— Хм! Где и когда она это сказала?

— Когда я в последний раз видел ее живой, около половины двенадцатого. Мы все сидели в машине, — Тоби кивнул в сторону окна, — вон там, у фонаря. Она произнесла вот эти вот слова, вышла из машины и стояла, смотрела на нас,

пока я разворачивался.

— Она приглашала вас в дом?

— Нет, да мы и не напрашивались. Последнее, что я помню, — она стоит на тропинке, почти под фонарем и прижимает к груди эту треклятую книгу, которую дал ей Марк. С таким видом, будто никому не позволит эту книгу у нее отнять.

Марк оттолкнулся от стола, и ножки стула со скрипом проехались по тонкому ковру из коллекции Савоннери. Но дело было не в словах Тоби и не в том, что они подразумевали, — он вспомнил кое-что еще.

За окнами маленькой белой комнаты поднимался и рассеивался туман. Пока еще слабый солнечный свет пробивался сквозь мглистую пелену и вспыхивал в каплях росы на мокрой траве. Деревья и лужайки, выступая из сумрака, обретали привычную форму. Приподнявшись со стула, Марк внезапно замер, глядя через улицу на дом молодой миссис Джудит Уокер.

Замер и доктор Кент.

— Да! — прошептал он, скорее всего отвечая сам себе. И тут же, словно очнувшись, повторил: — Да! Этого достаточно. Полицию это должно устроить. Для тех, кто не понимал ее, самоубийство будет…

С опозданием спохватившись, доктор снял

очки:

— Минутку! Что это была за книга?

Марк Рутвен выпрямился:

— Роман «Армадейл». Название в одно слово. Теперь я понимаю, почему та книга в соседней комнате показалась странной. Прошу прощения.

— Подождите! Куда вы?

— На минуту в спальню. Как вам известно, доктор Кент, у меня есть собрание сочинений Уилки Коллинза — издание «Чатто энд Виндус» начала двадцатого века — от первой книги тысяча восемьсот пятьдесят второго года до опубликованной посмертно в тысяча восемьсот девяностом. Приобретено в Лондоне во время войны; второго такого здесь нет.

— При чем тут Уилки Коллинз? — рявкнул Тоби. — Куда ни плюнь — везде этот усатый сукин сын! К тому же, Марк, ты просто не можешь вот так уйти. Слишком много вопросов.

— Должен согласиться, — сказал доктор Кент.

Солнечный свет уже заливал комнату, слепящие блики прыгали по стенам и карикатурам с извивающимися в гротескном танце знаменитостями.

Если его предположения в отношении книги верны, то Роуз Лестрейндж была убита. Тем боль-

ше оснований держать себя в руках.

— Да, есть вопросы, на которые мне нужно ответить. Например, почему я подумал, что Бренда может быть здесь? Что с ней что-то случилось? Что она пострадала и даже, может быть, мертва? Это первый вопрос, верно?

— Верно! — отозвался Тоби.

— Что ж, все эти вопросы могут подождать.

— Марк, они не могут ждать! Доктору Кенту надо звонить в полицию, а время уходит!

— Еще как могут. Потому что всему есть простое и невинное объяснение. Например, доктор Кент, как вы и Тоби оказались у этого дома в половине седьмого утра?

Доктор Кент начал было отвечать, но снова замолчал. В этой позе, с очками в поднятой руке, он выглядел как персонаж одной из тех карикатур. Выражение растерянности и недоумения отразилось в добродушных глазах, заставило кривиться губы и постепенно сменилось чем-то похожим на зачарованность.

— А знаете, я ведь и сам не имею ни малейшего представления.

Тоби изобразил танцевальный пируэт на ковре.

— Послушайте, сэр! — взмолился он, с трудом

подбирая слова. — Меня зовут Эдвард Сондерс, я работаю в Пентагоне. Я остался у вас ночевать, потому что доктор Хьюит буйствовал до часу ночи. Ваша жена… вы помните свою жену?

— Я помню свою жену, — с некоторым раздражением ответил доктор, слегка задетый за живое. — И давайте обойдемся без ненужного сарказма. Я лишь сказал…

— Выслушайте же меня, — умоляюще произнес Тоби. — Вы всегда встаете в шесть. Миссис Кент это не нравится, тем более по воскресеньям, когда вы гремите на кухне, пытаясь приготовить себе завтрак. Вот почему она предложила вам убраться и сходить в Куинсхейвен за воскресной прессой. Ясно? Сэр, это серьезно!

— Помню, да. И понимаю, что да, это серьезно.

— Ну вот! Хотелось бы знать, а Марк понимает?

— Да! — ответил Марк. — Поэтому я и пытался сказать, что у нас есть простые и невинные объяснения. Надо только не терять головы. А теперь позвольте мне взглянуть на ту книгу.

С этими словами он вышел из комнаты и захлопнул дверь, прежде чем остальные успели возразить.

Войти в спальню стоило усилий, учитывая, что́

теперь творилось у него в голове. Дверь Марк оставил открытой. Мягкий свет янтарной лампы отражался в трех зеркалах и падал на то, что еще недавно было Роуз Лестрейндж.

Марк отвернулся. В углу, на столике возле стоящего в нескольких футах от стены зеленого кресла, обложкой вверх лежала книга. Присмотревшись, он понял, что был прав — стершиеся золотые буквы на корешке складывались в три слова, а не в одно. Это был не «Армадейл», а куда более знаменитый роман Уилки Коллинза — «Женщина в белом».

И это меняло все.

Марк поднял книгу, перелистал страницы. Да, это была его книга с пометками карандашом. Положив ее на место — точно так же, обложкой вверх, — он заметил, как дрожит рука.

Он тщательно восстановил в памяти события прошлого вечера. Конечно, случившееся можно было бы объяснить рассеянностью. Можно было подумать — он и сам хотел бы так думать, — что он просто снял не ту книгу с полки, где стояли похожие тома одного издания, и передал ее Роуз.

Но он этого не делал.

Даже в спешке, даже нервничая, он не совершил бы такой ошибки.

Он прекрасно помнил, что, снимая книгу с полки, видел на корешке название из одного слова — «Армадейл». Он прекрасно помнил, как еще раз взглянул на книгу, когда отдавал ее Роуз у двери.

Да, и еще кое-что!

Доставая с полки «Армадейл», он посмотрел на другую книгу; «Женщина в белом» — более потрепанная и выцветшая от частого чтения — резко выделялась среди остальных. Она стояла на своем обычном месте, на два-три тома правее.

Кто-то здесь, в этой комнате, посреди ночи, подменил одну книгу другой.

Зачем?

Но это было не главное. Главное…

— Эй! Тсс! Марк! — прошипел голос у него за спиной. Бледный как мел, Тоби стоял в дверном проеме, то и дело бросая взгляд через плечо в сторону гостиной.

— Старик звонит в полицию. У нас мало времени, Марк. Тебе есть что сказать?

— Ты о чем?

— Слушай. — Тоби перевел дух. — Я многим тебе обязан. Мой конек — исследовательская работа. Это дело я знаю. Но связать все воедино или подобрать правильные слова, как умеете вы —

ты, Сэм Кент, Лютер Мейсон, — мне не по силам. Без твоей помощи я бы не защитил диссертацию, и ты это знаешь.

— Ничего я особенного не сделал! Столько лет прошло, а ты все вспоминаешь.

— Да, вспоминаю. Я же был балбес балбесом, а ты меня вытянул. Ну, ничего сказать не хочешь?

— Тоби, честное слово, не понимаю. Но кое-что скажу. Это не самоубийство. Убийство.

Утреннюю тишину нарушил звук едущего по Харли-лейн автомобиля. Но ни Марк, ни Тоби не обратили на него внимания.

— Марк, — завопил Тоби, — ты совсем спятил? — Он ткнул пальцем в мертвую женщину за туалетным столиком. — Рехнулся, как и твоя подружка?

— Она мне не подружка! И никогда ею не была!

— Ладно, дело твое! Но ради бога, подумай о себе и перестань нести чушь про убийство!

В голове у Марка как будто что-то щелкнуло. Включился здравый смысл.

— Да… Извини. Сорвалось с языка, не подумал.

— Слышишь? — Тоби поднял руку.

Подъехав ближе, машина остановилась. Хлопнула дверца. Легкие шаги по песчаной

дорожке — сначала быстрые, потом неуверенные — остановились у передней двери.

— Женщина, — сказал Марк. — Может, даже Бренда.

— Кто бы ни был, — отрезал Тоби, — впускать сюда никого нельзя. Идем! Ее надо спровадить!

Мешая друг другу, они устремились через узкий холл к открытой двери.

Но нет, это была не Бренда, да и останавливать никого не пришлось.

На дорожке, в дюжине шагов от них, стояла миссис Джудит Уокер, молодая вдова бывшего главы отделения английской литературы. Взгляд ее был устремлен на окна гостиной. В лучах яркого солнца, уже прогревавших остывший за ночь фасад дома, ее невысокая, крепкая фигура выделялась из-за черного платья — траур она носила почти год. Нежная бледная кожа казалась еще бледнее, оттеняемая рыжими волосами.

Доктор Сэмюэл Кент, по-видимому, счел необходимым приоткрыть окно. Он разговаривал по телефону, и, хотя понизил голос, снаружи его было прекрасно слышно. При этом разговаривал он не с полицией.

— Да, доктор Хьюит! Заколота. Видна только рукоять — вытянутая, серебряная. Уверен, это

кинжал восемнадцатого века из ее коллекции антиквариата… острый, полированный. Да!

Джудит вздрогнула и повернулась к Марку и Тоби. Голубые глаза над фиолетовыми полукружьями бессонницы, раздувшимися ноздрями и темно-красным ртом как будто вспыхнули.

— Значит, кто-то все же прикончил эту шлюху. — Ее хриплый, обычно мягкий, голос сорвался на странный, пронзительный визг. — Кто? Любовник?

Глава седьмая

Никогда раньше они не слышали от Джудит ничего подобного.

Тоби даже отступил; воспитанный в пуританской сдержанности, он явно был потрясен столь откровенным выражением ненависти. Марк, удивить которого чем-либо было намного труднее, ощутил лишь, сам не зная почему, острый укол жалости.

Секунду-другую Джудит Уокер, всегда так восхищавшаяся своим мужем — он был на тридцать лет старше, — стояла, выпятив нижнюю губу, словно могла вот-вот расплакаться. В левой руке она держала темную сумочку. Правой же теребила платье у пояса, как будто искала что-то.

Если Джудит услышала, что говорил Сэмюэл Кент, то и он, должно быть, услышал ее крик. Не меняя тона, не повышая голоса, доктор твердо и четко произнес:

— Боюсь, доктор Хьюит, вы не понимаете. Дверь была заперта изнутри. Окна, как выяснилось, когда мистер Рутвен и доктор Сондерс попытались их открыть, тоже. Полиция установит, что это самоубийство.

Он помолчал, вероятно слушая.

— Да, доктор Хьюит. Без сомнения, как вы говорите, так будет удобнее.

Джудит снова взглянула на окна и тут же отвернулась и застыла на месте. Губы ее дрожали.

Марк подошел к ней и машинально протянул руку. Так же машинально Джудит ухватилась за нее. Поверить в то, что эта крепкая молодая женщина тоже занимается наукой, бывало порой нелегко.

— Марк, — прошептала она, — я сама не понимаю, что на меня нашло. Сказать такое… это ужасно. Мне так… так стыдно.

— Тебе не за что извиняться, Джудит. Но и смотреть на то, что там, внутри, тоже не нужно. Пойдем со мной.

Его уверенный, ровный голос возымел успокаивающее действие. Не отпуская ее холодную руку, Марк развернул Джудит в противоположную от дома сторону.

— Она мертва… эта, как я ее обозвала?

— Да.

— Я ненавидела ее. Ничего плохого бы не сделала. Но я ее ненавидела.

Марк положил руку ей на плечо — оно было теплым. Она напряглась и попыталась сопротив-

ляться, как будто ее так и тянуло обернуться и еще раз посмотреть на Красный коттедж, но потом уступила. Он повел ее по дорожке к старому «плимуту», который много лет верой и правдой служил доктору Дэну Уокеру, упорно отказывавшемуся менять его на новый автомобиль.

— Это просто нервный срыв, Джудит. Сегодняшнее утро для всех не самое лучшее. Отвезти тебя домой?

— Мне отсюда рукой подать. — Она кивнула в сторону дома наискосок через дорогу. — Я уже в порядке, правда. Ты можешь просто поговорить со мной минутку?

— Конечно.

— Мне плохо спится. — Джудит высвободила руку, за которую все еще держал ее Марк, и бросила сумочку на переднее сиденье. — Дэн вставал очень рано, иногда в пять утра, и у меня это тоже вошло в привычку. А теперь не могу уснуть. Сегодня рано утром, еще когда стоял туман, я поехала прокатиться. И заметила, что дверь того бунгало открыта и в доме горит свет. Я тогда еще подумала, что, возможно, что-то не так. Но по-настоящему испугалась только сейчас, когда вернулась. Свет включен, Сэм Кент звонит по телефону… Марк! Ты не против, если я поговорю

о ней?

— Ты точно этого хочешь?

— Да, да, да!

Ее темно-красные губы тронула улыбка. Она по-прежнему, может быть сама того не сознавая, трогала платье у талии, словно искала что-то, но в голубых глазах над темными кругами светился острый ум ученого.

— Иногда так лучше, Марк. Как бы мы себя ни чувствовали. Если не рассказать правду, когда ты в подходящем для этого настроении, то можно упустить момент и не рассказать ее уже никогда. — Она махнула рукой. — А я не рассказала тебе, почему ненавидела ее.

— Меня это не касается.

— Это так похоже на тебя, Марк! Добрая старая Новая Англия! Но только теперь, когда она мертва, это коснется всех. Хочу рассказать тебе то, о чем никогда никому не говорила.

Она оглянулась, ища взглядом Тоби. Но Тоби вернулся в гостиную, где доктор Кент снова звонил по телефону. Марк видел их обоих через окно.

Утренняя прохлада сменялась безоблачным, знойным затишьем. На листья лег темный глянец, трава отливала изумрудным блеском. Над

пешеходной тропинкой, проходящей рядом с асфальтовой дорогой, висели густые землистые запахи.

Марк и Джудит стояли у фонаря, в тени дерева, и относительная уединенность этого тихого местечка располагала к откровенности.

— После смерти Дэна, — заговорила Джудит, — мне было очень одиноко. А потом туда, — она кивнула в сторону бунгало с покоробившимися старыми досками, выкрашенными в кокетливый розовый цвет, — переехала *она*. Знаешь, она умела быть на редкость участливой, когда хотела, и, к моему удивлению, была очень начитанной. Мы с ней много общались, пока я не поняла, кто она на самом деле.

— То есть?..

— Я назвала ее шлюхой. Ужасно грубое слово. Я имела в виду, что она распутная, неразборчивая в связях. Но если уж начистоту… — Джудит криво усмехнулась, — мне было плевать на ее распутство, хотя перед женами преподавателей приходилось изображать возмущение. Нет! Дело было в другом.

Ее голубые глаза потемнели и полыхнули гневом.

— Она была умна, хитра и невероятно жестока.

Если ей удавалось влюбить в себя мужчину, ее просто распирало от радости. И я уверена, что физически была холодна как рыба.

— Холодна? — недоверчиво переспросил Марк.

— Да. Именно так.

— А ты не думаешь, что видишь в ней то, чего на самом деле нет?

— Вовсе нет, как раз наоборот! Таких женщин — миллионы. Они тешат свое тщеславие тем, что их считают роковыми соблазнительницами. Вот и все. — Джудит поджала губы. — Роуз обожала позу, притворство. Она находила в этом истинное наслаждение. Когда заводила нового любовника, играла с ним, изображала экстаз, хотя на самом деле ей было просто скучно.

Это последнее умозаключение Джудит Марк решил не принимать во внимание.

— Но ее последний «трофей»... Ты знаешь, кто он?

— Да, знаю. Хотя это совершенно не важно.

— Не важно?

— Нет, не в том смысле, который, как мне кажется, ты в это вкладываешь. Просто он никак не связан с колледжем.

Возникшая пауза прогремела в ушах Марка раскатом грома.

— Джудит, ты уверена?

— Конечно уверена. Я видела его несколько раз — он приходил к бунгало глубокой ночью. Даже видела, как они пробирались в лазарет, а она открывала дверь ключом.

Джудит выпрямилась и подняла голову, как делала, наверное, в ту пору, когда была школьной учительницей. Но от Марка не укрылось, что она дрожит.

— Боюсь, — добавила она, слегка покраснев, — я выгляжу в твоих глазах какой-то шпионкой. Но я не такая! Я не распускаю сплетен, что бы там кто ни думал. Мне просто не спится, и тогда я сижу у окна или гуляю. Вот так я и увидела их возле лазарета. Ни его, ни ее ни с кем не спутаешь.

— И кто же этот мужчина? Как его зовут?

— Ну, Марк! Ты будто…

— Да! Меня это очень интересует.

— Ну, имени я не знаю. Но его наверняка многие видели. Молодой и ездит на такой приметной машине. Это о чем-то тебе говорит?

— Так сразу — нет. Молодые люди на броских авто здесь не редкость. Но нам нужно его найти.

— Марк, пожалуйста, не пойми меня превратно! Там, возле коттеджа, я просто сорвалась, потому что да, терпеть не могла Роуз. Но я не хочу

никого обвинять. И не думаю, что это он убил ее.

Образно говоря, Марк нажал на тормоза.

— Ее никто не убивал, Джудит. Ты же слышала, доктор Кент сказал — самоубийство.

Джудит опустила глаза, помолчала, но потом снова подняла голову и в упор посмотрела на Марка.

— Да, я слышала. Но, если честно, не верю. А ты?

— Почему нет?

— Ох, Марк, ты плохо меня слушал. Неужели ты не понял, зачем я все это говорила? Даже тебе? То есть, — Джудит покраснела и тут же поправилась, — вот так, с глазу на глаз. Да потому, что это ненадолго останется тайной, будет расследование. Пойми, эта женщина никогда, никогда, никогда не покончила бы с собой. Она слишком любила жизнь.

Демоны проснулись, загудели, закружили над его головой.

— Послушай, Джудит…

— Ты веришь, что она это сделала?

— Позволь мне объяснить. Мы нашли ее в спальне, с ножом в сердце. Дверь и окна, как ты слышала, были заперты изнутри. Единственный другой вход или выход — окно в ванной. И оно,

как я могу подтвердить, если другие не смогут, тоже было заперто изнутри.

Снова наступило молчание. Джудит Уокер вздохнула:

— Да. Должно быть, ты прав.

Она уставилась себе под ноги и некоторое время катала по земле камешек, подталкивая его мыском черной замшевой туфли. А потом, когда, казалось бы, сомнений в его правоте уже не осталось и ее вздох прозвучал согласием, Джудит вдруг вскинула свою рыжую голову. И Марку почему-то захотелось отвернуться.

— Ты говоришь, дверь была только заперта изнутри? На ключ? Ни засова, ни задвижки, ничего такого?

— Нет! А что?

— А то, — воскликнула Джудит, — что в былые времена, да и относительно недавно, ни для тебя, ни для Сэма Кента, ни для моего бедного Дэна это не было бы проблемой. Я сама слышала, как ты объяснял по меньшей мере четыре способа провернуть ключ в замке снаружи. И это еще не все! То, что говорил Дэн… это правда?

— Ты о чем?

— О новом материале, — прошептала Джудит, — для твоей биографии Уилки Коллинза?

Кому-то день мог показаться ясным и жарким. Но не Марку Рутвену. На него обрушился самый страшный из всех демонов.

— В тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году, если не ошибаюсь, — понизив голос, сказала Джудит, — Уилки Коллинз написал «Лунный камень». Это был первый детективный роман, в котором автор играл с читателем честно, предоставив ему все улики. Он и сам это знал и писал своим американским издателям, что использовал приемы, прежде в литературе не встречавшиеся. Он был так воодушевлен, что задумал еще один подобный роман — теперь уже о смерти в запертой комнате, которая должна была выглядеть как самоубийство, но на самом деле была убийством. Это правда?

— Я…

— Он планировал новый роман на шестьдесят девятый год, — продолжала Джудит. — Он набросал сюжет в письмах к Диккенсу, как и с «Лунным камнем». И у тебя есть эти письма к Диккенсу вместе с заметками Коллинза, где подробно описано, как он хотел это осуществить. Это правда?

— Да. В основном — правда.

— Но он так и не написал этот роман?

— Нет, не написал.

— Марк, что такого я сказала? Что, черт возьми, с тобой?

— Джудит, только я и моя жена знали сюжет этого ненаписанного романа. Тебе так хочется, чтобы одного из нас заподозрили в убийстве Роуз Лестрейндж, а затем заперли в комнате с помощью трюка, придуманного умершим писателем?

В сгустившейся вокруг них пятнистой тени бука бледность Джудит стала еще более заметной на фоне черного платья и рыжих волос. Она стояла неподвижно, чуть дыша. Ее синие глаза казались почти черными. Потом Джудит говорила, что самое скверное было то, что трюк изобрел мертвец.

Она с усилием сглотнула.

— Марк, боюсь, я снова сглупила. Но мне и в голову не приходило! И в любом случае воспользоваться этим трюком, что бы он собой ни представлял, было невозможно. Ты сам сказал, что ключ просто повернули в замке. Что есть по меньшей мере четыре способа повернуть ключ снаружи!

— Предположим, есть ключ, который не поддается никаким манипуляциям, и такие же оконные задвижки?

— Но так не бывает.

— О нет, бывает.

Марк засунул руки в карманы и задумался.

— Уилки Коллинз, надо признать, не был литературным гигантом. Но его можно назвать хитрым змеем, придумщиком сюжетов, изобретательности которого завидовал даже Диккенс. Не следует представлять его себе этаким бородатым очкариком-викторианцем, каким его считает Тоби Сондерс. Он был человеком богемы, обаятельным и дружелюбным, он не переносил чопорность и открыто содержал у себя дома любовницу. И если я прав насчет «Мертвец стучится в двери»…

— «Мертвец стучится в двери»? Это название его незаконченного романа?

— Да. Как зародилась у него эта идея и почему он отказался от нее и не довел дело до конца, эта история одна из самых захватывающих в викторианской литературе. Повторяю, если я прав, то в сюжете с запертой комнатой он собирался использовать такой прием, который ни до него, ни после никто не применял.

— А ты… ты знаешь, что это за прием?

— В том-то и беда! Если бы я знал все или, наоборот, не знал ничего, то мог бы построить защиту. Но я знаю примерно три четверти, и этого вполне

достаточно, чтобы навлечь на себя серьезные неприятности, если полиция что-то пронюхает. Твой муж, Джудит, был моим руководителем на английском отделении. Я рассказал ему эту историю под большим секретом, но не думал, что он поделится ею с кем-то еще. — Марк скрипнул зубами. — Впрочем, ставить тебе какие-либо условия я не вправе. Не в нынешней ситуации. Ты можешь рассказать эту историю любому, кому сочтешь нужным.

Джудит порывисто протянула к нему руки:

— Выдать тебя? Думаешь, я на такое способна?

И в этот момент в разговор вмешался третий голос:

— Марк, где Бренда?

Сердце Марка Рутвена подкатило к горлу. Он не слышал, как Тоби подошел по усыпанной песком дорожке к Красному коттеджу. Тоби стоял там, на солнцепеке, за пределами тени дерева, прикрывая рукой глаза. Сколько он услышал — оставалось лишь гадать.

Позади него Марк увидел только что вышедшего из дома доктора Сэмюэла Кента с трубкой во рту. Именно тогда он впервые ощутил, как сжимается кольцо врагов, хотя эти «враги» были просто друзьями, пытающимися ему помочь.

— Где Бренда? — повторил он. — Почему ты спрашиваешь?

— Не отмахивайся! — сказал Тоби. — Когда ты отказался говорить, шеф, — он указал большим пальцем на доктора Кента, — позвонил к тебе домой. Уже десять минут девятого, Бренда бы ответила, будь она там. Где она?

— Ну вы и наглецы. Звонить мне домой…

— Это же в твоих интересах. Послушай, Марк…

— Бренда решила провести выходные у своей подруги в городе. Разве я тебе не говорил?

— Нет! Нет, не говорил! А разве она собиралась вчера, когда мы с Кэролайн были у вас?

— А ты разве собирался ночевать у Кентов? Но остался. Объясни-ка собственное странное поведение.

— Марк, перестань!

— Вот и ты перестань.

— Послушай! — Тоби отступил и тут же зашел с другой стороны. — А Бренда не собиралась по дороге в Вашингтон заглянуть сюда, в бунгало?

— Нет. Конечно нет.

— Тогда почему ты искал ее здесь сегодня утром? Я просто спрашиваю, так что не заводись и не ищи подвох там, где его нет. Просто…

Тоби замолчал.

Марк заметил, что он как-то странно смотрит на Джудит Уокер, и обернулся. Джудит снова пробежала пальцами по талии, словно пытаясь найти что-то, чего там не было, и опустила руку.

— Тоби Сондерс, ты на что смотришь? Я просто потеряла пояс. Ничего серьезного.

— Пояс? — Тоби тут же схватился за свой ремень.

— Тоби, Тоби. Конечно же, не такой, кожаный с пряжкой, как у тебя. Это матерчатый пояс от платья. — На лице Джудит появилось озадаченное выражение. — Становится жарко — ослабляешь. Садишься в машину — развязываешь. А иногда он может соскользнуть, а ты и не заметишь.

По лицу Тоби будто скользнула тень какой-то мысли.

— Извини, Джудит. И ты извини, Марк, если я был слишком настойчив. Но ради бога, поговори с доктором, ладно?

— Мне тоже пора, — сказала Джудит. — Нет, правда.

Тем не менее она не ушла, а осталась под деревом, провожая взглядом Марка, который направился по песчаной дорожке к коттеджу. Тоби потянулся за ним. У двери Сэмюэл Кент курил трубку.

Марк, поспешно выстраивая линию обороны, улыбнулся им обоим.

— Похоже, мы все наговорили лишнего. Извини, Тоби. Но, как я уже сказал, поведению моему и Бренды есть простое объяснение, и я готов его повторить, если только никто не станет язвить, когда я упомяну сон. Сон и голос в телефоне — вот причина всего.

— Да? — Доктор Кент вынул трубку изо рта.

Марк собрался с духом.

— Вчера вечером у меня дома, — продолжил он, — Тоби изложил свою весьма впечатляющую версию того, как мисс Лестрейндж едва не совершила два убийства, то ли настоящих, то ли мнимых, в гимнастическом зале. История получилась не только впечатляющая, но и пугающая. По крайней мере, Бренда испугалась, да и я, признаться, встревожился. Ты ведь согласен с этим, Тоби?

— Да, — ответил Тоби, не глядя на него.

Марк повернулся к доктору Кенту:

— Бренда так расстроилась, что поехала к Джейн Гриффитс на Коннектикут-авеню. И кто бы стал ее винить? Я сидел в своем кабинете, курил трубку, как вот вы сейчас, и в четыре утра, даже не раздеваясь, свалился на кровать и уснул.

Объяснить мой кошмар нетрудно, не надо даже вызывать дух доктора Фрейда. Во сне я увидел, как мисс Лестрейндж в спортивном костюме нападает на Бренду и пытается ее задушить — вот здесь, в этом коттедже. Разве я вам этого не рассказывал?

— Частично, — пробормотал Тоби.

Доктор Кент кивнул.

— В самый ужасный момент сна, — продолжал Марк, — внизу зазвонил телефон. Я ответил, хотя толком еще не проснулся, и мужской голос произнес: «Лучше отправляйтесь в бунгало. Но вы опоздали» — и все остальное. Что я подумал? А что подумал бы любой на моем месте? Поскольку я не раздевался, то сразу же выбежал из дома и примчался сюда. Если вы спрашиваете, почему я настаивал на том, чтобы открыть дверь спальни, то не забывайте, что я был еще под впечатлением сна. Но даже тогда я говорил, что, вероятно, ничего страшного не случилось. Говорил, что мы можем попасть в неловкое положение. Разве вы сами, попав под влияние ложного впечатления, не спускались вниз, проверить, выключен ли свет или радио?

Марк небрежно засунул руки в карманы, давая понять, что тема исчерпана.

Поверили они ему или нет? Тоби по-прежнему смотрел в сторону. Сэмюэл Кент, невозмутимый, как сфинкс, задумчиво курил.

— И это все? — спросил доктор, снова вынимая трубку изо рта. — Это все, вы даете слово?

— Это все, — солгал Марк, — даю слово.

Теперь поверили? Он не знал. Они молчали, как молчала и Джудит Уокер, наблюдавшая за ними с того же места.

— Ну что ж! — наконец произнес доктор Кент таким тоном, что Марк вздохнул с облегчением. — Пусть так и будет. Полиция, думаю, мне поверит.

— Поверит вам? — переспросил Марк.

— Да, — с некоторым раздражением ответил доктор Кент. — Дело административное, меня оно не касается. Но доктор Хьюит попросил разобраться до возвращения декана. Я позвонил ему, позвонил домой — нет-нет, я не сказал ничего, кроме того, что у нас здесь небольшое происшествие и мы задержимся, — и, наконец, я вызвал полицию. Так что, Марк, вам бы лучше незамедлительно отправиться домой.

Марку и самому не терпелось вернуться домой, и не только по одной этой причине. Но в нем уже застряла стрела недоверия.

— Вы сомневаетесь в моих словах? Хотите, чтобы я скрылся от полиции?

— Тьфу! Нет! Какая чушь! — запротестовал доктор, выпуская клуб дыма.

— Тогда зачем?

— Просто идите домой и оставайтесь на месте. Если полиция наведается к вам после разговора со мной…

— Да?

— Вот тогда и расскажете им все! Мы считаем, что леди покончила с собой. — (И тут Марк вдруг с полной ясностью осознал, что эта версия стала официальной, что никто из них в нее не верит и что они играют с огнем.) — Согласно имеющимся доказательствам. Если потребуется, расскажите им вашу историю, как сейчас рассказали мне. Полиция будет здесь с минуты на минуту!

Словно в подтверждение его слов на Харли-лейн со стороны Колледж-авеню выехала, тарахтя и позвякивая, машина. Потрепанная и только что не разваливающаяся на ходу, она определенно была даже старше той, на которой разъезжал покойный доктор Уокер. За рулем сидела Кэролайн Кент.

Все трое мужчин разом осознали, что повели игру против закона.

— Вот же чертовка! — проворчал доктор Кент, имея в виду свою дочь. — Не люблю крепких выражений, но пропади оно все пропадом! Вот почему ее так и тянет проехать на моей машине?

Тоби не мог оставить это без ответа.

— Послушайте, сэр! Как бы странно это ни звучало, Кэролайн уже взрослая. Ей двадцать семь! Мы поженимся в сентябре! Неужели вы думаете, что она еще не доросла до того, чтобы водить этот… не нахожу подходящих слов… драндулет?

Доктор Кент яростно сдул с трубки пепел.

— Этот автомобиль, молодой человек, весьма почтенного возраста, даже в юные годы ни в каком непотребстве замечен не был. Следите, пожалуйста, за языком.

— Ладно, ладно, я просто имел в виду…

— Я здесь не свои взгляды на дисциплину излагаю, а моей супруги. Линор и поныне уверена, что если Кэролайн или ее брат удалятся от Лужайки более чем на сто ярдов, то нашу дочь тут же похитят торговцы живым товаром, а сын, несомненно, станет рабом того демона, что живет в бутылке. Марк, святые угодники, вы еще здесь?

Чтобы не поддаться соблазну и не сказать лишнего, Марк поспешно ретировался.

Едва Кэролайн вышла из машины, как Джудит

поспешила обрушить на нее последние новости. Уклониться от встречи было бы невежливо, но Марк нашел выход, срезав путь и пройдя через аккуратный газон.

Он еще успел заметить, как Кэролайн посмотрела на коттедж и тут же отвела глаза.

— Закололи? — воскликнула она. — В кресле? Ножом?

— Нет-нет! Кинжалом! И вовсе не в кресле. Твой отец сказал…

Марк побежал.

Беспокоиться было бы почти не о чем, если бы он дозвонился до Бренды. Их показания, если полиция станет задавать ей вопросы, должны совпасть.

Разумеется, к Красному коттеджу она прошлой ночью и близко не подходила. Он мог бы поручиться за это.

Небритый, голодный, в растрепанных мыслях и мятой одежде, Марк не особенно задумывался об этом деле. По правде говоря, его не очень-то беспокоило и то, что их с Брендой версии могут разойтись. Он просто хотел услышать ее голос и положить конец дурацкой ссоре.

Передняя дверь была не заперта. Вообще-то, ее полагалось запирать на ночь, но он часто забы-

вал это сделать. Забыл и прошлой ночью.

Пролистав телефонную книгу, Марк нашел номер Джейн Гриффитс и, набирая его, представлял, как Бренда берет трубку.

Гудки шли один за другим, и он уже начал нервничать, когда наконец услышал сонный, хриплый и недовольный голос.

— Да?

— Джейн? Это Марк Рутвен.

— Кто?

— Марк Рутвен! — Его фамилия произносилась на шотландский манер и звучала почти как *Рувэн,* что иногда вызывало проблемы. — Только не говори, что не помнишь меня.

— А-а, Марк! Привет! Но зачем будить девушку среди ночи?

— Прости, Джейн. Можно поговорить с Брендой?

— С кем?

Пауза. В голове Марка зазвенел тревожный колокольчик. Каким будет ответ Джейн, он догадался еще до того, как она заговорила:

— Но Бренды здесь нет, Марк. Ее и не было! С чего ты это взял? Разве она не с тобой?

Глава восьмая

Тем же воскресным вечером, между девятью и десятью, в уже наступивших сумерках, некий шутник дал полный залп страха в Новой библиотеке Куинс-колледжа.

Происшествием в библиотеке и завершился этот тревожный, суматошный день.

Доктор Арнольд Хьюит, магистр Куинс-колледжа, отказался отвечать на вопросы полиции и прессы. Хотя большинство студентов едва ли воспринимали доктора Хьюита как преподавателя, сам он с гордостью именовал себя Септимусом Хьюитом, профессором латыни, и вел два интересных курса: один посвященный поэтам, драматургам и историкам, другой — средневековой латинской прозе и поэзии.

Лысый, с выступающим кадыком и глазами, раздраженно щурившимися над очками для чтения, он скорее походил на проницательного дельца (каковым он и был) или человека света и даже щеголя (каковым также являлся).

Уединившись в своем кабинете в большом белом каркасном доме с колоннами, расположенном на участке в самом конце Колледж-авеню,

доктор Хьюит общался с миром только по телефону. Заявив, что на данный момент ему сказать нечего, он добавил, что всеми вопросами занимается его заместитель, находящийся сейчас в Красном коттедже.

С самого утра и до вечера возле колледжа наблюдалось настоящее столпотворение — полиция, репортеры и зеваки; в конце концов машины заполнили Харли-лейн настолько, что дорогу пришлось перекрыть.

Хотя вокруг Роуз Лестрейндж ходило множество слухов и домыслов, полиции и прессе понадобилось меньше трех часов, чтобы узнать о ней все, что касалось, по крайней мере, открытой, внешней стороны жизни этой женщины.

Мисс Лестрейндж, появившаяся на свет в Балтиморе тридцать один год назад, была дочерью Старого Ника Лестрейнджа, владевшего сетью газет по всей стране. Образование она получила сначала в нью-йоркской школе для девушек из высшего общества, а затем в Швейцарии. Когда в 1938 году Старый Ник умер, газетную империю продали, а его деньги разделили между Роуз и ее матерью, которая в скором времени последовала за супругом.

В рапорте полиции указывалось на то, что в се-

мье «…и ранее отмечались случаи психического нездоровья. Дед Роуз покончил с собой, приняв стрихнин, отравление которым, как известно, вызывает мучительную смерть».

Никаких скандалов, связанных с мисс Лестрейндж, или, по крайней мере, упоминаний о таковых обнаружить не удалось. Она была трижды помолвлена, но каждый раз разрывала помолвку сама.

В разговорах и обсуждениях, касающихся трагедии на Харли-лейн, все чаще и все громче звучало слово «самоубийство». И следует отметить, что Арнольд Хьюит был прав, когда заявил, что передал это дело в надежные руки.

Те, кто сомневался в надежности этих рук, не видели доктора Сэмюэла Кента в аудитории, когда он, бесстрастный и невозмутимый, смело противостоял шквалу вопросов от молодых людей, объятых полемическим задором. Столь же терпеливо и доброжелательно он встретил и натиск вежливого, но настойчивого детектива — лейтенанта Хендерсона.

Орудием убийства (идентифицированным доктором Кентом) послужил кинжал XVIII века с узким стальным клинком, заточенным с обеих сторон, серебряной рукоятью и навершием, ин-

крустированным перламутром. Судя по всему, кинжал регулярно полировали и затачивали.

Согласно предварительному заключению судмедэксперта, смерть наступила между часом и тремя часами ночи в воскресенье с возможной погрешностью в полчаса в ту или иную сторону. Когда тело увезли для последующего вскрытия, напряжение несколько спало.

Тут, наверное, стоит добавить один любопытный момент. Доктор Кент имел привычку, о которой хорошо знали в Куинс-колледже, но не за его пределами, и которая слегка позабавила даже лейтенанта Хендерсона и окончательно расположила к нему репортеров.

Читая свою знаменитую серию лекций о Тюдорах и Стюартах, доктор Кент то и дело снимал и надевал очки в роговой оправе. При этом он каждый раз доставал из кармана толстый рулон туалетной бумаги, машинально отрывал кусочек, тщательно протирал стекла, водружал очки обратно на нос и ронял использованную бумажку на пол.

За тридцать лет в колледже к ритуалу привыкли, никто уже не смеялся, а студенты его даже не замечали. Но реакция полиции и прессы, когда доктор Кент, отвечая на вопросы в обставленной

чиппендейловской мебелью гостиной и совершенно позабыв, где находится, совершил свое привычное действо, была такова, что лейтенанту Хендерсону пришлось стучать кулаком по столу, дабы восстановить порядок.

«А теперь вернемся к кинжалу. Уверен ли свидетель, — спросил лейтенант Хендерсон, — что кинжал принадлежал мисс Лестрейндж?»

Доктор Кент заявил, что уверен.

«Хорошо, но почему его всегда держали в таком состоянии, заточенным и отполированным?»

На этот вопрос доктор Кент ответа не знал. Но все же, когда он с женой однажды ужинал в коттедже, мисс Лестрейндж заметила, что ей нравится, когда сталь остра.

«Если уж на то пошло, чудна́я какая-то была покойница», — заметил лейтенант.

Доктор Кент не согласился с таким определением, но, учитывая те факты о ее семье, которые только что стали известны…

«Что ж, спасибо. — Именно это лейтенант Хендерсон и имел в виду. — Но вот что странно. Мисс Лестрейндж села перед зеркалом и просто-напросто нанесла себе удар кинжалом в сердце, как делают иногда женщины-самоубийцы. Не потому ли, что она была в депрессии? Или ее что-то

тревожило? Может быть, молодой человек?»

В этот момент, по случайному совпадению, которое могло как помочь, так и навредить следствию, в комнату вошел сержант Биллингс с миссис Джудит Уокер, которую он разыскал лишь потому, что она была единственной соседкой и могла что-то знать.

Реакция рыжеволосой миссис Уокер на последний вопрос была столь примечательна, что лейтенант Хендерсон на некоторое время полностью переключился на нее. Он вовсе не намерен донимать миссис Уокер расспросами, поэтому будет краток:

«Питала ли покойная особый интерес к какому-то мужчине?»

«Да, питала», — сказала миссис Уокер.

«А нельзя ли поконкретнее?»

Тут миссис Уокер пожелала сделать оговорку: она уверена, что в отношениях между мисс Лестрейндж и этим молодым человеком не было ничего неприличного или даже нескромного. Мисс Лестрейндж была особой меланхоличной и склонной к депрессии даже из-за небольшого недопонимания…

«Что ж, как скажете, но все-таки кто этот мужчина?»

Миссис Уокер ответила, что лично с ним не знакома, но смогла описать как самого молодого человека, так и его машину.

«Не навещал ли он вчера вечером мисс Лестрейндж?»

«Нет».

«А кто-нибудь другой приходил к ней минувшей ночью?»

«Нет».

«Миссис Уокер слегка колебалась, прежде чем ответить, не так ли?»

«Нет!»

Этот последний односложный ответ, прозвучавший тревожным колоколом, был лишь частью допроса доктора Кента и миссис Уокер, начавшегося в половине девятого утра и продолжавшегося до двадцати минут шестого вечера, когда Тоби Сондерс позвонил Марку Рутвену и сообщил последнюю информацию.

Тоби, как и Марк, высланный доктором Кентом с места расследования, все же остался, смешавшись с толпой. Находясь там, где на него не обращали внимания и лишь отталкивали, чтобы не мешал, он сумел услышать большую часть вопросов и ответов через распахнутые окна.

Время от времени он перебегал через дорогу к

дому Джудит Уокер и звонил Марку.

— Вот так да! — От громкого голоса Тоби в трубке затрещал угольный порошок. — Джудит и старик прикрывают колледж. Рисуют нашу Роуз нежной, чистой и непорочной, ну просто невинной овечкой, лишь чуточку меланхоличной и потому склонной втыкать себе в грудь кинжал.

— Ну ты же сам утверждал сегодня утром, что это самоубийство.

— Официально я и сейчас это говорю. — В голосе Тоби мелькнула и пропала неприятная нотка. — Так или иначе, больше всего меня восхищает старик. Держится весь день и не проглотил ни крошки, пока Хендерсон не заказал сэндвичи и кофе из аптеки. Надо же, столько говорить и при этом ни разу не солгать. Все построено на намеках. Кстати, ты уже побрился и привел себя в порядок?

— Да. И это бесконечное ожидание действует мне на нервы. Когда полиция хочет нас допросить?

— Они не хотят нас допрашивать. По крайней мере, пока.

— Ты не забыл, что это мы обнаружили тело?

— Нет, но доктор Кент и это объяснил. Мы с ним шли в Куинсхейвен за воскресными газе-

тами — это правда. А что до тебя, то какой-то таинственный незнакомец в панике позвонил тебе и сказал, что Роуз Лестрейндж покончила с собой. Естественно, как друг, ты сразу же бросился туда. Как тебе такая версия?

— Сойдет, да только это неправда.

— Станет правдой, если ты просто процитируешь услышанные слова, ведь процитируешь? — Тоби перешел на просительный тон. — Ты только не усложняй, ладно? Чем проще, тем лучше. Не искушай судьбу. К тому же, за одним небольшим исключением, которое меня беспокоит, все факты указывают на самоубийство, даже книга, которую Роуз читала перед тем, как ударить себя кинжалом.

— Вот как? — насторожился Марк.

— Да! Это был роман «Женщина в белом» нашего викторианского друга с бакенбардами. О некой одинокой женщине по имени Анна Кэтерик.

Марк глубоко вздохнул:

— Кстати, Тоби, как называлась книга, которую мисс Лестрейндж взяла у меня прошлым вечером?

— Да я же только что сказал! Это была…

— Нет-нет. Подумай! Ты же сам рассказывал, как Роуз прижимала книгу к груди, а значит,

видел название. Или если не ты, то Кэролайн его видела. И Бренда тоже. Вспоминай!

Некоторое время в трубке слышалось только дыхание.

— Давай, Тоби! Какое было название?

— Что-то вроде «Армадейл», — прошептал тот.

— Верно. Она забрала книгу с собой. А потом, посреди ночи — вернее, под утро, — кто-то унес мой аннотированный экземпляр «Армадейла» из спальни и подменил его на «Женщину в белом», тоже с моими пометками.

— Послушай, Марк! Зачем кому-то это делать?

— Не знаю. Понятия не имею.

— Может, сама Роуз…

— О нет, это тоже не сходится. Когда мы нашли мисс Лестрейндж утром, брызги крови уже высохли, а тело окоченело. И как ты сам мне сказал, врач определяет время смерти между часом и тремя ночи, плюс-минус полчаса.

— Ну и?

— Ну и вот что. Бренда ушла отсюда приблизительно без десяти двенадцать. Мой экземпляр «Женщины в белом» еще был здесь. Затем, как я тебе говорил, я поднялся в кабинет и сидел там до четырех утра. Понимаешь, что это значит?

— Я не дурак, Марк.

— Правильно! Значит, кто-то вошел в этот дом — входная дверь не была заперта — после того, как я лег спать в четыре часа. Кто-то взял «Женщину в белом» с полки в моем кабинете и подменил на другую книгу. Вернувшись сюда утром, я поднялся в кабинет и проверил. Мой экземпляр «Армадейла» с вырванными титульным листом и еще несколькими страницами в начале снова стоял на полке.

— Может, ты…

— Ошибся? Нет, Тоби. И не спрашивай, зачем кому-то понадобилось вырывать безобидные страницы, — я не знаю. Но факт остается фактом.

— Успокойся, Марк! Расскажем все это полиции?

— Нет, не расскажем. Я говорю тебе только потому, что ты почему-то уверен, будто у меня был бурный роман с Роуз Лестрейндж, и думаешь, что я причастен к ее смерти. Но ты знаешь меня достаточно хорошо, чтобы понять: я бы никогда не стал играть в такие безумные игры, как подмена книг, независимо от того, любовник я или нет.

— Давай кое-что проясним, Марк! Я никогда не думал, что ты ее убил!

— Значит, ты считаешь, что это Бренда? Так?

Марк ощутил холодное покалывание от затыл-

ка и выше — то, что образно описывается как «волосы встали дыбом».

— Так что, Тоби?

— Я ничего не утверждаю, — очень тихо сказал Тоби. — Скажу лишь одно: Бренда могла убить нашу Роуз прошлой ночью, и причина — ты.

Холодных иголочек стало больше. Отсутствие Бренды никогда еще не ощущалось так остро, а дом никогда не казался таким пустым. Даже миссис Партридж, которая приходила по будням убирать и помогать с готовкой, по воскресеньям брала выходной.

— Тоби, включи голову, — мягко сказал Марк. — Женщины не убивают друг друга из-за таких причин. Они вообще стараются не обвинять других женщин — гордость не позволяет. А у Бренды и вовсе не было мотива. Джудит Уокер, как ты говоришь, уже рассказала полиции о нынешнем ухажере Роуз Лестрейндж; она сказала мне это сегодня утром по секрету, и поверь, это не я.

— Думаешь, у Роуз был только один такой?

— Тоби, не горячись! Когда Джудит даст подробное описание этого парня и мы узнаем, кто он…

В трубке захрипело.

— Марк, о чем ты? Мы уже знаем, кто он!

— Ты знаешь?

— Да! Джудит дала полиции точное описание, так что вычисляется элементарно!

— Ну?

— Красавчик, лет двадцати трех, вечно улыбается, волосы каштановые со светлыми прядями, редкие зубы; разъезжает на красном с желтым кабриолете «кадиллак». Его отец — один из главных попечителей колледжа. Зовут Чедвик — Фрэнк Чедвик.

Пауза.

— Марк! Марк! Ты еще там?

— Да. Да, я здесь.

— Вот это меня и беспокоит, — взорвался Тоби. — Этот Чедвик — мерзкий тип, терпеть не может, когда кому-то удается урвать то, что не досталось ему самому. Практически все женщины от него без ума, а он этим похваляется. Когда полиция возьмется за него, он с удовольствием расскажет им, что Роуз была далеко не невинной затворницей. И весь образ, который строил Сэм Кент, рассыплется. А лейтенант Хендерсон не дурак… Марк! Тебе совсем нечего сказать?

— Нет. Что тут скажешь?

— Согласен, ситуация не из приятных. Но выбраться можно.

— Выберемся. Если это все…

— Эй! Да что с тобой такое?

— Со мной все в порядке. Спасибо за информацию. Я сейчас перекушу и пойду в библиотеку. Да, знаю, она закрыта по воскресеньям, но я помощник библиотекаря и у меня есть ключ от бокового входа. Если кому-то понадоблюсь — найдут меня там. Еще раз спасибо, Тоби. Пока.

Марк положил трубку, но остался у телефонного столика. Через арочный проем, ведущий в гостиную, был виден стул, на котором прошлым вечером сидела Бренда — белое платье без рукавов, алый поясок, красные туфли и каштановые волосы до плеч. Тоби Сондерс, наверно, выразился примерно так: *«Ну как можно быть таким тупым?»* Бренда и не собиралась к Джейн Гриффитс. Все это время она была в квартире Фрэнка Чедвика.

Марк взял телефонный справочник Вашингтона и пролистал страницы до нужной буквы. Постоял, захлопнул справочник и аккуратно положил его на полку под столиком.

— Ну и пусть! — произнес он вслух и отправился на кухню — поискать, чего бы съесть.

Но аппетит пропал, так что съел он немного и потом даже не мог вспомнить, что это было. А вот времени прошло немало. Положив в карман три

трубки, он набил их и выкурил одну за другой, сидя на кухонном стуле, глядя, как меркнет свет в маленьких окошках над раковиной.

Потом он поднялся наверх, в кабинет, где опустился в мягкое кресло и тупо уставился на стальной картотечный шкаф, в котором хранились материалы для биографии. Он не знал, сколько просидел так, пока сгустившиеся сумерки не заставили его очнуться.

Марк посмотрел на часы. Достал из шкафа кое-какие документы, положил их в картонную папку, а папку засунул в карман. И вышел из дома.

Поскольку Куинс-колледж находился за улицей, на которой он жил, от его дома до ворот колледжа было всего пятьдесят ярдов. Пройдя через ворота, он неторопливо зашагал по длинной и широкой гравийной дорожке, мимо темных корпусов общежития Северного и Южного Мальборо — с одной стороны и административного здания и Вебб-холла — с другой. Впереди, в напоенных запахом скошенной травы сумерках, раскинулась Лужайка, широкая, затененная деревьями.

Марк пошел по огибающей ее дорожке по направлению к Новой библиотеке, находящей-

ся западнее. В темноте проступали очертания статуи Основателя, высеченной из камня и установленной на высоком массивном постаменте. Огоньки в одном или двух окнах оставшихся обитаемыми комнат дрожали отблесками на зеленых листьях, усиливая ощущение одиночества, царившего в этих зданиях, наполненных призраками времени и воспоминаниями.

В нем тоже пробудились воспоминания, вот только…

Он окончил Куинс-колледж до того, как получил степень магистра в Крайст-Черч в Оксфорде. И на танцах, которые устраивали здесь, в гимнастическом зале, встретил Бренду.

Гнев и боль еще давали о себе знать, но их подминали и вытесняли другие чувства, из-за которых он даже не замечал знакомых местечек. В нем шевелились, пробуждаясь, нетерпеливое беспокойство, непокорность, щемящая печаль, вызванная подавленными влечениями и порывами, и что-то еще, чему он не мог дать определения.

— Господи! — пробормотал он вслух. — Если…

Заскрипели механизмы, и часы на доме Основателя пробили первый удар из девяти. К тому времени, когда бой закончился и вибрации

стихли, смешавшись с шумом крыльев потревоженных птиц, он поверил, что снова стал самим собой.

Тишина опустилась на кроны деревьев. Марк уже сошел с тропинки и шагал по газону в направлении северо-западного угла Новой библиотеки и маленькой боковой двери, от которой у него был ключ, как вдруг перед ним возникла и метнулась прочь человеческая фигура.

— Кто здесь? — спросил Марк.

Он уже засомневался, что вообще кого-то видел. Тропинка, по которой он шел и с которой свернул налево, вела мимо Беркли-холла к лазарету, теннисным кортам, футбольным и бейсбольным полям.

Здесь, казалось, не было ничего, пока он не разглядел на фоне темной кирпичной стены у боковой двери некое подобие призрачного лица.

— Кто здесь? — снова окликнул он.

— Ты меня напугал, — ответил ему хриплый голос Джудит Уокер.

— Джудит! Что ты здесь делаешь?

— Ты меня напугал, — повторила Джудит. — Вернее, меня напугало то, что я вроде бы услышала. А потом… — Она помолчала. — Мне нужно было увидеть тебя. Тоби Сондерс сказал, что ты

будешь здесь весь вечер.

Марк достал кольцо с ключами и направился к двери библиотеки. Мягкая трава заглушала шаги. В темноте мелькнули шея и плечи, остальное скрывало черное платье.

— Пожалуйста, Марк, поверь. Я никогда так далеко не забиралась, даже во время каникул. Но мне нужно сообщить тебе нечто ужасно важное. Можно?

— Конечно! — Марк нашел на кольце нужный ключ, который был гораздо больше, чем ключи от машины или от йельских замков. Он отпер замок и распахнул дверь. — Проходи в библиотеку, а я включу свет.

— Обязательно? Идти в библиотеку?

— Почему бы и нет?

Она придвинулась к нему. Света в небе еще хватало, чтобы оживить жидкие отражения в высоких стрельчатых окнах Новой библиотеки вдоль ее восточного фасада; здесь же, у северной стены, разглядеть можно было только глаза.

— То, что я должна тебе сказать…

— Да?

— Это насчет полиции. Сегодня они не смогли заставить меня признаться, но я ужасно боюсь завтрашнего дня. Будет нечестно оставить тебя в

неведении, поэтому я пришла предупредить… Но вот теперь я здесь и не могу! Не могу!

Джудит запнулась и опустила голову. Он внезапно и слишком остро ощутил ее физическую близость; казалось, он чувствовал, а не слышал ее дыхание. Она подняла глаза, чтобы объясниться. Зрачки расширились, и выражение глаз изменилось; то, что он чувствовал, отразилось в них; мысли сталкивались и сливались, словно физические силы. Она было отпрянула, но в следующий момент с готовностью сдалась.

И тут, прямо в темном дверном проеме библиотеки, что-то с мягким шлепком упало с высоты. Дверь медленно захлопнулась.

Джудит, подавив вскрик, вырвалась из его объятий и резко обернулась. Но заговорила лишь через секунду или две.

— Я знала! Я слышала! В библиотеке кто-то есть.

Глава девятая

Человек считает себя существом цивилизованным, укротившим инстинкты, закованным в цепи разума и здравого смысла. Это не так.

Первым и единственным инстинктивным порывом Макса после эмоционального потрясения, вызванного физическим контактом с Джудит, было проигнорировать эпизод, стереть его и забыть.

Марк распахнул дверь, и она, ударившись о деревянную стенку массивного книжного шкафа, отскочила. Он шагнул прямо в темноту, на мгновение замер, прислушиваясь, поднял левую руку и повернул верхний из пяти выключателей, зажигая свет в этом конце Новой библиотеки.

Две тусклые лампочки под зелеными стеклянными колпаками осветили уходящий вдаль узкий проход. Таких проходов было пять, они шли параллельно друг другу между книжными стеллажами со стоящими наверху потемневшими от времени бюстами.

Марк посмотрел направо, туда, где дверь ударилась о торец другого книжного шкафа, и увидел пустое место на полке в семи футах от пола и

тяжелый том, раскрытый и упавший страницами вниз на пол. В воздухе еще кружилась пыль. Напряжение разрядилось нервным смешком, который он усилием воли превратил в подобие усмешки.

— Здесь никого нет. И не было. Иди и посмотри сама!

Джудит отступила подальше от двери, на траву, и не сходила с места.

— Иди же! — настаивал Марк, стараясь унять нервную дрожь. — Такое уже случалось раньше!

Джудит прижала ладони к щекам и не отвечала.

— Я же говорю… — Он едва не зарычал, но тут же овладел собой. — Когда люди ставят книгу на верхнюю полку, но ленятся принести лесенку, то частенько задвигают ее только наполовину. А тут я еще до этого слишком сильно распахнул дверь. Ну, помнишь?

— Я…

— Тогда книга пошатнулась, но не упала. А потом — может быть, сквозняком потянуло или что-то еще — все-таки соскользнула. Вот, посмотри сама.

Он прикоснулся к двери, она качнулась на хорошо смазанных петлях и — медленно закрылась

сама собой.

— Поверь мне, Джудит, бояться нечего.

— Нечего? — Это прозвучало так, будто она ответила на совсем другой вопрос.

— Ты, случайно, не подумала о том, кого Тоби Сондерс называет шутником из спортзала? Или не слышала эту историю?

— Не слышала? Да кто о ней только не говорит! — Хриплый голос Джудит почти сорвался. Она опустила руки. — Эти дурацкие светящиеся рисунки статуи Основателя! Глупые выходки, чтобы напугать старика и шестнадцатилетнего мальчишку! Миссис Хьюит, миссис Кент и миссис Мейсон ни говорить, ни думать о чем-то другом просто не могут.

Сама того не заметив, Джудит подошла еще на шаг, но все равно осталась за границей падающего на траву света.

— Хотя в этом есть и хорошая сторона, — добавила она. — Они все напрочь забыли о Роуз Лестрейндж и том молодом человеке, которые использовали лазарет как… Господи, какая же я ханжа! Говорю так, будто осуждаю ее.

— Так ты веришь мне, что в библиотеке никого нет? Нет и быть не может!

— А я говорю, здесь кто-то есть! Я слышала

шаги.

— В темноте? Хочешь, я обыщу все помещение? Войдешь?

Джудит, казалось, колебалась, но затем быстро вошла, однако приближаться к Марку не стала. Теперь, когда они снова стояли лицом к лицу и неизбежно встречались взглядами, игнорировать то, что едва не случилось между ними, было невозможно. Мало того, все могло начаться снова и привести к легко предсказуемым последствиям.

— Нет! — сказала Джудит, глядя ему прямо в глаза. — Мы не можем! Мы не должны! Это неправильно и даже неразумно. Это просто… Ох, давай начистоту. Ты представить не можешь, какие мысли приходят в голову женщине, когда она не спит и не очень счастлива.

— А ты думаешь, мужчины не думают о таком?

— Марк! Прекрати!

— Нет уж, ты сама сказала, давай начистоту — для разнообразия. Понимаем ли мы, что у нас там, в подсознании, происходит? Год назад, полгода назад, даже десять минут назад я думал о тебе просто как о жене Дэна Уокера — и только. И вдруг там, снаружи, до меня дошло, что ты ведь больше не жена Дэна Уокера.

— Нет. Но ты все еще муж Бренды Рутвен.

Марк, уже собиравшийся что-то сказать, замер и долго смотрел на нее.

— Да, ты можешь меня убедить! — сказала Джудит, неверно истолковав его настроение. — Я ни на что не притязаю. Это было бы так просто. Но ты еще не услышал, что я должна тебе сказать.

— Разве это так важно?

— Да!

— Тогда скажи, и мы это обсудим. А пока добавим еще света.

— Марк, ради всего святого, не надо! Свет отсюда виден на Лужайке и даже дальше.

— Тот, кто увидит здесь свет ночью, просто подумает, что доктор Денхарт или кто-то из помощников, — (доктор Денхарт был библиотекарем), — задержался на работе, как обычно. Я предложил включить свет потому, что… Ну, ты еще думаешь, что здесь кто-то прячется?

— Нет, пожалуй, нет. По правде говоря, уже не думаю. И потом, теперь здесь ты. Это все меняет. Рядом с тобой я ничего не боюсь.

— Джудит, я… — Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не сказать то, что он хотел сказать. Он прошел мимо нее, закрыл дверь, запер ее изнутри и сунул связку ключей обратно

в карман. — По крайней мере, теперь никакой незваный гость не проникнет. Главные двери заперты на два замка, и в библиотеку больше нет входа, кроме этого.

— А как же книгохранилище? Ты о нем подумал?

— Да, там есть дверь. А у меня есть ключ, которым я открываю книгохранилище в тех редких случаях, когда оно закрыто. Но двери наружу в книгохранилище нет — ни на первом этаже, ни на втором. Давай-ка я пойду вперед.

Подняв с пола книгу, которая, очевидно, упала сама собой, без чьей-либо помощи, Марк поставил ее на место и направился по слабо освещенному проходу к главному залу. Сверху на него взирали мрачные, потускневшие бюсты.

В зале, где под высоким потолком гуляло эхо, он на ощупь нашел огороженную перилами площадку со столом помощника библиотекаря и уже протянул руку к цепочке, свисающей из-под зеленого абажура лампы, когда Джудит схватила его за руку:

— Нет! Не включай пока!

— Что такое?

— Полицейские допрашивали меня сегодня несколько часов. Хотели узнать про того нового

кавалера Роуз, парня по имени…

— Чедвик, да? Фрэнк Чедвик?

— Да! Откуда ты знаешь его имя?

— Как всегда, узнал от Тоби. Продолжай!

— Полиция спрашивала, приходил ли он к ней вчера вечером. — Голос Джудит дрогнул. — Я точно не видела его, так и сказала. Потом они спросили, был ли кто-то еще в бунгало. Вместо того чтобы ответить, что я, естественно, не стояла у окна всю ночь — что было правдой, — я… запнулась, а потом сказала «нет». Лейтенант Хендерсон вцепился в эту запинку и не отставал. Я, конечно, продолжала отрицать.

— И?

Их голоса — низкий Марка и легкий, хрипловатый Джудит — улетали эхом под своды зала. Негромко, но быстро.

— Так вот, вчера в бунгало кто-то был. Тогда я не придала этому значения, да и сейчас не придаю! Но сегодня утром, когда я узнала, что это убийство, а не самоубийство…

— Кто был в бунгало?

— Твоя жена.

Оба замерли возле деревянных перил. В темноте они не видели друг друга. Только там, откуда они пришли, тусклый свет отбрасывал вверх

тени бюстов — словно тени отрубленных голов.

— Джудит, во сколько это было?

— Точно не помню! Может, без десяти двенадцать, может, чуть позже.

— Бренда зашла в бунгало?

— Я услышала, как снаружи остановилась машина, поэтому подошла к окну. Машина была твоя, за рулем — Бр… то есть твоя жена. Она вышла, захлопнула дверцу и двинулась по дорожке. Фонарь там близко, так что ошибиться невозможно.

— Как долго она оставалась в коттедже?

— Не знаю! Говорю же, тогда я вообще не обратила на это внимания! С какой стати? Для меня это было почти то же самое, как если бы миссис Хьюит зашла на чай к миссис Кент. Может быть, я и удивилась немного, потому что Бренда вроде бы никогда не выказывала расположения к Роуз. А потом у меня это просто из головы вылетело.

— Но ты же должна была слышать, как машина уехала?

— Если и слышала, то не обратила внимания. Неужели непонятно? Просто сегодня утром я не смогла тебе об этом сказать.

В воздухе повисло тягостное молчание. Марк отступил, наткнулся на деревянные перила,

ударил по ним кулаком и резко повернулся к Джудит.

— Извини, но… я не могу в это поверить.

— Марк! Ты думаешь, я лгу?

— Нет! Не думаю! Я доверяю тебе, всегда доверял. Ты знаешь это.

— Да. Знаю.

Теперь голоса звучали тише, но напряженнее.

— Я думал, что Бренду нужно защищать, — резко сказал Марк. — Я ошибался! Ей это не нужно. Либо ты ошиблась, когда решила, что это она…

— Марк, я не ошиблась! Бренда невысокая, у нее каштановые волосы, она была в белом, и я видела ее лицо!

— …либо есть другое объяснение. Бренда не могла — и уж точно не стала бы — останавливаться там. Я понял это, когда Тоби позвонил мне сегодня днем. С какой стати ей там останавливаться? Она спешила к Фрэнку Чедвику в Вашингтон.

— К Фрэнку Чедвику? — недоверчиво и едва слышно повторила Джудит. — К тому самому Фрэнку Чедвику, который… с Роуз Лестрейндж?

— Да, тот самый молодой Казанова.

— Ты хочешь сказать, он был… то есть… и с Брендой тоже?

— Я такого не говорил, — отрезал Марк, хотя в

душе чувствовал, что это правда. — Но если тебе нельзя доверять, то кому вообще можно? Я лишь говорю, что этот тип, Чедвик, уже несколько недель за ней увивается.

— Но…

— Вчера, без десяти десять, он заехал за ней, посигналил. Бренда поехала с ним. Я, взяв на себя роль умудренного опытом, все понимающего мужа, намекнул, что тоже устал, и в ходе разговора упомянул мисс Лестрейндж.

— Ты и Роуз? Ты сказал…

— Нет! Не сказал. Невозможно заставить себя произнести такое, даже если это правда, а это неправда. Я не назвал ничьего имени, но Бренда сделала собственные выводы. Поэтому она вернулась.

— Вернулась?

— Подожди! Сначала послушай, чего я из-за своей тупости не понял тогда. В десять вечера Роуз Лестрейндж ждала звонка. И так вышло, что в это время, сразу после того, как часы на доме Основателя пробили десять, — клянусь тебе, это вышло совершенно случайно — я набрал ее номер. Она ждала у телефона. Сняла трубку мгновенно, не дав мне сказать ни слова, и взволнованно спросила: «Это ты, дорогой?» Я еще думал, как

ответить — не скажешь ведь, мол, извините, я не тот, кто вам нужен, — и тут в дверь позвонили Тоби Сондерс и Кэролайн Кент.

— Я… все равно не понимаю!

— Секунду, сейчас поймешь!

Марк скорее почувствовал, чем увидел, как у нее напряглись плечи.

— Тем временем, — продолжил он, — Бренда и Чедвик доехали только до Куинсхейвена. Чедвик вдруг вспомнил, что ему нужно срочно позвонить ровно в десять, и забежал в аптеку…

— Позвонить Роуз?

— Разве не очевидно? Чедвик до последнего не был уверен, что Бренда согласится поехать с ним. Поэтому он, как говорится, притушил старый огонек — по крайней мере, на эту ночь, — отправив сообщение Роуз Лестрейндж. Ирония в том, что Бренда как раз в этот момент решила оставить его в Куинсхейвене и пешком вернуться домой.

— Понимаю. — Шепот Джудит прозвучал как крик, но Марк так увлекся своим рассказом, что ничего не услышал. — Теперь-то я понимаю.

— Вслед за этим…

— Нет, не останавливайся, Марк, продолжай!

— Вслед за этим мисс Лестрейндж, которую я встретил утром, нагрянула в наш дом — без

стука, без звонка, как *femme fatale,* явившаяся на условленное свидание.

— И тебя это так удивляет? — шепотом воскликнула Джудит. — Она уже делала так, когда… Может быть, подумала, что ты там один?

— Вполне могла. Бренда тоже так думала. Жалюзи были опущены, и она не сразу увидела Тоби и Кэролайн. А машина у Тоби той же марки и модели, что и у меня.

— Ясно! И что же Бренда? Сказала, что поедет к Джейн Гриффитс. Солгала, конечно. Ей просто отчаянно хотелось поскорее добраться до квартиры Чедвика и отплатить мне той же монетой.

Марк не собирался говорить так много — даже десятой части. Но в жутковатом полумраке с атмосферой доверительности и оживающими сценами слова выскакивали сами собой. Он вздрогнул, будто ужаленный, услышав резкий голос Джудит.

— И это тебя удивляет?

— Я… извини, что?

— Ты удивлен тем, что она захотела отплатить тебе? Но ведь ты сам платишь ей той же монетой — через меня.

Вслед за горькими словами в темноте послышался даже не шепот, а всхлип.

Насмешливое эхо, поразившее Марка Рутвена в самое сердце, облетело зал Новой библиотеки, названной так лишь потому, что ее достроили лишь к 1795 году. Архитектор, вдохновленный тогдашней модой на неоготику, принес ее даже в Новый Свет: стрельчатые арки украшали горгульи, святые и чудовища.

Марк не видел их, но ощущал их присутствие — то ли насмешливое, то ли издевательское, то ли благотворное — в душном помещении со слегка плесневелым запахом старых книг.

— Джудит, ты знаешь, зачем я тебе все это рассказал?

— Нет. Но я жалею, что ты это сделал. Боже, как я жалею!

— Я хотел…

— Не извиняйся. Я сама виновата. Такая глупая… Ты никогда не проявлял ко мне ни капли интереса, пока…

— Это неправда.

— И даже сейчас это только потому, что…

— И это неправда! Я рассказал тебе все, чтобы доказать: ни Бренда, ни Чедвик не могли быть возле Красного коттеджа, когда убили Роуз Лестрейндж. Они были в квартире Чедвика — пусть там и остаются, к черту их! Вот что я хотел ска-

зать!

— Я не верю. Ни единому слову. Но самое ужасное… что мне все равно. Марк…

Она вроде бы отвернулась от него, но тут же обернулась. В этот самый момент кто-то постучал в боковую дверь библиотеки в северном крыле. Постучали слабо, неуверенно, костяшками пальцев. Но ночь и тишина многократно усилили звук, и он раскатился по залу громовым обвинением.

Джудит опустила руки и рассмеялась — сдавленно, почти истерично. Пройдя мимо него, она наклонилась к лампе на столе библиотекаря.

— Я же говорила — свет видно снаружи! — воскликнула она с неестественной веселостью и снова засмеялась и дернула цепочку — лампа зажглась.

Даже сквозь зеленый абажур свет на мгновение ослепил их. Но голос Марка мгновенно ее успокоил.

— Кто там или что там — не важно. Если Тоби знает, что я здесь, то еще полдюжины людей в курсе. Спокойно!

Прикрыв глаза от света, он увидел, хотя и нечетко, бледное лицо Джудит — темно-красные губы, синие глаза, зрачки, сузившиеся до размера

булавочной головки, — и позади нее фигурки гаргулий на фоне темного дерева.

Стук повторился.

Марк вспомнил, что запер дверь изнутри, и достал из кармана связку ключей. В конце прохода, заполненного, словно отрубленными головами, тенями от бюстов, виднелась дверь. К ней он и направился — неспешно, ругаясь про себя.

— Ладно! Я здесь! — громко крикнул он… и замер.

Но уже через несколько секунд решил, что ему почудилось. Перед ним, в северном крыле, было пять проходов. Каждый ряд книжных стеллажей высотой в двенадцать футов венчали потемневшие гипсовые бюсты. Раньше Марк едва замечал их и уж тем более не считал. И все же, когда он поднял глаза на один из освещенных стеллажей, ему показалось, что он заметил один лишний бюст.

Оптическая иллюзия! После вспышки света двоится в глазах — такое бывает.

Никакого лишнего бюста там не было… и уж тем более он не двигался.

А холодок в груди — это потому, что с наступлением ночи температура упала, да еще из-под боковой двери потянуло сквозняком.

Он поспешил к выходу, повернул ключ в замке и открыл дверь.

— Марк… — раздался голос Кэролайн Кент. — Извини…

Она замолчала, глядя мимо него в главный зал — без тени страха, но взволнованно и недоуменно.

— А где Тоби? Где мой отец? Разве они не рассказали тебе новость?

Глава десятая

— Новость? — повторил Марк.

Снаружи было прохладнее. Кэролайн, в легком пальто, накинутом на плечи, и шелковом платке, завязанном под подбородком, на мгновение остановилась в нерешительности, прежде чем войти.

— Отец и Тоби ушли в библиотеку два часа назад, — сказала она. — Ты их не видел?

— Нет, но я сам здесь меньше двух часов.

— Моя мамочка, конечно, душка, — с ноткой недовольства заметила Кэролайн, и ее карие глаза, — но она так суетится! Говорит, что им нельзя показываться в «Уголке Майка» в Куинсхейвене, потому что люди будут судачить, если они выпьют по бокалу пива. Даже сегодня утром, когда Тоби с отцом пошли за газетами, заявила, что это неправильно, а сейчас, вечером, когда они не вернулись через два часа, отправила меня за ними. Марк!

— Да?

— Послушай, это важно. — Она покрутила головой. — Тот симпатичный лейтенант Хендерсон заходил после ужина к отцу. Так вот, полиция

уже все решила… или почти решила.

Марк выпрямился. Столкнувшись с академической проблемой, а не эмоциональной в лице Джудит Уокер, он обнаружил, что мысли обретают ясность, а выводы четкость.

— Так, значит, полиция пришла к какому-то заключению? — спросил он. — Интересно, смогу ли угадать, к какому именно.

— И к какому же?

— Они решили, что Роуз Лестрейндж покончила с собой. По всей видимости, провели научные изыскания и убедились, что спальня была заперта изнутри и проникнуть в нее не представлялось возможным.

— Как ты это узнал?

— Мне рассказал мертвец.

В главном зале раздались шаги. Джудит Уокер, собранная и уверенная в себе, появилась в другом конце освещенного прохода.

Задачи такого рода могли увлечь и заворожить Джудит так же, как и Марка, но Кэролайн реагировала на них совершенно иначе.

Практичная и обычно невозмутимая, всем своим видом дающая понять, что ей не до «глупостей», Кэролайн распустила шарф и сорвала его с головы, вероятно подавив желание топнуть

ногой.

— Ну зачем ты так говоришь. Нет, правда. Слышишь такое и только расстраиваешься. Это же полная бессмыслица. Боже мой! Сейчас ты заведешь разговор о привидениях…

— Я ни слова не сказал о привидениях. Иди к столу, Кэролайн. Я хочу прочитать вам обеим выдержку из одного письма.

Живущая в колледже всю свою жизнь, Кэролайн ничуть не удивилась, увидев Джудит в библиотеке в столь поздний час. Она лишь кивнула и улыбнулась ей, а та спокойно улыбнулась в ответ.

Марк закрыл и снова запер боковую дверь. Здесь ничего нет, сказал он себе еще раз. В северном крыле, крыша которого была намного ниже, чем крыша главного зала, потому что это была «старая» библиотека, находились только книжные стеллажи и в западной стене — еще одна дверь, ведущая в современное двухэтажное книгохранилище.

Если что-то и дрогнуло в нем, когда он присоединился к Кэролайн и Джудит у стола с зеленой лампой, то совсем по другой причине. В какой-то момент он поймал спокойный, открытый взгляд Джудит.

— Отец и Тоби… — начала Кэролайн.

— Кэролайн, да забудь же ты о них! — почти вспылил Марк. — Ну пошли они промочить горло в «Уголок Майка», и пусть себе.

— Извини, но мне приходится об этом думать. Есть еще кое-что, о чем отец хотел бы поговорить с тобой при встрече. Сам-то он, как всегда, ни словом не обмолвился, но я уверена, он считает, что эту женщину… в общем, убили!

— Ну конечно, это было убийство. Но здесь все двери заперты, и настоящий убийца нас не услышит.

Если он рассчитывал немного встряхнуть их и вернуть в русло спокойного, трезвого обсуждения, то это удалось ему только в отношении Джудит. Кэролайн же уставилась на него в полном недоумении.

— Марк, я чем-то тебя обидела, придя сюда?

— Нет, конечно нет.

— Тогда не надо так со мной разговаривать. Это правда, что завтра днем приезжает доктор Гидеон Фелл?

Теперь уже Марк, как раз доставший из кармана картонную папку, испытал что-то вроде шока.

— Боже, Кэролайн, я не лучше твоего отца!

Из-за всей этой суеты совсем об этом забыл. Даже не знаю, договорилась ли Бренда, чтобы кто-то пришел готовить. У нас есть миссис Партридж, но, когда в доме гость, нужна дополнительная помощь. Понимаешь, Бренду позвала к себе подруга…

— Да, я… я знаю. — Кэролайн слегка покраснела и торопливо продолжила: — Но не волнуйся: мама отчасти поэтому и послала меня. Она может найти тебе кого-то в помощь. Ты встречаешь доктора Фелла в аэропорту?

— Нет, он не прилетит. Я встречаю его на вокзале с пятичасовым поездом из Нью-Йорка. Хотя погоди! Моя машина…

Кэролайн терпеливо кивнула:

— В том-то и дело. Отец хочет отвезти тебя на вокзал. Он знает Гидеона Фелла…

— Твой отец знает доктора Фелла? — воскликнул Марк. — Впервые об этом слышу.

— Ну а разве он вообще что-то говорит? Ты серьезно думаешь, что он такой рассеянный, каким притворяется?

— Кто такой доктор Гидеон Фелл? — вмешалась Джудит.

— Это человек, который, пожалуй, лучше всех в мире разбирается в невероятных ситуациях

вообще и в загадках с запертыми комнатами в частности.

— Запертая комната, ну конечно! — прошептала Джудит, мгновенно оживившись. — Теперь я вспомнила! Кэролайн, разве ты не читаешь детективы?

Кэролайн выпрямилась. Марк подумал, что ее трудно было назвать хорошенькой, но недостаток миловидности вполне компенсировали бьющая ключом энергия, жизнелюбие и прекрасная фигура. Он тут же упрекнул себя за болезненное внимание к женским формам. Не в том ли причина, что он никак не может отвлечься от Джудит?

— О боже! — вздохнула Кэролайн. — Столько проблем навалилось, а вы хотите обсуждать…

— Моя дорогая, — не отставала Джудит, — а ты их вообще читаешь?

— Да, читаю. Но мне нравятся только те, где все друг в друга стреляют или колотят героя. Я пробовала читать другие, те, которые Тоби нравятся. Но не могу. Когда они пытаются доказать, как можно быть в двух местах одновременно или пройти по песку, не оставив следов, я не понимаю и не верю. К нам это не имеет никакого отношения.

Марк открыл папку и достал сложенный лист с машинописным текстом.

— Это письмо имеет к нам самое прямое отношение.

Обе женщины мгновенно замолчали на полуслове, хотя, наверное, и сами не смогли бы объяснить почему.

Света в зале было мало, но подходить к зеленой лампе Марк не стал.

«Следовательно, говорю вам я, эти „запертые“ комнаты заперты настолько надежно, что в это невозможно поверить. Так, я читаю о запертой двери и окнах, заколоченных гвоздями. Об окнах, не просто запертых, но еще и закрытых деревянными ставнями. О двери, запертой на два замка и еще закрытой на засов. Ростовщики, насколько я знаю, могут жить в такой комнате. Больше, уверяю вас, никто».

Кэролайн уже открыла рот, чтобы задать вопрос, но следующие строки заставили ее замолчать.

«Представим, что наша жертва заколота в обычной спальне, ее или его рука сжимает рукоять. Дом находится в низине или в сыром месте, где вполне может быть густой туман».

Марк поднял глаза и постучал пальцем по бумаге.

— Красный коттедж? — воскликнула Джудит.

— Почему бы и нет? — спросил Марк и продолжил чтение.

«Окна спальни — обычные подъемные, заперты на задвижки, которые трудно повернуть. Они также слегка заржавели от сырости.

Исследование под микроскопом (как в рассказе Э. А. По „Похищенное письмо“) подтверждает, что на покрытых легкой ржавчиной поверхностях нет следов, которые неизбежно остались бы от любого механического приспособления, поворачивающего задвижки снаружи.

То же самое относится и к ключу. Это обычный ключ, который трудно повернуть в замке, и он тоже слегка заржавел. Дальнейшее исследование под микроскопом — ключа, дверной рамы, чего угодно — доказывает, что ключ не подвергался механическому воздействию какого-либо приспособления для поворота его снаружи. И все же, мой друг, это убийство. Как?»

Хотя далее следовало еще несколько абзацев, Марк сложил письмо, показывая, что закончил.

— Но в спальне Роуз Лестрейндж такие же окна! — воскликнула Джудит, словно протестуя против чего-то.

— Совершенно верно.

— И ключ от ее спальни! Он не ржавый, но

определенно потемнел со временем, и на нем наверняка остались бы следы. Да и в замке он поворачивается туго.

— Все так.

— Но ты же сказал мне сегодня утром…

— Подожди, Джудит. Кэролайн, лейтенант Хендерсон сегодня вечером говорил примерно то же самое? Полиция исследовала ключ под микроскопом? Удостоверилась, что его не пытались повернуть, скажем, с помощью плоскогубцев? Что никаких приспособлений — проволока, нити, шкив — не применялось, чтобы открыть дверь или окна?

Кэролайн мяла в руках темный шелковый шарф.

— Да, конечно! Они все проверили. Но зачем? Зачем придумывать детективные загадки? Эта женщина покончила с собой!

— Нет. — Марк покачал головой. — Она не покончила с собой.

— Но полиция говорит… Погоди! Кто это пишет тебе письма об этом? И так скоро?

— Никто.

— Я имею в виду то письмо, что у тебя в руках?

— Как я уже сказал, его написал покойник. Это всего лишь копия. Само письмо было написан

Уильямом Уилки Коллинзом четырнадцатого декабря тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года и адресовано Чарльзу Диккенсу.

Рядом со столом библиотекаря стоял стул с прямой спинкой. Кэролайн, похоже искренне не понимающая, что все это значит, пододвинула стул и села. Только в глазах Джудит Уокер светился огонек любопытства.

— Вот вам и запертая комната, — сказал Марк, — такая, какой ее задумал автор «Лунного камня», когда планировал «Мертвец стучится в двери». Никаких ухищрений, никаких сложностей, из-за которых история выглядела бы нереальной или неправдоподобной. Просто обычная спальня, но с окнами и дверью, которые невозможно вскрыть, не оставив следов.

Его тихий голос разнесся под готическими сводами. Он убрал письмо в конверт и сунул его в карман.

— Понимаю! Теперь я понимаю! — пробормотала Джудит. — Но… Марк! Коллинз придумал эту историю с запертой комнате в шестьдесят седьмом… или в шестьдесят девятом?

— Идея пришла в шестьдесят седьмом, в том же году, что и замысел «Лунного камня». Но второй роман он собирался писать только в шестьдесят

девятом.

— Вслед за первым?

— Да! Теперь вспомни: в начале ноября шестьдесят седьмого Диккенс уехал из Англии в Америку — прочесть курс лекций. В декабре Уилки Коллинз написал три письма в разные дни, но отправил их одним пакетом в Америку. Он изложил сюжет романа о запертой комнате, намеренно скрыв разгадку, чтобы раздразнить любопытство Диккенса. И знаешь, где Диккенс был в свой день рождения, седьмого февраля тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года?

Джудит пожала плечами:

— Наверное, мне следовало бы это знать, но я не в курсе. Где же он был?

— Здесь, в Вашингтоне. Он остановился на двенадцатой улице, в верхней части Пенсильвания-авеню, почти напротив Казначейства.

— И именно там Диккенс получил письма? — воскликнула Джудит. — И ты проследил их путь спустя восемьдесят лет?

— Мне просто повезло, вот и все! Но разве ты не видишь…

Казалось, в тяжелом сумраке библиотеки у них на глазах протянувшаяся из прошлого невидимая рука кусочек за кусочком складывает некую

картину.

— …разве ты не видишь, как все это — от зарождения совершенно новой идеи до способа презентации ее Диккенсу — характеризует самого автора?

Джудит тихонько рассмеялась, глаза ее сияли, что могло показаться несовместимым с трауром.

— Можешь не рассказывать мне об Уилки Коллинзе, — сказала она. — Помню, я читала, каким крестным он был на крестинах: маленький, толстенький, набравшийся шампанского и бренди, он держал младенца и, удивленно щурясь сквозь очки, повторял: «Младенец пьян! Чтоб меня, младенец пьян!»

Марк кивнул:

— Еще лучше Коллинза характеризует его собственный романтичный рассказ о том, как он впервые встретил свою любовницу, когда она, вся в белом, убегала от негодяя…

Кэролайн Кент вскочила со стула. Она не повысила голос, но вся ее напряженная поза выражала гнев и едва сдерживаемую ярость.

— Марк Рутвен, пожалуйста, прекрати нести этот нелепый вздор! Ты все выдумываешь! Я не верю!

Марк в изумлении уставился на нее:

— Не веришь чему? Тому, что он придумал совершенно новую идею?

— Нет, нет, тьфу на них! Я о другом. О том, что он был пьяный на крестинах… гнался за женщиной в белом!

— Дорогая Кэролайн, — взмолилась Джудит, но за ее слегка извиняющимся тоном скрывалась не меньшая ярость, — Тоби может быть излишне щепетильным, но это не значит, что и тебе обязательно брать с него пример. Ты не понимаешь того, что понимает Марк: нельзя объяснять студентам викторианские романы, не рассказав прежде, что за человек их писал. Белые одежды и романтическая история, возможно, плод воображения, но что касается женщины, то все так. Она — реальный человек. Ее звали так же, как тебя. Она жила с Коллинзом…

— Джудит Уокер, я ни на секунду не поверю…

— Не поверишь? — вспыхнула Джудит. — Тогда я лучше тебе покажу. Это не какое-то тайное знание. Источник вполне известный — воспоминания Кейт Диккенс Перуджини, которыми она поделилась с Глэдис Стори. В них описан и сам «дорогой Уилки», и его подружка. Эта книга есть в библиотеке, и я сейчас ее принесу.

— Джудит, ты так хорошо знаешь эту библиоте-

ку? — спросил Марк.

— Я же была женой Дэна Уокера, не забыл? Книга находится в северном крыле, откуда мы пришли. Мне нужно включить свет, но я скоро вернусь.

— Джудит Уокер!.. — снова начала Кэролайн, но ее слова остались без ответа, если не считать ответом эхо удаляющихся шагов.

Кэролайн с досадой махнула рукой. Надев легкое пальто, накинув на голову темный шелковый шарф и завязав его под подбородком, она отпихнула ногой стул, который с грохотом упал.

— Я ухожу домой! — заявила она.

— Послушай, Кэролайн, — попытался успокоить ее Марк. — Никто не хочет расстраивать тебя из-за такого пустяка, как викторианская мораль. Но вот идея запертой комнаты — это важно. Письма Коллинза и его заметки к роману лежали в незапертом шкафу в моем кабинете. Убийца Роуз Лестрейндж прочитал их и воспользовался идеей, чтобы убийство выглядело как самоубийство.

Кэролайн повернулась к нему:

— Ты не понимаешь. — Голос ее едва не сорвался на крик. — Никто из вас не понимает!

— Не понимает чего?

— Ты не знаешь, что меня расстроило. Даже

понятия не имеешь. Если ты будешь и дальше твердить, что это убийство, то навлечешь ужасные неприятности на человека, который мне очень дорог. А это не убийство! Нет никакого убийцы! Никто даже не пытался…

И в этот момент ужас, словно удар грома, обрушился на библиотеку.

Грохот был такой, что казалось, будто раскололась голова. Он оглушил, прокатился по высоким готическим окнам, выходящим на Лужайку, потряс главные двери и колыхнул портреты на стенах и высокие книжные стеллажи в главном зале.

Эхо еще не затихло, когда Марк услышал, как кто-то спрыгнул с высоты на пол. Звук доносился из северного крыла. Сразу вслед за этим Марк услышал бегущие шаги и сам, сорвавшись с места, помчался в сторону «старой» библиотеки.

Из пяти рядов книжных стеллажей перед ним теперь были освещены два. В центральном проходе боком к нему и запрокинув голову стояла Джудит Уокер. Замерев перед стеной книг, парализованная шоком, она держала в руках раскрытый том.

По всему проходу разлетелись куски и осколки почерневшего гипсового бюста — он не упал сам,

его бросили с высоты, и он пролетел всего в футе от головы Джудит.

Внезапно она задрожала. Книга выскользнула из ее пальцев, ударилась о полку и оказалась на полу среди осколков у нее под ногами. Спотыкаясь о куски гипса, Марк бросился к Джудит и подхватил ее, не дав упасть.

Кэролайн, хладнокровно разобравшись в ситуации, побежала за ним. Джудит в обморок не упала и, похоже, не собиралась, а, едва опомнившись, рассмеялась. Когда Марк, передав ее на попечение Кэролайн, бросился за шутником, она что-то невнятно крикнула ему вслед.

Мысли бились в голове в такт бегу. «Шутник спрыгнул с книжного стеллажа. Побежал к боковой двери и обнаружил, что она заперта. Тогда он повернул налево к…»

Да!

Марк добежал до северного конца прохода, резко развернулся и взглянул налево. Света оказалось достаточно, чтобы увидеть, как дверь в книгохранилище бесшумно закрылась.

«Попался!» — со злобным ликованием подумал он.

На двери в современное книгохранилище стоял — только с этой стороны — йельский замок.

Сейчас он находился в открытом положении. Марк опустил стопор, и замок защелкнулся.

— Джудит! Кэролайн! — Он рванул в центральный проход.

— Я в порядке, — сказала Джудит. — Я в порядке, говорю же тебе!

— Джудит, ты уверена? — обеспокоенно спросил он.

— Да, да, да! Честное слово, все хорошо! Только…

Она откинула со лба пряди рыжих волос, и они на мгновение вспыхнули под лучом подвесного светильника. Темно-красные губы казались почти черными на бледном лице.

— Но что-то на меня смотрело. Оно приподнялось сверху и смотрело на меня.

— Ты видела, кто это был?

— Нет. Когда подняла голову, в глаза ударил свет. А потом… ну, ты знаешь.

— Марк, — вмешалась Кэролайн, — в чем дело? Что ты задумал?

Он перевел взгляд с одной на другую: Джудит, похоже, пришла в себя, а Кэролайн, хотя и испугалась, сохранила спокойствие и уверенность.

— Только не пугайтесь! Но одна из вас должна пойти со мной. Джудит, может, мне отвести тебя

куда-нибудь…

— Нет! — воскликнула Джудит, вцепившись ему в руку. — Мы идем все! В чем дело?

Центральный проход вел прямиком к столу библиотекаря в главном зале. Марк достал связку ключей и, выбрав йельский, повел женщин к двери книгохранилища.

— Шутник все еще здесь, — сказал Марк, наблюдая за их реакцией. — Но он в ловушке. Он забежал в книгохранилище. Я закрыл йельский замок с этой стороны, и ему не выбраться.

— Он ведь может вылезти через окна, разве нет? — спокойно спросила Кэролайн.

— Нет. Они из армированного стекла и открываются не больше чем на пять дюймов. Он все еще в западне — разве что попытается нырнуть головой в окно и разбиться насмерть… Кэролайн!

— Да?

— Этот ключ — вот этот! — открывает йельский замок. Возьми связку и убедись, что выбрала правильный. Ты его крепко держишь?

— Да! Хорошо! Но что?..

— Я иду за ним. Мне нужно запереть за собой дверь, чтобы он не проскользнул, пока я обыскиваю помещение. Но я тоже буду взаперти, так что ты стой здесь и будь готова открыть дверь, когда

я скажу. Готова?

Уже держа руку на кнопке замка, Марк замер в нерешительности. В помещении стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь тихими поскрипываниями стареющего здания.

А потом Джудит крепко, так что пальцы впились в плечо, схватила его за руку.

— Марк, не надо, не делай этого! Позвони, позови на помощь! Скажи, что здесь убийца!

— И подниму тревогу из-за какого-то бродяги или воришки? Мне и самому это не по душе, но выбора нет… Джудит, отойди, пожалуйста. Готова, Кэролайн?

Кэролайн кивнула и сжала ключ.

Марк открыл дверь.

И сразу же протянул руку влево, щелкая расположенными в два ряда выключателями. На нижнем этаже книгохранилища зажегся и заиграл на стали, стекле и бетоне яркий свет. Марк шагнул в книгохранилище, придерживая за собой дверь.

— Марк! — крикнула Джудит у него за спиной.

Он не обернулся, хотя по спине побежали мурашки. Осмотрелся — ничего необычного, все как всегда. В хранилище стояла тишина — ни шороха, ни звука. Если кто-то и ждал его в засаде,

он ничем себя не выдавал.

— Марк!

На этот раз крик был таким пронзительным, что он невольно обернулся.

Джудит стояла в дюжине футов от него, под светильником, опустив руки. Но смотрела она не на него, а мимо, в хранилище, и ее голубые глаза были так широко открыты, что он видел овал белка вокруг радужки.

Она ничего не придумала, ничего не вообразила. То, что она увидела, шокировало ее даже сильнее, чем пролетевший рядом с ее головой бюст.

Этот устремленный в одну точку взгляд уколол его больнее, чем игла дантиста. Он тут же обернулся. Но перед ним были только ряды металлических стеллажей, заставленных книгами, названия которых он не мог прочитать.

Марк шагнул вперед и потянул дверь. Дверь закрылась, щелкнул замок. Теперь он, похоже, остался один на один с шутником.

Марк не видел, как Джудит — в своем черном платье, нейлоновых чулках и туфлях из черной замши — покачнулась. Глаза, под которыми залегли темные круги от бессонницы, закатились. Она упала без чувств, не издав ни звука. Упала в

конце стеллажа, над которым высились бюсты Маколея и Диккенса.

Часть третья
Чужая жена

…Дабы спасти тебя от жены другого, от чужой, которая умягчает речи свои… Дом ее ведет к смерти, и стези ее – к мертвецам…

Притчи 2: 16, 18

Глава одиннадцатая

Все еще яркий свет солнца, уже клонящегося к закату следующего дня — понедельника, 19 июля, — лениво разливался по Куинсхейвену.

Предвечерний свет дремал на каркасных и кирпичных домах, на башне церкви Святого Павла, на магазинчиках, теснящихся вокруг Хьюит-стрит. Но в большую, сумрачную, с искусственным освещением пивную при «Колледж Инн» никакие лучи не проникали. Заведение это, часть более обширного комплекса, включавшего маленькую гостиницу и ресторан, было известно у местных как «Уголок Майка».

— Понимаю, — изрек доктор Гидеон Фелл.

Он стоял в центре заведения, опираясь на две трости, чтобы поддерживать тучное тело в вертикальном положении. Марк Рутвен и доктор Сэмюэл Кент, сидевшие за столом с остатками обеда на троих, наблюдали за ним.

Не более чем три часа назад Марк и доктор Кент на трясущейся и дребезжащей машине последнего отправились встречать гостя в Вашингтон. Жара была на пике — сверкала яркими бликами на потоке машин и высекала жесткий белый свет

из купола Капитолия, когда они повернули на северо-восток к вокзалу.

Из-за своеобразной манеры вождения доктора Кента они опоздали. Марк, после еще одной почти бессонной ночи, последовавшей за приключением в библиотеке, был на грани.

— Почему вы не сказали, что знакомы с доктором Феллом? — то и дело приставал он к своему спутнику.

Доктор Кент, слегка нахмурившись, совершил самоубийственный маневр, лихо подрезав тяжелый грузовик.

— Видите ли, — ответил он, уклоняясь от прямого ответа, — я позволил себе некоторую вольность. Предположил, что он должен быть в нью-йоркском «Клубе игроков», и позвонил ему туда.

— По поводу смерти мисс Лестрейндж?

— Нет-нет. Это было несколько дней назад. Насчет происшествий в гимнастическом зале. А вчера вечером позвонил уже по другому вопросу.

— Так он в курсе дела?

— Почти так же, как и я, если можно говорить о каком-то деле. Вообще-то, уже без четверти шесть. Надеюсь, мы его не проглядели.

Не проглядели — даже в огромном, наполненным эхом мраморном пространстве вокзала.

— А-га! — прогремел доктор Фелл, сияя и размахивая тростью.

Они увидели его у газетного киоска: он расплачивался с почтительным носильщиком, тащившим его чемодан, и покупал коробку сигар, выбранную исключительно из-за кричащей расцветки. Пенсне на широкой черной ленте съехало набок, а выбившаяся прядь накрыла один глаз.

Заметив встречающих, он привлек их внимание жестами и криками. Раскрасневшееся лицо расплылось в улыбке. Довольное гоготанье привело в движение неопределенное число подбородков и встряхнуло, словно палатку, черный костюм из шерсти альпаки. Глаза его за стеклами съехавшего набок пенсне лучились таким благодушием и Марка он схватил за руку с таким неподдельным энтузиазмом, что более теплым приветствием его не встретил бы и старый король Коль.

— Фелл, надо полагать? — Доктор Кент с достоинством склонил голову.

— Не иначе как Кент, — рявкнул доктор Фелл, со счастливым видом выкручивая ему ру-

ку. — Господа, — продолжил он, перейдя после составленной в высокопарных выражениях благодарственной речи на более серьезный тон, — нам есть что обсудить. — И гостеприимно указал на ближайшую скамью. — Присядем?

— Прямо здесь, на вокзале? — удивился Марк.

— А что касается этого! Сэр, — доктор Фелл задумчиво потянул носом, — я размышлял…

— Об убийстве?..

— О вокзалах, — объявил доктор Фелл.

Поскольку поместиться на скамье можно было, лишь сев боком, он осторожно опустился, опираясь на две трости, и положил на колени пеструю коробку с сигарами. Затем он откинул закрывавшую глаз прядь волос, ощетинил бандитские усы и обвел взглядом окружающее пространство.

— Когда сто лет назад железные дороги пришли в Англию, они принесли с собой грязь, копоть, убогость и неудобства. Реакционеры радуются — мол, с тех пор ничего не изменилось, все осталось, как было. Вы согласны, мой дорогой Кент?

Доктор Кент, седовласый, с тяжелым лицом и темными бровями, опустился на скамью рядом с ним.

— Да, так оно и было.

— Сэр, — продолжал доктор Фелл, оживляясь и

обращаясь к Марку, — вы даже не представляете, как возвеличили в этой стране скромный вокзал. В Англии мрачное слово «станция» означает лишь, что вы никуда не едете, а пребываете в ожидании. Здесь же вас ослепляет роскошь, здесь можно найти что угодно — кроме, к сожалению, поезда в некоторые моменты. Я видел венецианские дворцы, менее впечатляющие, чем ваши залы ожидания. Этот вокзал, если не ошибаюсь, воспроизводит римские термы. Громы небесные! Если в следующий раз я окажусь в Зеркальной галерее Версаля или Висячих садах Вавилона, то решу, что побывал в последнем волшебном царстве. Вы согласны, мой дорогой Кент?

Доктор Кент нахмурился.

— Мне не свойственны такие полеты фантазии, — возразил он раздраженно и слегка язвительно. — Кроме того, вы ведь уже бывали в Америке. Так что эти изъявления излишни.

Доктор Фелл покрутил своей массивной головой.

— Сэр, — сказал он уже другим тоном, — я принимаю упрек.

— Я всего лишь…

— Но вы не приняли во внимание, — продолжал доктор Фелл, — мое вполне понятное смущение.

Предполагалось, что я приеду в Куинс-колледж как гость Марка Рутвена, дабы изучить утраченные письма Уилки Коллинза. И тут вы звоните мне, описываете совершенно невероятную ситуацию и при этом настаиваете, чтобы я приехал во что бы то ни стало.

— Я позвонил вам главным образом потому, что этого требовал доктор Арнольд Хьюит.

— О! А-а! И Марк меня не отговорил. Как и большинство здешних, особенно южан, он скорее перережет себе глотку, чем с тяжелыми чертами лица покажет себя негостеприимным хозяином — даже если момент чертовски неудобный. Понимаю. Но, гром и молния, от этого мне не легче! Сэр, что вы от меня хотите?

— Дело в том… — начал доктор Кент.

— Что вы от меня хотите? — повторил доктор Фелл. — Я чужестранец в далекой стране. Я не могу обратиться в полицию…

— Этого и не требуется. — Доктор Кент махнул рукой. — После вскрытия, проведенного сегодня утром, дознание будет чистой формальностью. Официально дело закрыто.

— Тогда что вы хотите? Если, против всяких ожиданий, я смогу докопаться до истины — что потом? Вы хотите, чтобы убийцу передали вла-

стям?

— Фелл, я не знаю! — отрывисто бросил доктор Кент.

— О! А-а!

— Погодите! Я сделал все, что мог, чтобы уберечь колледж от скандала. И все же я чувствую, что, во имя элементарной справедливости, мы обязаны узнать правду. Я уверен лишь в том, чего не знаю, хотя мне известен факт, который может всех удивить.

Марк Рутвен откашлялся, решив, что пора вмешаться.

— Да! — Он постарался справиться с дрожью в голосе. — Да, в этом-то и дело… Доктор Фелл?

— А? Кхм! Да?

— Вы не доставите мне никаких неудобств, — не кривя душой, сказал Марк. — И хотя я вырос на Юге, мой дом — Новая Англия. Мы все хотим узнать правду, но для этого нужно, чтобы доктор Кент сам откровенно рассказал, что ему известно.

Сэмюэл Кент посмотрел на них; морщинистые веки приподнялись, открыв живые темно-карие глаза.

— Марк, Марк! Вы говорите об откровенности?

— Да, говорю!

— Тогда извините, но я скажу. Почему Бренда ушла от вас в субботу вечером? Правда ли — об этом намеками говорит сейчас миссис Хьюит, — что она ушла к молодому Фрэнку Чедвику? И главное, что произошло прошлым вечером в Новой библиотеке?

Вдалеке глухим голосом заговорил репродуктор. Бесконечные вереницы людей двигались под рядами статуй, установленных напротив арочных окон.

Марк держал себя в руках.

— Что касается Бренды, я не могу — или не хочу, если вам угодно, — ничего вам рассказать, пока не найду ее или она не найдет меня. Я позвонил некоторым друзьям, но не буду звонить слишком часто, чтобы не привлечь внимание полиции. Насчет Чедвика — не знаю; вам лучше спросить у него самого. О происшествии в библиотеке могу рассказать хоть сейчас. Думал, вы уже знаете. А еще могу рассказать об убийстве в запертой комнате, спланированном и изложенном на бумаге покойником…

— Что? — громовым голосом перебил его доктор Фелл.

— …и исполненном в спальне Роуз Лестрейндж кем-то из нашего круга.

Марк отошел за чемоданом доктора Фелла, взял его и вернулся.

— Доктор Фелл, машина ждет. В моем доме для вас приготовлена комната, а по пути мы пообедаем в «Уголке Майка». Я хочу честного расследования — и никаких поблажек, потому что уверен: Бренда не имеет к этому отношения. Если я расскажу все, что знаю, вы поможете нам?

Доктор Фелл ответил не сразу.

Хрипло отдуваясь, утопив в воротнике подбородки и опираясь обеими руками на трости, он сидел в глубокой задумчивости. В какой-то момент его узкие глазки над сползшим пенсне беспокойно и даже настороженно скользнули в сторону доктора Кента.

Сунув коробку с сигарами в просторный боковой карман, он поднялся. Раскрасневшееся лицо выражало решимость.

— Сэр, — объявил он, — я полностью к вашим услугам. Если старый растяпа и вертопрах может быть полезен — распоряжайтесь. И кто знает, возможно — гром и молния! — у меня уже есть кое-какие соображения на этот счет.

Вот так около семи вечера они оказались в полутемной, с искусственным освещением пивной «Колледж Инн» в Куинсхейвене, где и устроились

за боковым столиком, угощаясь свежими, приготовленными на пару моллюсками и лобстерами. Атмосфера пивной действовала успокаивающе, и Марк, хотя сам почти ничего не ел, рассказывал свою историю.

Стены зала украшали панели, расписанные известным иллюстратором начала XX века и изображающие батальные сцены из американской истории — от Франко-индейской войны до Гражданской. На их фоне стилизованная под таверну мебель выглядела темной и тяжелой. В прохладном кондиционированном воздухе ощущался приятный запах винного погреба.

Кроме них и официанта, в зале никого не было.

Марк начал с того момента воскресного утра, когда Джудит Уокер упомянула Уилки Коллинза. Он рассказал об «Армадейле», о подмене его «Женщиной в белом», о задумке автора, связанной с убийством в запертой комнате, и, наконец, о письме Коллинза Диккенсу, датированном декабрем 1867 года.

Доктор Фелл прервал его однажды.

— О боже! О Бахус! — пробормотал он из темноты и уставился на доктора Кента. — Это правда?

— Правда? Дорогой Фелл, разве я могу судить?

Это рассказ Марка.

— Нет-нет-нет, архонты афинские! Вы не поняли. Полиция проверяла ключ, дверь, дверную коробку в спальне мисс Лестрейндж?

— Да.

— Окна, задвижки на них и прочее?

— Да.

— Следы взлома?

— Никаких. Леди умерла в надежно запертой комнате.

С каждым ответом рот доктора Фелла все более округлялся, хотя ни к еде, ни к питью это никакого отношения не имело.

— А теперь скажите, — обратился он к Марку. — Когда вы обсуждали это с миссис Уокер в воскресенье утром, вы сказали, что на «три четверти» понимаете, как это могло быть проделано. Скажу откровенно, сэр, мне это непонятно. По моему опыту, мы либо видим весь трюк, либо не видим ничего.

— Доктор Фелл, вы, кажется, не поняли, что я имел в виду. Я сказал Джудит Уокер, что знаю три четверти фактов из задуманного романа — все то, что Коллинз раскрыл Диккенсу, — и что полиция может решить, будто я разгадал весь секрет по этим намекам. Но это не так. Например…

— Да?

— Понимаете, в «Мертвец стучится в двери» один из персонажей должен был поклясться, что слышал, как в ночь убийства кто-то пилил решетку…

— Пилил решетку?

— Да. Но в запертой комнате на окнах нет решеток. В заметках Коллинза — они короткие, и я храню их дома — это отмечено как важная деталь. Но, как хотите, я не понимаю, какое это имеет отношение к делу.

— Кхм! Ха! И многим вы об этом рассказали?

— Никому, кроме покойного доктора Дэна Уокера. Бренда, конечно, в курсе; я также упоминал об этом Тоби Сондерсу, доктору Хьюиту и, как мне представлялось, довольно подробно рассказал доктору Кенту. Но доктор Кент утверждает, что я ничего такого ему не говорил.

— Тогда последний важный вопрос, — продолжал доктор Фелл. — Пока я стенаю, ломаю голову и в молчании рву на себе волосы, расскажите, как выглядит ваша жена.

Застигнутый врасплох, Марк удивленно моргнул:

— Прошу прощения?

— Сэр, опишите, пожалуйста, вашу жену! Я не

спрашиваю, куда она ушла и прочие домашние подробности. Просто опишите ее внешность, хорошо?

Пока Марк говорил, Фелл внимательно слушал.

— Хорошо! Идем дальше. Итак! Вчера около девяти вечера, по вашим собственным словам, вы отправились в Новую библиотеку изучить письмо Уилки Коллинза: то, которое вы нам прочитали, об устройстве комнаты, а не два других — о персонажах и сюжете. У боковой двери вы встретили миссис Джудит Уокер. И что потом? Что произошло?

Марк рассказал.

Он умолчал о том, что Джудит видела Бренду у Красного коттеджа без десяти двенадцать или чуть позже в ночь убийства. Также, сам не понимая, что на него нашло, он не упомянул о своем почти любовном эпизоде с Джудит.

Все остальное он рассказал. Восстанавливая события, Марк заново пережил весь ужас случившегося. Грохот разбившегося бюста. Бегство шутника в книгохранилище, где он, казалось, попал в западню. Марк снова открыл дверь, оглянулся и увидел полные ужаса глаза Джудит с овалом белка вокруг радужки.

— Да? — прогремел доктор Фелл, и Марк вздрогнул. — Пока все понятно. Миссис Уокер упала в обморок, но вы тогда этого не знали. Вы закрыли дверь книгохранилища и оказались взаперти. Что было дальше?

Марк посмотрел на него с горькой усмешкой.

— Ничего, — ответил он.

— Ничего?

— Я хочу сказать, — пояснил Марк, — в книгохранилище никого не было. Никого на обоих этажах. Шутник исчез.

Лицо доктора Фелла над заткнутой за воротник салфеткой, с бликами на стеклах перекошенного пенсне медленно воспарило над столом. В полумраке блеснули поднятые вертикально нож и вилка.

— Нет, — поспешно поправился Марк, — я не имею в виду, что шутник оказался призраком или книгохранилище стало еще одной запертой комнатой. По-моему, все было гораздо проще. Вот почему я злился.

— И что же это было?

— Меня провели с помощью одного из старейших трюков, описанных в литературе. Шутника вообще не было в книгохранилище.

Тут Марк повернулся к доктору Сэмюэлу Кен-

ту:

— Я стоял за центральным из пяти проходом: лицом на север, но повернувшись налево к двери книгохранилища в западной стене. Так вот! В этом положении весь торец двери не виден. Стеллажи закрывают около двух дюймов с той стороны, где замок. Вы замечали? Убежать шутник не мог. Но он сумел меня перехитрить. Встав слева от двери, он легонько толкнул ее, коснувшись кончиками пальцев. Я увидел лишь, как дверь закрывается, и решил, что шутник спрятался в книгохранилище. На самом же деле он тихонько ушел.

— Он оставил следы?

— Да! На двух стеллажах, где прятался. Но без привлечения полиции снять отпечатки я не мог. Позже в южном крыле я нашел открытое окно со сломанной задвижкой — через него он и проник в библиотеку.

— Дорогой Марк, — сказал доктор Кент, хмуря лоб. Его темные брови едва заметно дернулись от сдерживаемого раздражения, — все это несущественно. Что увидела миссис Уокер? Что так ее напугало? Вот что я хочу знать.

— И я тоже! И все мы! Я…

Марк замолчал. Он прекрасно помнил, как Джу-

дит приходила в себя после обморока. Она могла идти, но ее речь была бессвязной, и ей требовалась помощь. Он помог ей пройти через Лужайку, но у Северного Мальборо она снова потеряла сознание. С горечью понимая, что они оба — и Джудит, и он сам — были в тот вечер немного не в себе, и чувствуя себя отчасти виновником случившегося, он отнес ее домой на Харли-лейн, пока Кэролайн вызывала врача.

Воспоминание о Бренде тоже кололо, как заноза.

— Джудит дали успокоительное, — сказал Марк. — Миссис Кент и Кэролайн оставались с ней всю ночь. Я тоже остался на какое-то время и… — Он снова запнулся. — Но вы ведь все это знаете, да? Миссис Кент или Кэролайн наверняка вам рассказали?

— Они до сих пор с ней, — напомнил доктор Кент. — Но ничего вразумительного сообщить не могут, как вы и сами знаете.

— Да, согласен.

— Я очень расположен к миссис Уокер, очень! Она перенесла шок. Но какого рода шок, вот в чем вопрос.

— В том-то и дело. Прямо перед ней не было ничего особенного, только металлические стеллажи

с книгами по археологии. У меня нет никаких предположений, но, может быть… Доктор Фелл?

— Мм?

— Вы слышали, о чем мы говорили?

— Сэр, — протянул доктор Фелл, снимая с воротника салфетку и важно выпрямляясь, — заверяю вас, я слушал с куда большим вниманием, чем можно предположить, глядя на мою, надо признаться, косоглазую и туповатую физиономию. В доказательство этого позвольте задать два вопроса.

— Конечно.

Доктор Фелл поднялся и, шумно отдуваясь, прошествовал к центру зала и остановился на фоне батальных сцен.

— Уверены ли вы, — обратился он к Марку, — что ваш так называемый шутник из библиотеки не был на самом деле случайным бродягой или вором? Вы ведь наполовину подозревали, что так оно и есть?

— Нет, конечно не уверен. Откуда мне знать? Поэтому я и не решился поднимать шум. Но если это не тот, кого мы ищем, тогда во всем этом нет никакой логики — это абсурд. Каков ваш второй вопрос?

Доктор Фелл нахмурился, сжав губы.

— Миссис Джудит Уокер и мисс Кент. Как они выглядят?

Марк начал было возражать, но доктор Фелл ждал, сохраняя самый серьезный вид, и в конце концов Марк дал подробный ответ.

— Вы же не думаете, что Роуз Лестрейндж убила женщина?

— Нет. В данный момент это представляется мне наименее вероятным вариантом. Но, гром и молния, это преступление и должно было случиться в почтенном, с традициями и историей колледже. Человек, заперший ту спальню, определенно имеет академический склад ума и весьма начитан.

— Тогда какое значение имеет внешность трех женщин?

— Четырех! — мгновенно поправил Фелл. — Четырех! И прошу вас об этом не забывать.

— Хорошо, но разве от того, как выглядят эти четыре женщины, что-то зависит?

— Да! Вообще-то, я размышлял сейчас о самой неприятной и вызывающей самое глубокое беспокойство части этой истории. О происшествиях в гимнастическом зале. Я думал о настоящем шутнике, том, который хихикает в уголке, рисует светящейся краской статую Основателя и сталки-

вает в бассейн шестнадцатилетнего мальчика. Но заметьте! — прохрипел он, поднимая трость. — Это было по-своему ужасно, но при этом далеко не умно. Не изящно. Наоборот — грубо, в духе школьного хулигана, как будто…

Тут он замер — с полуоткрытым ртом, на середине предложения. Опираясь на обе трости, он приподнял голову, будто всматривался во что-то в углу. Лохматая голова черным силуэтом выделялась на фоне сцены «Попавшей в засаду армии Брэддока» с зеленомундирниками из виргинской милиции, прикрывающими красномундирников от индейских стрел.

— Понятно, — сказал доктор Фелл и встряхнулся, словно испугавшись, что сказал лишнее.

Марк поднялся, едва не опрокинув пиво локтем.

— Нельзя ли полюбопытствовать, что именно вам понятно? Я-то думаю, тем шутником в гимнастическом зале могла быть сама Роуз Лестрейндж!

— Боюсь, я не могу с этим согласиться! — резко заявил Сэмюэл Кент.

Марк взял себя в руки.

— В любом случае, — сказал он, — это не касается Бренды. Уж Бренда-то точно не имела никакого

отношения к случившемуся в подвале. Бренда… Да-да, что такое?

Официант, маленький человечек с манерами балканского дипломата, подошел убрать тарелки перед подачей кофе и, наклонившись к Марку, прошептал:

— Мистер Рутвен! Снаружи вас ждет человек. Вам стоит выйти к нему.

— Спасибо, но я сейчас занят.

— Вам действительно лучше бы выйти, сэр.

— Почему? Разве он не может войти сюда?

— Он говорит, что не хочет заходить, сэр. Лучше выйдите к нему. Это мистер Фрэнк Чедвик. У него сообщение от вашей жены.

Глава двенадцатая

Ярко-красный с желтым «кадиллак» с откидным верхом, за рулем которого сидел Фрэнк Чедвик, припарковался через дорогу, прямо у аптеки «Барнис».

Марк, еще испытывая легкое головокружение от резкого перехода из кондиционированной прохлады и полумрака в жаркий солнечный день, остановился. Двое посмотрели друг на друга через улицу.

Марк медленно направился к машине.

На первый взгляд Фрэнк Чедвик выглядел как обычно — спокойный, улыбчивый, самоуверенный, с той мальчишеской харизмой, которую он прекрасно использовал. Густые каштановые волосы со светлыми прядями обрамляли симпатичное лицо; гибкая фигура в кремовом костюме с галстуком застыла в непринужденной позе. При этом Чедвик легонько постукивал пальцами по рулю, касаясь кнопки клаксона, но не нажимая ее.

Марк подошел к машине. Соперники смерили друг друга оценивающим взглядом.

— Привет, Рутвен, — небрежно сказал молодой

человек и улыбнулся. Впрочем, удерживать улыбку он не стал, и она как-то незаметно сошла на нет, и в его взгляде появилась задумчивость. — Прежде всего, не хочу, чтобы ты понял меня неправильно.

— Это было бы нехорошо, мистер Чедвик.

Из аптеки донесся едва слышный звон кассового аппарата.

Фрэнк опустил глаза, еще раз коснулся пальцами кнопки клаксона и улыбнулся.

— Может, да, а может, и нет. Это уж как ты решишь. — Он помолчал, а когда продолжил, в его голосе зазвучали уже другие нотки. — Послушай, старина: ты не против, если я буду говорить начистоту?

— Вы уже слишком взрослый, чтобы меняться, мистер Чедвик.

Этот парень с настороженными глазами вовсе не был дураком, и Марк, что бы ни говорил о нем, прекрасно это знал.

— Осторожнее, Рутвен, — предупредил он вполне доброжелательно. — Я здесь, чтобы оказать тебе услугу. Думал, ты оценишь.

— Услугу?

Наверно, Чедвик ожидал другого ответа. Внезапно, без видимой причины, холодная самоуве-

ренность Фрэнка дала трещину — в его взгляде появилось что-то человеческое.

— Слушай, Рутвен! — вырвалось у него. — Ты, в общем-то, неплохой парень. Я… — Он запнулся.

И тут Марк понял и расслабился. Впервые в жизни этот избалованный юнец встретился с реальностью — и сильно перепугался. Марк с такими уже сталкивался.

— В чем дело? — спросил он. — Вас полиция напугала?

— Полиция? Думаешь, я полиции боюсь? Ни чуточки! Это все мой отец! — Фрэнк, похоже, хотел остановиться, но не смог — его понесло. — Да, как я и сказал, парень ты неплохой, но знаешь, что не так с тобой и Брендой? Вы оба — гордецы. Чертовы гордецы! Ты вообще знаешь, где Бренда была все это время? Стоп! Не говори пока!

— Я пока и не собирался.

Фрэнк откинулся на сиденье и посмотрел на него:

— Господи! Как же с тобой тяжело. Ты совсем мне не помогаешь.

— А должен?

Теперь, когда Марку показалось, что он разглядел истинную сущность Фрэнка, его ярость и ревность утихли. А вот Фрэнк снова взорвался.

— Со мной она не была, вот что я тебе скажу. С вечера субботы Бренда в «Уилларде». Можешь проверить, если не веришь.

— Откуда вы знаете, что она там, мистер Чедвик?

— Оттуда, что на дворе тысяча девятьсот сорок восьмой год. Оттуда, что получить номер в приличном отеле невозможно ни за красивые глазки, ни за деньги, если у тебя нет связей или нужного подхода. Да что с тобой, Рутвен? Бренда меня кинула! Кинула прямо возле этой аптеки!

Марк промолчал.

— Кинула меня и вернулась домой. А когда снова сбежала от тебя и отправилась в «Уиллард» — потому что ты ее выгнал, — позвонила оттуда и попросила меня договориться с администрацией, чтобы ей дали номер. Другой на моем месте счел бы это наглостью после того, как она меня кинула. Но я ей помог.

— Вы не помните, во сколько это было?

— Во сколько?

— Да. Полиция расследует самоубийство Роуз Лестрейндж, которое может оказаться убийством, связанным с Куинс-колледжем. Вы звонили мисс Лестрейндж вскоре после десяти вечера в субботу из этой самой аптеки, что за вашей спиной.

Фрэнк Чедвик провел тыльной стороной ладони по лбу.

Слово «полиция», Марк готов был поклясться, не произвело на него никакого впечатления. Как и «Роуз Лестрейндж». Но два других определенно подействовали.

— Куинс-колледж! — выдохнул он. — Для моего старика это святое место. Да уж, будет мне урок. Хватит с меня Бренды. Буду этих преподавательниц за милю обходить, пока… — Он осекся.

— То есть Бренда не единственная преподавательская жена, которая вас заинтересовала?

Ответа не последовало.

Фрэнк понял, что едва не сказал лишнего. Но не растерялся, а взял себя в руки.

— Может, да, а может, и нет. Кого это касается?

— Вас. И ее тоже, если вы о ней думаете.

Фрэнк рассмеялся.

— Не думаю, спасибо, — произнес он, обнажив редкие верхние зубы, и в голосе его послышались жестокие нотки, хотя улыбка и обаяние уже вернулись. — В последний раз сделал одолжение.

— Когда-нибудь, возможно, сделаете еще.

— Это намек, старина? Да я умер бы за правое дело, если бы пришлось. Но серьезно…

— Что?

— Я ведь повел себя достойно, да? — с полной серьезностью спросил Фрэнк. — Я сказал тебе правду про Бренду, ради этого и приехал. У нее ты один в голове; больше она никого и видеть не хочет. Что ж! — Он усмехнулся. — У каждого мужчины есть право облажаться один раз.

— Пожалуй, на это можно смотреть и так.

— Только так и можно. Ладно, хорошо, что разойдемся без обид. Больше мне в Куинсхейвене делать нечего.

— А как насчет Роуз Лестрейндж?

Фрэнк потянулся, как кот. Лениво повернул ключ зажигания и уже под рокот мотора откинулся на сиденье. Услышав вопрос Марка, он резко повернулся.

— Эта… — В его прищуренных глазах мелькнуло странное выражение, вспомнилась свежая царапина на непомерном самолюбии. Но уже в следующее мгновение оно исчезло.

— Жаль ее, старина, — холодно сказал он. — Но если между нами и было что-то, колледжа это не касается. Моему отцу, возможно, и не понравится — увы, так оно и есть, — но денег мне он меньше давать не станет и из дому не выгонит. Повезло, да?

— Кому? Мисс Лестрейндж?

— Осторожнее, Рутвен. Шути, да меру знай. Меня полиция уже допрашивала. Где был с часу до трех ночи в воскресенье? Отвечаю: в своей квартире. Можешь доказать, что был там, а не разбил Роуз сердце, доведя ее до самоубийства от неразделенной любви? Говорю, что могу.

— Как?

— Ну… — Он смущенно усмехнулся. — Бренда меня кинула, да? Что бы ты сделал на моем месте? Что бы сделал любой? Позвонил бы другой девушке, пригласил. Имена мы не называем, но у полиции больше вопросов нет. Могу еще чем-то помочь?

— Да. Во сколько Бренда звонила вам из «Уилларда»?

— А это еще зачем? У нее какие-то неприятности?

— Нет, но…

— Запнулся, да? Не уверен? — усмехнулся Фрэнк.

— Да, запнулся. Меня интересует только Бренда, и больше никто. Во сколько она звонила?

— Ладно, старина! Всегда рад помочь. Должно быть, без десяти час. Мне пришлось перезванивать, чтобы подтвердить бронь, а в номер она попала только около двух. Что-то еще?

— Нет, — ответил Марк и уже совсем другим тоном добавил: — А теперь убирайся.

— Что ты сказал?

— Я сказал: убирайся.

Фрэнк Чедвик уставился на него, пальцы левой руки забарабанили по дверце автомобиля, как до этого пальцы правой — по рулю.

— Не больно-то умно с твоей стороны, Рутвен. Не так уж ты молод, чтобы лезть на рожон. А что, если выйду сейчас да преподам урок хорошего поведения?

Марк наклонился, дернул ручку дверцы. Дверца распахнулась.

Марк ждал.

Двигатель тихо урчал. В аптеке снова звякнул кассовый аппарат. Фрэнк как будто застыл на краешке сиденья. На его лице последовательно менялись изумление, недоверие, ярость и, возможно, другие эмоции.

Он рванул дверцу на себя, захлопнул, и в следующее мгновение машина сорвалась с места, тигриный рык перешел в рев, и она понеслась по Хьюит-стрит в сторону Александрии.

Марк проводил ее взглядом; в висках стучала кровь.

Он стоял на дороге перед «Барнис» — совре-

менной аптекой с огромными зеркальными витринами по обе стороны стеклянной двери и кондиционером.

Дверь должна была автоматически закрываться после каждого посетителя. Сейчас она была приоткрыта. Значит, ее кто-то держал. Марк поднял голову.

За стеклом стояла и смотрела на него Бренда.

«Вы оба — гордецы. Чертовы гордецы!»

И потом:

«…сбежала от тебя и отправилась в „Уиллард“ — потому что ты ее выгнал».

В глазах Бренды он увидел страх и неуверенность. Их взгляды встретились лишь на мгновение. Затем она резко повернулась к стойке с яркими журналами и сделала вид, что увлеченно их рассматривает.

Оглянувшись, Марк увидел на Хьюит-стрит Лютера Мейсона и его супругу; симпатичная пара, по всей видимости, направлялась на ужин в ресторан «Колледж Инн».

Марк забежал в аптеку и остановился. За спиной у него почти беззвучно закрылась стеклянная дверь.

В аптеке было тихо. Долговязый парень в толстовке, стоя у стойки с газировкой, потягивал

через соломинку холодный шоколадный коктейль.

В глубине зала пожилая, незнакомая Марку женщина тихо спорила с фармацевтом насчет какого-то рецепта.

У стойки с журналами, все еще отвернувшись, стояла Бренда.

Марк подошел и встал так близко, что их руки соприкоснулись. На ней было то же белое платье без рукавов… нет, другое — что-то в нем было не так! Синий поясок и синие с белым туфли. Наклонившись вперед, Бренда делала вид, что рассматривает обложку журнала «Лук», но ее напряжение выдавали едва заметно дрожащие плечи.

Тишина.

Время тянулось мучительно долго, прежде чем она, не отрывая глаз от журнала, быстро прошептала:

— Я вернулась только из-за этих ужасных событий, из-за убитой женщины и твоего участия в этом! И из-за гостя! Вот и все!

Новая мучительная пауза. Бренда рискнула бросить косой взгляд — неуверенный, из-под темных ресниц.

— Просто… Марк, — вырвалось у нее, — я была

такой дурой.

— Ничуть не больше, чем я.

— Нет, больше!

— Нет, не больше!

— Больше!

Из-за того что пререкаться приходилось шепотом, делая вид, что их интересуют журналы в этом заведении, где пахло душистым мылом и пломбиром с фруктовым сиропом, они попали в одну из тех ситуаций, которые лишь по прошествии времени кажутся нелепыми.

— Бренда, я люблю тебя.

— Ну а я тебя.

— Мы не можем говорить здесь. Давай уйдем?

— Да… Нет! Доктор Мейсон с женой как раз проходят мимо. Они спросят, где я была.

— Какая разница? Погоди! Ты вернулась с ним?

— С кем? О боже, нет! Я даже не знаю, зачем он здесь! Я ехала на нашей машине и увидела, что «кадиллак» следует за мной. Он остановился у аптеки, а я проехала дальше…

— Не волнуйся! Это не важно!

— Это важно! Он поговорил с официантом из «Уголка Майка», а потом вышел ты. Марк, прости, я пробралась через боковую дверь. И подслушала.

Я люблю тебя.

— Улица свободна. Доктор Мейсон с женой зашли в ресторан. Мы можем уйти?

— Да. Марк, кто ее убил?

Долговязый парень допил шоколад, соломинка издала неприличный звук в пустом стакане. Но когда Марк взглянул в лицо Бренды, все абсурдное и нелепое вокруг мгновенно померкло перед внезапным страхом.

— Бренда, ты только что приехала?

— Да. А что?

— Ты говорила с кем-то в колледже или здесь?

— Нет, ни с кем. Но я прочитала все утренние газеты и чуть не умерла от страха.

— В газетах не было ни слова об убийстве. Доктор Кент и Джудит Уокер представили ее такой невинной и респектабельной, что и писать было не о чем. Нас почти не донимали репортеры. Откуда ты узнала, что это убийство?

Бренда открыла рот:

— Но… мне и в голову не приходило, что это могло быть что-то другое! Кроме того, я слышала… — Она хотела что-то сказать, но передумала. — Я имею в виду, когда читаешь такое в газетах, никогда не веришь, что напечатали всю правду. Всегда кажется, что они что-то скрывают.

Разве нет?

Звякнул кассовый аппарат. Долговязый парень, расплатившись за шоколад, неторопливо вышел. Словно вдохновившись примером собрата, в глубине зала зазвенел еще один кассовый аппарат; пожилая дама, выбиравшая товары по одному, наконец рассчиталась и поспешно выскользнула следом.

Шаги за стойкой с газировкой затихли в другом конце зала.

— Бренда, я должен задать тебе один вопрос. Когда ты приехала в город в субботу вечером, ты заходила в бунгало Роуз Лестрейндж? Да?

Бренда слегка отпрянула. По ее лицу разлился румянец.

— Нет, не заходила! Думала об этом, но не зашла. Если ты намекаешь на то, что я сказала…

— Не важно, что ты сказала. Ты останавливалась там? Выходила из машины? — Он заметил ее неуверенность. — Не имеет никакого значения, что ты сделала. Просто скажи мне правду.

— Ладно! — с вызовом прошептала она. — Да, я останавливалась. Да, я выходила из машины. Скрыть ведь ничего нельзя, да? Но я знала, что мне будет стыдно до конца жизни, если я скажу ей хоть слово. Я сделала лишь пару шагов по

дорожке, потом вернулась в машину и уехала.

— Во сколько это было?

— Марк, я не помню, — вздохнула она, но широко расставленные глаза, из-за которых ее скулы казались такими высокими, нашли забытое. — Хотя, погоди… да, помню. Часы на доме Основателя как раз пробили полночь, когда я… ну, когда я услышала бой.

У Марка отлегло от сердца. Это полностью совпадало с показаниями Джудит Уокер и другими установленными фактами. Но Бренда, похоже, неверно истолковала его вздох облегчения.

— Я говорю правду. Пожалуйста, пожалуйста, забудь то, что я сказала тогда ночью, — я ничего такого не имела в виду.

— Я знаю, что ты говоришь правду. Давай не будем возвращаться к… к…

Она резко перебила его:

— Нет, Марк, будем. У меня тоже есть к тебе вопрос.

— Вопрос?

— Да! В последний год или около того… ты был счастлив со мной?

Снаружи начал меняться свет; солнце садилось, и в этот тихий час небо затянулось легкой дымкой сумерек. Он уставился на нее, узнавая

тот же румянец, тот же блеск в глазах и ту же неуверенность, которые видел в своем кабинете в субботу вечером.

— Бренда, ради всего святого, что ты имеешь в виду?

— Если ты не был счастлив — скажи мне. Я пойму. Просто скажи, вот что я хочу знать. Именно поэтому я пыталась вызвать в тебе ревность к Фрэнку.

Марк открыл рот и снова закрыл.

— Это непросто сказать, Марк, но я должна. Я говорила тебе, что несколько женщин — ну хотя бы Джудит Уокер! — были бы не прочь за тобой приударить. Три года назад, даже два, если такое случалось, я просто смеялась про себя: «Он ее даже не замечает!» Но потом я начала думать: «Он и меня не замечает; ему просто все равно».

— Бренда! Послушай…

— Да, меня привлекал Фрэнк! Я думала о романе с ним! Но он для меня ничего не значил. То, что я сказала в твоем кабинете — что хочу развестись и выйти за него, — было неправдой. Я все придумала на ходу. Потому что мне было так больно, когда ты сказал, что тебе все равно.

— Я был последним идиотом, когда пытался уколоть тебя. И ты?..

— Да. Я оставила Фрэнка здесь, у аптеки, и пошла домой. Но из головы у меня не выходила Роуз Лестрейндж. Я думала о ней, представляя, что она куда опаснее Джудит Уокер, и тут она вдруг появилась у нас на пороге, как… ну, ты понимаешь.

— Бренда, я же сказал, что между нами ничего нет!

— Ну, я не поверила. И когда уехала на машине, то действительно собиралась к Джейн Гриффитс, но была в таком состоянии, что не хотела никого видеть. Я поехала в отель «Уиллард». Марк, я только потом поняла, что у тебя с ней ничего не было.

— Ты поняла? Когда? Сегодня утром?

— Нет. Меньше получаса назад, когда стояла в аптеке и увидела, как ты разобрался с Фрэнком. Ты поступил так, как я и надеялась, что ты поступишь, когда пыталась вызвать твою ревность.

Бренда подняла голову. Ее глаза наполнились слезами.

— Если бы ты видел свое лицо, когда ты даже не удостоил его ответом, а просто рванул дверцу и бросил ему вызов! Если ты не был счастлив со мной, Марк, скажи мне. Но если был… ну, ты тоже можешь мне это сказать.

И он сказал.

Крепко взяв ее за руку, он вывел ее на пустынную улицу. Под деревом, в сгущающихся сумерках, он объяснил ей все довольно подробно.

И все же необходимость сохранять приличия, стоять на почтительном расстоянии друг от друга и делать вид, что они обсуждают погоду, держала обоих в таком нервном напряжении, которое и описывать не стоит.

Марк нашел выход в том, чтобы подробно объяснить Бренде, почему она непричастна к убийству Роуз Лестрейндж. Она была удивлена, но охотно приняла его аргументы.

— Давай уточним, — повторил он. — Крайние временные рамки смерти: не раньше половины первого и не позже половины четвертого. Ни один человек на свете не смог бы доехать от дома Роуз до отеля «Уиллард» на Пенсильвания-авеню за двадцать минут — между половиной первого и без десяти час.

— Нет, но…

— Подожди! Ты была в «Уилларде» без десяти час? И попала в номер только около двух? Должны же быть свидетели?

— Да, конечно. Но…

— Где ты оставила машину?

— Как всегда. В гараже «Хилари», за углом.

— Я так и думал! Даже если бы ты незаметно вышла из отеля, ты не смогла бы вывести машину из гаража так, чтобы тебя не увидели. Когда бы ни произошло преступление, ты защищена так же надежно, как казначейские облигации.

— Марк! — ужаснулась она. — Неужели кто-то думал, что я… я…

— Только Тоби Сондерс, но он не в счет.

— Тоби Сондерс?

— Дорогая, ты же знаешь Тоби. Он впадает в крайности, бросает дикие обвинения, а потом мучается угрызениями совести и пытается загладить вину. С ним это не в первый раз. Но по-настоящему он и сам в это не верит.

— Но что ты хочешь, чтобы я сделала? — Бренда облизнула губы. — Хочешь, чтобы я рассказала полиции?

— В этом нет необходимости. Просто расскажи доктору Феллу. До Фрэнка Чедвика тебе никакого дела не было. В субботу вечером и прошлой ночью ты была в «Уилларде»! Твое алиби крепче Форт-Нокса! Скажи доктору Феллу!

Неожиданно для себя он повысил голос, но опомнился и замолчал. И в этот момент шестое чувство заставило Бренду обернуться.

Доктор Фелл, с непокрытой лохматой головой,

стоял посреди улицы; за его спиной виднелось здание «Колледж Инн» из красного кирпича с белыми окнами. Марк вдруг заметил, что машины доктора Сэмюэла Кента, которая стояла у входа в гостиницу, больше нет. Когда же он уехал?

За последние дни колокольчик тревоги звенел у него в голове несколько раз. Марк услышал его снова, как только увидел лицо гостя.

Доктор Фелл прочистил горло.

— Мэм, — обратился он к Бренде с выражением глубокого душевного страдания, — я — Гидеон Фелл. Простите ли вы мое вторжение, если я поклянусь, что ваши фотографии — лишь бледные тени ослепительной реальности? А вы, сэр! Простите ли вы меня, если скажу, что вы верно истолковали выражение моей физиономии? Роуз Лестрейндж все еще с нами. Нас ждут неприятности, и, возможно, уже этой ночью.

— Роуз Лестрейндж? Как?

— Перед тем как Сэма Кента, как обычно, призвала жена, он сделал заявление. Я ожидал этого; он осторожно упомянул об этом по телефону. Это еще предстоит осмыслить, но в любом случае это не самая большая из наших забот.

— Я не совсем понимаю.

— Еще бы, разрази меня гром! Но мне нужно

перемолвиться несколькими словами с миссис Уокер, если ее врач это позволит. А прежде я должен осмотреть спальню в Красном коттедже, в логове нашей странной дамы, с кем-то, кто обнаружил тело. Время сейчас не самое лучшее, сэр, но я надеюсь, вы составите мне компанию.

Бренда вздрогнула, будто по ней пробежал паук, но выпрямилась, тряхнула головой и взяла Марка под руку.

— Конечно, ты должен пойти! И, Марк, дорогой, можно я пойду с тобой?

Глава тринадцатая

Сумерки уже заволакивали небо. Доктор Фелл стоял в центре спальни Роуз Лестрейндж, изучая туалетный столик с тройным зеркалом. Все трое словно дали обет молчания. С той минуты, когда они вошли в дом, здесь едва ли прозвучало более полудюжины слов.

Марк расположился в узком белом холле, откуда заглядывал и в спальню, где предавался размышлениям доктор Фелл, и — через коридор — в гостиную, где не столько ждала, сколько укрывалась Бренда.

В последний момент, как Марк и предполагал, Бренда не решилась войти в спальню. Почему ей вообще захотелось сюда прийти — кроме как из жуткого любопытства, — он не мог понять.

Она садилась на чиппендейловский стул в гостиной, где хранились серебряные приборы и стоял длинный стол, который, видимо, использовался как обеденный. Потом вскакивала и металась между столом и изящным, также чиппендейловским, бюро.

Внутрь они попали без труда; входная дверь была не заперта. Теперь она была распахнута,

как и в то туманное воскресное утро, когда Марк, Тоби и доктор Кент подошли к дому.

Поскольку фасад коттеджа выходил на северо-восток, за открытой дверью было почти темно. В глубине холла снова горела на маленьком столике тусклая лампа под янтарным абажуром. На стене можно было разглядеть черно-белый рисунок Гойи «Шабаш ведьм».

Никто не произнес ни слова.

Доктор Фелл, застывший перед туалетным столиком и мягким стулом со спинкой, между которыми было зажато тело Роуз Лестрейндж, как будто обратился в камень.

Пожалуй, пора вспомнить расположение комнат, подумал Марк.

Изначально, если память его не подводила, здесь было всего две комнаты: те, что теперь стали гостиной и спальней. В 1920-х или около того, как рассказал ему кто-то, к задней части спальни пристроили небольшую современную ванную и крошечную кухню. Точно так же в глубине гостиной появилась узкая столовая, причем и в кухне, и в столовой были двери, ведущие в холл.

Вот и все.

Красный коттедж. Бунгало. Куинсхейвен, 13.

В двадцати с лишним футах от открытой двери,

в конце дорожки, зажегся — словно по мановению волшебника — уличный фонарь. Его рассеянный свет падал, помимо прочего, на стоящее прямо у входа «шевроле» Марка, в котором лежали чемоданы Бренды и доктора Фелла.

Помявшись, он направился в спальню.

— Марк! — позвала Бренда.

После затянувшейся тишины даже звук человеческого голоса заставил его вздрогнуть.

За спиной у него, в дверном проеме, стояла Бренда, напряженная и настороженная.

— Куда ты идешь? — спросила она.

— Только в спальню. Мое болезненное любопытство требует проверить, все ли там так же, как было тогда.

— Там ведь ничего не изменилось?

— Ничего. Но тебе здесь смотреть не на что. Бренда, ты только расстраиваешься! Почему бы тебе не поехать домой и не разобраться с вещами.

— Дорогой, я не поеду без тебя!

— Я пока не могу. Мне нужно ответить на несколько вопросов, хотя вряд ли я сумею помочь. Подожди минутку!

— Марк!

Но он уже переступил порог.

Лампа для чтения с янтарным абажуром из граненого стекла так же горела рядом с зеленым креслом, которое первым привлекло его внимание. Кресло было выдвинуто из угла, так что между спинкой и стенами оставалось некоторое пространство. На маленьком столике слева от кресла, под лампой, лежал его экземпляр «Женщины в белом».

У задней стены стояла низкая кровать, над которой висела картина «Юная ведьма»; дверь в ванную была, как и тогда, открыта. Трюмо у противоположной стены почти полностью скрывала массивная фигура доктора Фелла. Два окна на фасадной стороне комнаты по-прежнему были завешены кретоновыми шторами с кремово-янтарным узором.

Если не обращать внимания на следы порошка для снятия отпечатков пальцев и не думать о том, сколько человек прошло по мягкому шерстяному ковру, комната выглядела в точности, как и тогда. Не хватало лишь самой хозяйки, Роуз Лестрейндж.

Взгляд Марка скользнул мимо окон — и остановился.

Он не обратил особого внимания на большой, испачканный порошком комод с небрежно за-

двинутыми после обыска ящиками. Но теперь перед ним стоял стул с прямой спинкой.

На спинке стула, вывернутое наизнанку, лежало желтое платье, которое было на Роуз в субботу вечером, а на платье пояс для чулок. Нейлоновые чулки, аккуратно свернутые, лежали на стуле. Туфли на высоких каблуках стояли на полу.

В воскресенье утром он их не заметил. И теперь они вызвали в памяти ее образ — высокая, загадочная, со слегка насмешливой улыбкой.

В тот же момент доктор Фелл громко прочистил горло и неуклюже повернулся от туалетного столика. Побагровевшее от усилий лицо выражало озабоченность.

— Закрытые двери! Закрытые окна! — невольно вырвалось у Марка. — У вас есть какие-то соображения?

— Сэр, — ответил доктор Фелл, — отсутствие идей редко бывает моей проблемой. Меня тревожат те, что у меня уже есть. Не так давно и вы, и ваша жена рассказали мне каждый свою версию событий в ночь убийства. Мне интересна не та их сторона, которая касается ваших отношений между собой, но та, которая касается других людей и определенных событий, произошедших в вашем доме.

— Что ж, если у вас есть вопросы…

— Благодарю. Давайте начнем с мисс Лестрейндж.

И тут Марк понял, что Бренда стоит в дверях за его спиной. Он не видел ее, но ощущал ее присутствие, исходящее от нее напряжение. Он отступил в сторону, чтобы она могла видеть доктора Фелла.

— Насколько я понимаю, вы встречались с ней всего дважды: первый раз — в субботу утром, когда она остановила вас на Колледж-авеню, и второй — ближе к одиннадцати вечера, когда она пришла к вам домой, не позвонив в дверь и, видимо, полагая, что вы там один. Тем не менее…

— Да?

— Очень хорошо! — Доктор Фелл уставился на него прищуренными глазками. — Она не показалась вам в каком-либо смысле грубой? Бесцеремонной?

— Не вполне вас понимаю.

— Грубой! Нет, пожалуйста, миссис Рутвен. — Доктор Фелл коротко хохотнул, и его глаза весело блеснули. Впрочем, он тут же посерьезнел. — Боюсь, я догадываюсь, о чем вы подумали. «Если проникнуть в дом таким вот образом не грубость, то что же тогда грубость». Не так ли?

Бренда смутилась:

— Э… да. Признаюсь, я об этом и подумала.

— Но я имел в виду совсем другое. Пожалуйста, забудьте все ваши оценки ее личной жизни и морального облика. Итак, сэр. Исходя из вашего краткого знакомства, вы бы назвали ее… воспитанной?

— Воспитанной? Да! Безусловно!

— Внимательной? Непринужденной? Уравновешенной?

— Да. Да. Да.

— Вы не заметили в ней хамоватости, неуклюжести?

— Ничего подобного!

— Теперь обратите внимание! — продолжил доктор Фелл. — Мисс Лестрейндж ничуть не возражает против слухов о ее тайных встречах в лазарете с Фрэнком Чедвиком. Напротив — она лишь смеется. Она не отрицает. Это соответствует ее образу роковой соблазнительницы.

— Ее образу? — воскликнула Бренда и запнулась. — Что вы под этим подразумеваете?

Марк задумался. В памяти всплыли слова Джудит Уокер о Роуз Лестрейндж. Только теперь они звучали по-новому.

— Но как бы она отнеслась к другого рода об-

винению? Как бы она восприняла, если бы ее обвинили в том, что она носится по гимнастическому залу, рисует на стенах и сбрасывает гири на головы мужчинам — просто потому, что ее считают слегка невменяемой? Понравились бы ей такие слухи?

— Нет, не понравились бы, — уверенно ответил Марк.

— Вот именно. Однако это обвинение было высказано ей в лицо — причем совершенно серьезно — Тоби Сондерсом.

Доктор Фелл тяжелой походкой подошел к левому окну и раздвинул желто-зеленые шторы. Потом проделал то же самое со вторым окном.

— В начале двенадцатого в субботу вечером, у вас дома, вы дали ей ваш экземпляр «Армадейла» Уилки Коллинза. Сэр, я не сомневаюсь, что это была именно та книга, но… кто-нибудь вообще упомянул ее название?

— Да, — ответила за Марка Бренда. — Она сама! Сначала Роуз сообщила, что у нас не работает дверной звонок, а потом сказала, что Марк обещал дать ей «Армадейл».

Глядя в окно, доктор Фелл кивнул.

— Позже, согласно показаниям Сэма Кента, ее на машине доктора Сондерса отвезли домой Тоби

Сондерс и Кэролайн Кент. Они остановились на улице, возможно недалеко от того места, где сейчас припаркована ваша машина. Некоторое время все трое сидели на передних сиденьях. И Тоби Сондерс попытался, как он сам это назвал, нагнать на нее страху и дал понять, что считает ее тем самым «шутником» из гимнастического зала. И как же, согласно показаниям, она восприняла это обвинение? Единственные ее слова были: «Доктор Сондерс, завтра утром вы кое о чем услышите». Верно?

— По крайней мере, так мне говорили, — ответил Марк.

— Тоби Сондерс признает, что она восприняла это плохо. По его словам, она расстроилась и поникла, выглядела убитой. Он говорит, что она была в таком состоянии, когда у человека могут появиться мысли о самоубийстве. Он даже испугался, что зашел слишком далеко. Это так?

— Да.

— Но мисс Кент, которую наедине расспрашивал ее отец, трактует все несколько иначе. По ее мнению, Роуз Лестрейндж была в ярости, но в тот момент не смогла вымолвить ни слова. И я полагаю, мы можем принять это более прозаичное объяснение.

— Я тоже так думаю.

— Итак, она в ярости! Она ошеломлена и не может вымолвить ни *слова.* «Доктор Сондерс, завтра утром вы кое о чем услышите». Если оценить эти ее слова с другой точки зрения, то как они звучат?

— По-моему, — сказал после паузы Марк, — они звучат как угроза.

— Да. Согласен. И это подводит нас к следующему вопросу. — Доктор Фелл пристально посмотрел на него. — Ваш друг Тоби Сондерс — честный человек?

Марк напрягся:

— Погодите-ка! Я не потерплю, чтобы вы намекали…

— Сэр, я не намекаю. Я имею в виду ровно то, что говорю. Он честный человек?

— Тоби, наверное, самый честный человек из всех, кого я знаю. Он не выносит жестокости и несправедливости; если что, он даже слишком раним. Да я же рассказывал Бренде сегодня вечером…

— Сэр, я в курсе. Я подслушал.

— И я помню случай, когда мы оба были студентами…

— Что за случай?

— Но это было давным-давно!

— Что за случай, прошу вас?

Два голоса сталкивались в душной комнате, где на спинке стула лежало платье Роуз Лестрейндж, а под ним — ее чулки и туфли.

Бренда, в своем облегающем белом платье с чуть расклешенной юбкой, с беспокойством поглядывала то на одного, то на другого, словно ожидая ссоры. Но ее, как и Марка, должно быть, успокоило выражение понимания и сочувствия на лице Гидеона Фелла.

— Ну же? — мягко подтолкнул доктор Фелл.

— На последнем курсе Тоби набросился на парня по имени Харбен и практически обвинил его в плагиате идей для диссертации. А потом не мог уснуть. В четыре часа утра пошел в Эдисон-холл, разбудил Харбена и извинился. Ему не нравился Харбен, он не считал, что обвинил его ошибочно, но чувствовал, что должен так поступить. Если охарактеризовать главное качество Тоби одним словом, этим словом будет *донкихотство*. Если вы сомневаетесь в его честности…

Стоявшая у двери Бренда вдруг прижала к сердцу левую руку.

— Сэр, я никогда не сомневался в его честности, — сказал доктор Фелл.

— Тогда что…

— Давайте вернемся, если позволите, к тому, что нам действительно известно по этому делу.

— Давайте.

— Пообещав доктору Сондерсу, что на следующее утро он о чем-то услышит, Роуз Лестрейндж вышла из машины. В половине двенадцатого — отметьте время — Тоби Сондерс и мисс Кент уехали. Мисс Лестрейндж осталась под уличным фонарем с книгой.

Доктор Фелл задумался, кончики его усов опустились.

— Здесь мы вступаем в область предположений. Но восстановить дальнейшие события не так уж сложно. Эта женщина, Роуз Лестрейндж, хитрая, злобная, жестокая, но всегда ведет себя как леди. Даже когда ее обвиняют в нелепых выходках в спортзале, она сохраняет хладнокровие и улыбается. Она разворачивается. Идет по дорожке к этому дому. И вот с этого момента начинается то, что меня пугает. Вот почему я сказал, что будут новые неприятности, возможно даже сегодня. Перед тем как я встретил вас двоих на Хьюит-стрит, Сэм Кент рассказал мне все, что знает. Сэм, при всей своей мудрости, человек наивный. Как и вы. И если я не смогу это предотвратить, вас всех

ждет ловушка.

— Ловушка? — повторил Марк. — И кто же ее поставит?

— Полиция, — сказал доктор Фелл.

Возникшая вдруг пауза затянулась.

— Но это невозможно! — воскликнул наконец Марк.

— Дорогой сэр, — сочувственно вздохнул доктор Фелл, — неужели вы думаете, что полиция так легко поверила в самоубийство этой женщины?

— Почему бы и нет?

— На то есть три главные причины. Во-первых, взгляните сюда!

Прислонив обе трости к стене между окнами, доктор Фелл подошел к правому из них. Шпингалет на раме, слегка тронутый ржавчиной, поддавался с трудом, но все же уступил. Доктор Фелл поднял раму, а затем проделал то же самое со вторым окном. Теперь на обоих окнах остались только противомоскитные сетки, закрепленные внизу маленькими крючками.

— Видите? — спросил доктор Фелл. — В наше время, в отличие от времен Уилки Коллинза, люди не спят в спальнях с закрытыми и запертыми окнами. Особенно в душную июльскую ночь. Само наличие этих сеток указывает на

то, — он провел ногтем по одной из них, — что окна обычно держали открытыми. Вы, в Америке, настолько привыкли к сеткам, что даже не замечаете их. В Англии их вообще нет, поэтому я всегда их замечаю. Понимаете?

— Да.

— Разве стала бы женщина, задумавшая покончить с жизнью, перед этим закрывать и запирать окна? Это мой первый пункт. А вот второй. Разве она оставила бы входную дверь распахнутой? Да, учитывая ее душевное состояние, можно допустить, что она сделала что-то одно, но не два же противоположных действия одновременно. Это вы тоже понимаете?

— Да. Я… об этом я не подумал!

— И наконец, взгляните на туалетный столик. Нет, умоляю вас, не ругайтесь. Просто посмотрите на столик и на стульчик с зеленым сиденьем перед ним.

— И что не так?

— Где бы еще в этой комнате ни была убита Роуз Лестрейндж, это определенно произошло не у туалетного столика.

Марк взглянул на трюмо. В центральном зеркале и в двух боковых отражалось бледное лицо Бренды.

— Позвольте мне это доказать? — предложил доктор Фелл. — Миссис Рутвен! Я не стану пытать вас на дыбе или пугать бессмысленными страшилками. Но не взглянете ли вы в центральное зеркало?

— Да?

— Представьте, что вы собираетесь покончить с собой. Одним ударом вы должны вонзить в сердце узкий обоюдоострый кинжал с украшенной перламутром серебряной рукоятью. Смелее! Некоторые женщины решались на это! Вопрос в другом — смогли бы вы сесть за этот столик и видеть свою смерть в зеркале?

— Нет! О боже, нет!

— Почему?

— Это ужасно! Я не смогла бы даже подумать об этом! Нет, наблюдать за этим в зеркале было бы выше моих сил.

— Сделать это не смогла бы ни одна женщина. — Доктор Фелл повысил голос. — Насколько мне известно, в статистике самоубийств такого еще не случалось. Отвернитесь, миссис Рутвен. Простите меня и отвернитесь. — Он помолчал и продолжил со всей серьезностью: — И последнее испытание. Нет, миссис Рутвен, вас это не касается. Если ваш муж сядет на стул перед туалетным

столиком, мы попробуем кое-что продемонстрировать.

Отражение Бренды исчезло из зеркала. Марк сидел перед столиком, упираясь коленями в консоль, на которой, вокруг пудреницы, стояли баночки с кремом, флаконы духов и прочие туалетные принадлежности.

— Удар, ставший для нее смертельным, действительно напоминал удар самоубийцы, — продолжал доктор Фелл. — Кто-то, стоявший у нее за спиной, нанес удар сверху через правое плечо в левую грудь. Она не ожидала нападения, не успела защититься или даже двинуться в сторону. Если мы посмотрим, как именно…

В зеркалах мелькнула черная тень — сверху вниз.

Марк инстинктивно вскинул правую руку и вскочил. Колено ударилось о консоль, стеклянные флаконы зазвенели, отражения в зеркалах дрогнули. Два пузырька опрокинулись.

Марк выпрямился, стул упал на ковер.

— Теперь понятно. — Колено болело, но в голове прояснилось. — Она сидела, но не здесь. Человека нельзя застать врасплох, когда он сидит перед тремя зеркалами.

— Верно. — Раскрасневшийся от предприня-

того усилия, отдуваясь и хрипя, доктор Фелл пробормотал извинения.

— Знаете, — с горечью сказал Марк, — я всегда считал себя довольно умным человеком. Беру свои слова назад. Моя глупость просто…

— Нет, — решительно оборвал его доктор Фелл.

— И все равно да. Я не заметил очевидного.

— Сэр, просто вы привыкли иметь дело с преступлениями в книгах. Как и Сэм Кент. Как, впрочем, и убийца — иначе он не упустил бы из виду запертые в июле окна.

— И полиция с самого начала поняла, что это убийство? Но ведь лейтенант Хендерсон сказал…

— А! В том-то и дело. «Лейтенант Хендерсон сказал…» Когда Сэм Кент передал мне, что именно сказал лейтенант, эти старые глаза выскочили на лоб, как будто меня огрели мешком по голове. Он с совершенно серьезным лицом спросил Сэма, не заколола ли себя Роуз Лестрейндж перед зеркалом, цитата: «Как иногда делают женщины-самоубийцы». Ну надо же! Вы слышали, как он это сказал?

— Сам не слышал, но мне передавали.

— Ну так вот! Женщины-самоубийцы так не поступают, и это знает любой мало-мальски опытный полицейский. Лейтенант сказал это

умышленно, подозревая Сэма в болтливости. Ему оставалось только подождать, пока тот расскажет все, что знает, сам.

— Тогда почему он ничего не предпринял?

— Потому что он не понимал и до сих пор не понимает — хотя они проделали хорошую работу, — как эта спальня оказалась заперта изнутри! Лейтенант никого не может арестовать. Но он наверняка что-то предпримет, и вот этого я боюсь.

Марк оглянулся через плечо.

Дверь спальни была открыта, и ключ торчал в замке с внутренней стороны — полицейские осмотрели его и вернули на место.

Бренда отступила в холл и наблюдала за ним оттуда. Марк шагнул к двери, и колено пронзила резкая боль, но сейчас ему было не до нее. Он повернул ключ, для чего пришлось приложить некоторое усилие.

Вытащив ключ, Марк внимательно его осмотрел. Головка, стержень и бородка были покрыты легкой ржавчиной, след на которой остался бы даже от нитки, не говоря уже о каком-то инструменте, с помощью которого его попытались бы повернуть снаружи.

Нет, никаких манипуляций с ключом не было. Марк вставил его обратно в замок.

— Так как это было сделано?

— Не знаю. — Доктор Фелл поднялся со стула. — Пока я готов подождать тех записей, о которых вы говорили. Сейчас это даже не важно — лишь бы полиция не узнала раньше нас.

Бренда прикусила нижнюю губу. В ее глазах читались любовь, сочувствие и глубокая тревога. Когда Марк вышел в холл, она бросилась к нему, и он крепко обнял ее за талию.

— Марк, пожалуйста, не терзайся так! Знаю, звучит глупо, особенно от меня, ведь я вечно переживаю, но мне больно видеть тебя таким. — Она посмотрела ему в глаза, а потом повернулась к Феллу. — Если полиция ничего не может доказать, что они сделают?

— Дорогая моя, именно это меня и тревожит. Это не моя страна, и я не слишком хорошо знаю ваши законы.

— Но…

— Они могут затянуть следствие. Могут не спешить с опросом свидетелей, как вы уже заметили. Могут устроить ловушку и ждать, пока кто-нибудь допустит оплошность и угодит в нее. Но мы ждать не можем.

— Тогда что нам делать?

— Архонты афинские! Наш единственный путь,

как я уже пытался объяснить, — защититься правдой: выяснить, что именно произошло в этой спальне, когда здесь была убита Роуз Лестрейндж. Это не так сложно, повторяю, если вы с мужем поможете мне.

Марк почувствовал, как напряглась Бренда.

— Я? — недоуменно спросила она. — Но чем я могу помочь? Меня же не было рядом с ней, когда она умерла.

— Возможно, вы были ближе, чем думаете, — ответил доктор Фелл. — Входите, миссис Рутвен. Давайте восстановим последний час ее земной жизни.

Глава четырнадцатая

— Ее последний…

Бренда выпалила эти слова, но тут же замолчала, когда Марк слегка толкнул ее в бок. Они вместе направились к доктору Феллу, который стоял посреди комнаты, опираясь на обе свои трости.

Взгляд Бренды скользнул к теперь уже не зашторенным окнам. Легкий ветерок, проникая через сетки, разносил запахи косметики и ароматических солей для ванны.

Доктор Фелл наблюдал за ней.

Словно желая составить собственное мнение, Бренда посмотрела на перекинутое через спинку стула желтое платье. Потом взглянула на туалетный столик и остановилась на репродукции картины Антуана Вирца. Написанная светлыми, телесного оттенка, красками молодая женщина, оглядывающаяся через правое плечо на старую каргу, провожающую ее на шабаш, резко выделялась на темном, мрачном фоне.

— Нет! — сказал доктор Фелл.

— Нет? — Бренда вздрогнула и отвела взгляд. — Что вы имеете в виду?

— Не то, о чем вы думаете. Сэм Кент совершенно искренне сказал Тоби Сондерсу, что не понимает характера покойной. А между тем…

— А между тем, — вставил Марк, — что мы реконструируем?

— Как я уже сказал, в половине двенадцатого Роуз Лестрейндж стоит под уличным фонарем с книгой в руках. Потом она идет по дорожке, заходит в бунгало, предположительно, закрывает дверь и входит в эту комнату.

Набалдашником трости доктор Фелл указал на дверь.

— Насколько нам известно, — продолжил он, — она никого не ждет. Но ее переполняют чувства: да, гнев, но еще и радостное предвкушение завтрашнего торжества, когда она разоблачит человека, считающегося в этом сообществе образцом респектабельности и порядочности, и покажет его истинную сущность.

Поддерживая Бренду правой рукой, Марк, словно пытаясь отразить удар, выставил левую.

— Думаю, вам стоит объяснить, — сказал он.

Доктор Фелл, по-видимому придерживающийся своего плана, коротко отмахнулся.

— Прошу прощения, сэр. Всему свое время. Но успокойтесь, ни вам, ни вашей жене ничто не

угрожает — даю слово! Тем не менее разрешите мне продолжить…

Бренда выдохнула.

— Итак? — подтолкнул Фелла Марк.

— Я полагаю, что в эту комнату она вошла в гораздо лучшем расположении духа, уже рисуя себе приятные перспективы. Судя по тому, что вы увидели здесь, эта женщина аккуратная, опрятная и любящая порядок.

Он указал на стул с платьем, поясом и чулками.

— Она раздевается и, как всегда, аккуратно складывает вещи. Надевает белый хлопковый халат с красным узором и завязывает пояс с левой стороны. Надевает тапочки, подшитые флисом. Вы видели ее мертвой на следующее утро — согласны, что все так?

Куда бы Марк ни посмотрел, ему везде мерещилось тройное зеркало туалетного столика и опрокинутый стул.

— На ней был халат, да. Тапочек я не видел, но, наверно, и не мог увидеть. Ее придвинули вплотную к трюмо, а ноги были далеко под ним. Но, как вы сказали, убили ее не там. Удар — сверху вниз, через ее правое плечо — нанес кто-то, стоявший у нее за спиной. Если она не была у трюмо, то где

же тогда?

Доктор Фелл сделал большие глаза и вытянул руку.

— Разве вы не видите сами?

Выдвинутое на несколько футов из угла, мягкое зеленое кресло как будто заняло передний план.

Слева от кресла стоял торшер с абажуром из граненого стекла янтарного цвета, и свет от него падал на книгу в потемневшем от времени лиловом переплете, лежащую обложкой вверх на маленьком столике.

— Стоп! — сказал доктор Фелл.

Марк и Бренда, последняя вцепившись в рукав мужа, обернулись.

— Я говорю «стоп», — объяснил доктор Фелл, — чтобы воображение не завело вас слишком далеко. Итак, Роуз Лестрейндж неспешно раздевается. Надевает белый халат и мягкие тапочки. И садится в кресло полистать «Армадейл». Она успевает прочитать всего две-три страницы, когда раздается стук в дверь. Роуз не ждет гостей. Но это не так уж важно. Время, по моим представлениям, примерно без четверти двенадцать, и она в приподнятом настроении выбегает из комнаты и открывает входную дверь…

— Кому? — нетерпеливо спросил Марк.

— Убийце.

— Она подозревает этого человека?

— Как убийцу? Нет! Кто-то пришел сюда убить ее. Но она не думает об этом. Она искренне презирает того, кто перед ней, и мысль о насилии вызвала бы у нее только смех.

— Доктор Фелл! — произнес Марк внезапно осипшим голосом. — Если вы утверждаете, что все так и было, я не стану спорить. Но можете ли вы это доказать? Вы уверен в этом?

— Уверен? Архонты афинские! Разве я, как и любой человек, могу быть уверен хотя бы в одном шаге логики или проблеске озарения в этом бескрайнем космосе? Нет, не могу. Но я полагаю, что дело было так! И думаю, вы сами увидите истину, если разгадаете загадку, которая не дает вам покоя. Зачем кому-то — предположительно, убийце — понадобилось забирать экземпляр «Армадейла» и подменять его «Женщиной в белом»?

— Это я как раз и хочу узнать. Зачем?

— Подумайте! Если бы вы не обнаружили подмену рано утром в воскресенье, пока происшествие еще было свежо в памяти, разве могли бы вы потом быть уверены, что сами не отдали ей другую книгу по ошибке?

— Нет, пожалуй, нет.

— Даже если из «Армадейла» были аккуратно вырваны несколько страниц в начале?

— Возможно, и тогда бы не догадался! Не знаю!

— Прекрасно. Теперь вернемся к мисс Лестрейндж и ее посетителю в без четверти двенадцать. Она вовсе не напугана — она в восторге. Она может играть, как кошка с мышью, с тем, кого считает своей жертвой. Она приглашает гостя сюда. Снова садится с книгой в руках. Демонстративно делает вид, что читает, насмехаясь над гостем. Лучшего момента не придумать! Любой невинный вопрос — «Что читаешь?» или «Интересно?» — позволяет убийце незаметно встать за ее креслом. Хозяйка бросает взгляд на книгу — и удар нанесен. Пятна крови на ее халате яркие — артериальная кровь. Тонкое лезвие и рукоятка быстро закупоривают рану, из которой едва успел брызнуть короткий фонтанчик. Но что, скорее всего, случилось с книгой?

Марк кивнул.

— Кровь, — пробормотал он.

— Верно! — воскликнул доктор Фелл. — И что из этого следует?

Марк снова кивнул.

В его воображении возникла ясная картина: тело женщины выгнулось вперед под ударом

кинжала — рот открыт, но беззвучен. Книга выскользнула из пальцев и упала, захлопнувшись, на ковер. Марк словно со стороны услышал собственный голос:

— То, что едва не погубило убийцу в самом начале.

— Именно! Едва не погубило! Почему?

— Потому что это должно было выглядеть как самоубийство. Он не мог унести книгу и уничтожить ее — она слишком необычная, кто-то бы запомнил. Но и оставить ее здесь, с испачканными кровью или загадочно вырванными страницами, тоже нельзя. Пришлось рискнуть и подменить — я бы и сам подумал, что дал Роуз не ту книгу.

— Вот именно! — отрезал доктор Фелл.

— Мы, конечно, говорим об убийце «он». Но ведь это могла быть…

— О, еще как могла, — проворчал доктор Фелл, бросая на него странный, беспокойный взгляд. — Должен признать, между нами, что это могла быть и женщина.

— Когда это произошло? Время убийства?

— Архонты афинские! Думаю, около половины первого, даже раньше. Но ни я, ни даже полицейский врач точно сказать не можем. Почему вы

спрашиваете?

— Потому что кинжала здесь не было. Он лежал в гостиной, через холл. Убийце пришлось за ним сходить.

Впечатление было такое, будто доктор Фелл, обремененный другими заботами, пока еще не смог уделить такому *пустяку* частичку своего внимания. Из-под растрепанных волос на лоб выкатилась капля пота.

— Неужели это так важно? Любой предлог позволил бы убийце незаметно выйти в гостиную. Любой! Мисс Лестрейндж могла даже сама предложить… — Он осекся.

Бренда отпрянула от Марка. Она не побежала, даже не отошла далеко. Но на мгновение показалось, что ей не хватает воздуха.

— Она сделала это! Она! Я слышала ее!

Выкрикнув эти слова, Бренда отступила к кровати и уставилась в окно, будто видела что-то за ним. Казалось, что человек с таким цветом лица, как у доктора Фелла, не может побледнеть, но в эту минуту кровь отлила от его щек.

— Кто сделал это, миссис Рутвен?

Бренда медленно повернула голову:

— О боже, я не знаю, кто совершил убийство! Нет! Но я слышала ее голос.

— Чей голос?

— Этой женщины! Роуз Лестрейндж… Я была там, на дорожке, в двадцати футах отсюда — я же говорила вам и Марку! Я подъехала, вышла из машины, но не могла зайти внутрь. Тем более когда услышала голос этой потаскушки, — она кричала кому-то что-то и смеялась. Но я даже подумать не могла… даже вообразить…

Марк сделал шаг к жене, но, вспомнив о благоразумии и собрав волю в кулак, остался на месте.

— Миссис Рутвен! — мягко заговорил доктор Фелл. — Вы слышали, как мисс Лестрейндж разговаривала с кем-то в этой комнате?

— Да!

— Значит, окна были открыты?

— Не знаю! Не заметила! Должно быть, да — иначе я бы не услышала.

— Шторы были задернуты?

— Да! Да! Я ничего не видела, это я точно помню.

— Что именно вы слышали?

Пальцы Бренды с покрытыми бесцветным лаком ногтями впились в высокие скулы. Корсаж ее шелкового платья вздымался часто и неровно.

— «Свет мой, пожалуйста, принеси мне закладку со стола» — вот что я услышала. Только

это прозвучало громче и как будто сквозь смех. Именно это я слышала. «Пожалуйста, принеси мне закладку со стола».

Слова прозвучали и замерли в воздухе, как эхо, прилетевшее из другой ночи, из-за сдвинутых штор.

— Миссис Рутвен, здесь нет стола. Может быть, она имела в виду письменный чиппендейловский секретер в гостиной?

— Не знаю! Я об этом не думала!

— А другой человек что-то сказал?

— Нет! Ни слова. Я…

Ночь за окном была так тиха, несмотря на стрекот сверчков, что громыханье машины на Харли-лейн прозвучало для Бренды ударом грома. Столь характерный звук издавал только старый «шевроле» доктора Кента — к расшатанному двигателю добавился наполовину оторвавшийся бампер, починить который доктор постоянно забывал.

— Вы уже назвали время, миссис Рутвен. Часы на доме Основателя как раз пробили полночь?

— Да! Именно тогда. Это…

Пальцы Бренды сползли со щек к шее. Лязгнув всем, чем только возможно, автомобиль остановился. Бренда бросила на Марка взгляд, полный

муки и мольбы, от которого у него сжалось сердце, и, не сказав ни слова, выбежала в холл.

— Бренда! — На этот раз он рванулся за ней.

— Нет! — рявкнул доктор Фелл.

Бренда метнулась к передней двери, и Марк замедлил шаг.

— Нет! — повторил Фелл. — Минуту назад вы были благоразумны. Вот таким и оставайтесь. Дайте ей хотя бы час побыть одной — иначе разрушите мир, который едва установился.

Бренда уже бежала по песчаной дорожке к их машине. Глядя ей вслед, Марк, понял: совет верен. Ее взгляд — любовь, смешанная с необъяснимым стыдом, от которого она бежала, — говорил сам за себя: жди.

К тому же было уже поздно. «Шевроле» умчался в сторону Колледж-авеню. Марк, выскочив на порог, едва не столкнулся с доктором Кентом.

— Э-э… что-то случилось? — спросил Кент.

— Нет. Ничего.

— Вот как. — Кент с любопытством посмотрел на него; темно-карие глаза выделялись на удивительно моложавом лице. — Я только что из дома, — добавил он, хотя его никто об этом не спрашивал. — Но перед выходом позвонил миссис Уокер.

— И?..

— Джудит, по словам врача, в состоянии отвечать на вопросы, но все еще не может — или не хочет! — сказать, что испугало ее в библиотеке. Если что-то не так, то…

— Все в порядке!

Марк взглянул через дорогу. Лишь теперь, в полной темноте, он заметил, что в длинном, приземистом доме Джудит Уокер — где в XVIII веке располагалась таверна и где студенты, случалось, дрались на шпагах — свет горит почти во всех окнах.

Доктор Кент, явно озабоченный чем-то, быстро прошел мимо. Марк последовал за ним. Но в спальне оба остановились, увидев лицо доктора Фелла.

— Говорите, вы только что из дома? — резко спросил он. — Это далеко отсюда?

— Извините?

— Ваш дом, как далеко? — с необычной настойчивостью повторил Фелл. — В полумиле вверх по Колледж-авеню?

— Нет-нет. Вся авеню — полмили. Мой дом в сотне ярдов от поворота на Харли-лейн. Дом Марка — в пятидесяти ярдах ниже.

— Вы хотите сказать, — доктор Фелл вскинул

голову, — что берете машину, чтобы проехать пару сотен ярдов?

— Иногда — да, особенно если едешь по делам. Мы здесь так привыкли. Дорогой Фелл, неужели это хоть сколь-нибудь важно?

— Сэр, я не знаю!

— А я знаю, — отрезал доктор Кент, по какой-то причине вернувшийся к той грубовато-напористой манере, которую продемонстрировал в воскресенье утром. — Вижу, здесь что-то взорвалось. Интересно. Вы ведь им рассказали?

— Рассказал что?

— Правду о Роуз Лестрейндж. Что она совсем не та, за кого ее принимали.

— Нет, — ответил доктор Фелл. Тяжело переваливаясь, он подошел к левому окну, встал спиной к комнате и уставился в темноту. — Нет, я ничего им не рассказал.

И тут терпение Марка Рутвена лопнуло.

— Послушайте! — выпалил он. — О чем вы, черт побери, говорите? Какие-то загадочные намеки на то, что кто-то ее не понимает? О ней как только не говорили — и воспитанная, и с хорошими манерами. А Джудит Уокер и вовсе сказала, что она была «умна, хитра и невероятно жестока». Разве это все не про нее? Разве это не правда?

— О нет, — ответил Сэмюэл Кент. — Все это чистая правда.

— Тогда в чем загадка? Чего мы не понимаем? Злоба и жестокость — отвратительные качества. Насчет всего остального я читать мораль не стану. Сколько бы любовников у нее ни было, меня это не шокирует.

С обоими докторами случилась вдруг странная перемена: и тот и другой замерли, словно чего-то ожидая. Фелл продолжал смотреть в окно и даже не обернулся.

Наконец Сэмюэл Кент сдвинул к переносице черные брови, достал из нагрудного кармана очки в роговой оправе и, прежде чем их надеть, обратился к коллеге с ноткой легкого раздражения:

— Дорогой Марк, люди нашей профессии, включая дам, уже не способны чему-либо по-настоящему удивляться. Мы слишком много читаем. И все-таки вы еще не до конца понимаете! Что касается любовников мисс Лестрейндж…

— Да?

— Их не было, — четко и ясно заявил доктор Кент. — Ни одного.

— Вы спятили или я?

— Надеюсь, никто.

— Послушайте! Тоби Сондерс называл ее помешанной на сексе. Даже Джудит Уокер, хоть и утверждала, что она холодна как рыба, знала, что у нее их не перечесть!

— Нет, Марк. Помешанная на сексе? Это Тоби так сказал? — Похоже, последнее ему не понравилось. — Позвольте сразу прояснить: мисс Лестрейндж не испытывала ни малейшего интереса к сексу — ни в каком виде и ни в какой форме. Это ясно?

— Нет, не ясно! Мы все думали…

— В том-то и дело. Но ее это вообще не касалось. Она лишь делала вид. Непьющий может посмеиваться над слухами, что он алкоголик, и даже поощрять такие слухи, если это помогает в игре. Интересы этой леди лежали в сфере исключительно интеллектуальной и исключительно порочной. И я могу это доказать.

— Доказать? Такое невозможно доказать!

— Уверены, Марк? А вот я думаю, что смогу.

В голосе доктора Кента прозвучала отточенная ирония, суровый рот тронула кривая усмешка.

— Создать репутацию легко. Люди готовы поверить, что любой мужчина — пьяница, а любая женщина… ну, вы понимаете. Меня, например, считают рассеянным профессором — такое со

мной бывает, — и эта репутация, случалось, играла порой мне на руку. — Доктор Кент склонил голову набок и иронически прищурился. — Простак Саймон на самом деле не так уж прост. Мой старый друг Гидеон Фелл, с которым мы знакомы еще со времен Баллиола, теперь считает, что я по недоразумению ввел полицию в заблуждение и вызвал у них подозрения. Успокойтесь. Мне не пришлось вводить их в заблуждение по тому единственному вопросу, который их интересовал. Могла ли полиция, проводя расследование, найти в прошлой жизни этой леди какую-то ненормальность, какое-то отклонение? Нет, не могла. И не нашла. Она была трижды помолвлена — и сама разрывала помолвки, потому что не хотела обременять себя мужем. В последний раз говорю: не беспокойтесь из-за полиции. Вчера их практически убедила запертая комната. А сегодняшние результаты вскрытия поставили точку.

— Вскрытия?! — почти закричал Марк.

— Да. Оно подтверждает мои слова.

— Но разве есть сомнения в причине смерти?

— Нет, с этим все ясно. Но у вскрытия могут быть и другие цели, помимо определения причины смерти. В самом деле, Марк. Если не верите — позвоните доктору Бересфорду, коронеру округа

Александрия. Сейчас уже можно считать практически доказанным, что у Роуз Лестрейндж за всю жизнь не было ни одного любовника.

Доктор Кент нахмурился и, слегка повысив голос, произнес:

— Видите ли, ее интересовал только шантаж.

Глава пятнадцатая

Роуз Лестрейндж много смеялась при жизни.

После смерти ее смех звучал бы еще злораднее.

— Шантаж? — переспросил Марк, лихорадочно пытаясь ухватиться за то, что, как ему казалось, он знал и в чем был уверен. — Но ведь Роуз была богатой наследницей. У нее не было служанки, она сама вела хозяйство. Разве ей не хватало денег?

— У нее их было больше, чем нужно.

— Тогда зачем?

— Она шантажировала не ради денег. Шантаж может быть и ради удовольствия. Позвольте показать, в чем, боюсь, вы были слепы.

Самым странным во всем этом, как отметил про себя Марк, было то, что доктор Гидеон Фелл не проронил ни слова.

Он как будто отстранился от происходящего; его массивная фигура замерла, и в этой неподвижности — Марк готов был поклясться — ощущался едва ли не испуг. Он достал из бокового кармана пеструю коробку с сигарами — к этому времени изрядно опустевшую, — но так и не открыл ее.

— Слепец! — Доктор Фелл произнес это слово

тихо, так что оно прозвучало, как гул далекого поезда в тоннеле метро. К кому оно относилось? Возможно, к нему самому. Возможно, оно имело какое-то отношение к тем мыслям, что рождались в его голове, пока взгляд скользил по переулку.

Но это слово преследовало Марка, пока доктор Кент вел его через холл в гостиную, отделанную белыми деревянными панелями.

Дверь в гостиную была наполовину прикрыта. Если в спальне тусклый свет придавал всему мрачный, почти зловещий вид, то здесь яркий свет пробивался даже через замочную скважину — комната была полна серебра: канделябры, кофейный сервиз, чиппендейловская мебель.

— Жаль. — Сэмюэл Кент внезапно остановился посреди гостиной. — Да! Что бы ни думали об этой даме, жаль.

— Чего жаль?

— Она любила жизнь, но ненавидела людей. У нее было, я думаю, все, о чем может мечтать женщина. Красота, здоровье, ум, происхождение, деньги — все дары мира. Но я… я сидел за этим обеденным столом, и ее смех говорил мне о том, что она презирает человечество. Взгляните!

Он на мгновение снял очки в роговой оправе и указал ими на развешанные по стенам карикату-

ры в рамках. Известные личности, общественные деятели, люди чести и высоких целей изображались шутами, и от полного гротеска их спасал лишь комизм положения.

Доктор Кент был явно не в себе.

— Я не претендую на то, что полностью ее понимаю. — Он сделал широкий жест рукой. — Это мог бы сделать только Свифт, или Шопенгауэр, или кто-то другой, как и они, презирающий человечество. Но взгляните! Так она видела или хотела видеть мир.

— По-вашему, Роуз Лестрейндж поселилась здесь только для того, чтобы ради собственного удовольствия доказать, что наше почтенное, респектабельное сообщество вовсе таковым не является? — спросил Марк.

— Да. Именно это я и имею в виду.

— А ее «шантаж»? Он заключался в том, чтобы выуживать чужие секреты и изводить людей угрозами показать их всему миру?

— Да. Теперь вы понимаете? Помните, она говорила, что ей нравится, когда сталь остра?

Первое потрясение прошло, и знакомая картина начала меняться. Из прошлого донеслось эхо: намеки, замечания, голоса. Неясное обретало форму, отливалось в неоспоримые факты.

— Признаться, на меня такое впечатление произвели эти картины — рисунок Гойи и репродукция Вирца, что я думал о ней исключительно как об обольстительнице. Но конечно, колдовство…

— А! — произнес доктор Кент.

— …колдовство было лишь издевкой, горькой пародией на христианские обряды. Она выставляла напоказ эти картины ведьмовства с двойной целью. Они подчеркивали ее образ *femme fatale* в привычном смысле, одновременно высмеивая и жизнь, и веру.

— Возможно. Я не проводил столь глубокого анализа.

— Но мы обязаны это анализировать! Разве они не указывают на убийцу?

— Неужели? Сомневаюсь!

— Да, указывают! У Роуз Лестрейндж, возможно, и не было любовников. Но она поощряла мужчин к ухаживанию, как могут подтвердить все. Ее «шантаж ради удовольствия» мог дать ей власть над кем-то, кто потерял голову и зашел слишком далеко, столкнувшись с ее сопротивлением. Разве вы сами не это предполагаете?

Теперь опешил доктор Кент. В его глазах мелькнуло и тут же исчезло какое-то странное, едва

уловимое выражение.

— Дорогой Марк, я и не думал на это намекать!

— Тогда какими же секретами она могла владеть?

— Надеюсь, не секретами, а секретом. Секретом только кого-то одного из нас. На это я уповаю и об этом молюсь.

— Да, доктор Кент? И кто же это?

На мгновение в белой гостиной, безжалостно испачканной, как и спальня, серым порошком, наступила тишина. Больше всего порошка было на открытой крышке стоящего между окнами секретера.

— Я уже говорил, — ответил доктор Кент нерешительно, — что, помимо разоблачения истинной натуры мисс Лестрейндж, я уверен лишь в том, чего не знаю…

— Но в этом-то и проблема!

— Прошу прощения?

— Ваше разоблачение мало что прояснило. Оно лишь откупорило бутылку с целым роем джиннов-мотивов, которые можно приложить к кому угодно.

— Например?

— Хорошо! На память приходит молодой Фрэнк Чедвик. Когда я спросил его о Роуз возле аптеки

«Барнис» в Куинсхейвене, он воскликнул: «Эта!..» Выглядел как человек, чье самолюбие было жестоко уязвлено. Сталкиваясь с такими, как Чедвик, женщинам не стоит заходить слишком далеко.

Марк снова замолчал, на этот раз задумавшись.

— Хотя погодите, — добавил он, — это тоже не сработает! Чедвик вне подозрений. У него, как и у Бренды, алиби, крепкое как скала. Выходит, мы в еще худшем положении, чем прежде.

— Полно вам! Не все же так плохо? Разве Фелл не продвинулся в расследовании?

— Он восстановил картину убийства целиком, за исключением пустяковой детали: объяснения запертой комнаты. Он установил присутствие убийцы в спальне в полночь. Думаю, он догадывается, кто убийца, но я не могу поклясться...

— Фелл знает убийцу? — резко перебил его доктор Кент.

— Повторяю, не могу этого утверждать. И что полиция, они поверили нам или нет? Доктор Фелл...

В этот момент у полуоткрытой двери появился сам доктор Фелл.

Пока они разговаривали, снаружи доносились

разные звуки — скрип дверей, шарканье ног. Похоже, он осматривал и столовую, и кухню в глубине дома, а теперь замер на пороге гостиной, и затянувшаяся пауза лишь усилила напряжение.

Наконец Фелл распахнул дверь, толкнув ее тростью.

Протиснувшись боком в дверной проем, он вскинул голову и посмотрел на них поверх перекошенного пенсне. Взгляд его не сулил ничего хорошего.

Но Сэмюэл Кент тут же набросился на него.

— Это правда, Фелл? Не хочу давить на вас, — сухо произнес он, — даже в таком деле. Но Марк прав? Вы знаете, кто убийца?

— Нет! — рявкнул доктор Фелл и, стукнув железным наконечником трости по тонкому ковру, пристально посмотрел на Марка. — Среди множества вариантов есть два возможных преступника. Назови я сейчас хоть одно имя — вы тут же швырнете в меня канделябром. Более того! Прежде чем мы увидим истину, нужно, чтобы две части этого дела сложились воедино. Ваша реакция меня не удивляет. Кто меня удивляет, это вы, Сэм Кент! — Он уставился на доктора Кента. — Вы не хотите давить на меня? Благодарю покорно! Моя признательность безмерна и простирается

от глубин бездны до вершины неба. И особенно я благодарен вам за вашу готовность предоставить информацию.

— Фелл! Я сделал все, что мог! Когда я впервые позвонил вам в Нью-Йорк, то сказал…

— Вы много чего сказали. А теперь, во имя всего святого, выкладывайте наконец, что у вас на уме. Что, кроме самого убийства, важно для вас в этом деле?

Доктор Кент поджал губы.

— Тот, кого не слишком удачно прозвали шутником из гимнастического зала.

— Вот как?

— Да! Сама мисс Лестрейндж, разумеется, не была «шутником». Версия Тоби Сондерса изначально была абсурдна. Но мисс Лестрейндж узнала, кто на самом деле скрывался под этой маской. В погоне за чужими тайнами она раскрыла единственный по-настоящему страшный секрет, из-за чего ее и убили. Вы же не станете это отрицать?

Доктор Фелл не ответил.

— Я спрашиваю, можете ли вы это отрицать? — настаивал Сэмюэл Кент.

— Я…

— Кто этот шутник, я не знаю. — Доктор Кент

поправил очки. — И я не притворялся, будто знаю. Но вы только уведете расследование в сторону, если и дальше будете называть его шутником. Я с самого начала утверждал, что в гимнастическом зале имели место два покушения на убийство. Сначала кто-то пытался убить старого Джорджа Джонсона, а затем молодого Губерта Джонсона. Неужели кто-то до сих пор считает это шуткой? Мисс Лестрейндж убили, потому что она узнала правду. И разве вы, Фелл, уже забыли, что прошлым вечером кто-то швырнул сорокафунтовый гипсовый бюст в голову Джудит Уокер в библиотеке? Миссис Уокер сейчас у себя дома и до сих пор боится рассказать, что так напугало ее потом.

Доктор Кент сложил очки, убрал их в нагрудный карман и кивнул в сторону окон гостиной.

На этих окнах висели бордовые бархатные шторы. Впрочем, задергивали их, по-видимому, редко, вот и сейчас они были разведены. В душной, влажной ночи за открытыми окнами стрекотали кузнечики, а за дорогой виднелись освещенные окна дома Джудит. Оттуда не доносилось ни звука.

— Неужели мне действительно нужно все это объяснять? — раздраженно спросил доктор Кент,

когда ни Марк, ни доктор Фелл никак не отреагировали на его выступление. — Черт возьми, Фелл, я думал, вы согласны!

— Кхррум! Ха! Согласен? С чем?

— Со всем! Когда мы были в «Уголке Майка» и Марк вышел поговорить с молодым Чедвиком, вы, как мне показалось, согласились с моей точкой зрения. Вы сказали, что мисс Лестрейндж не была «шутником» в гимнастическом зале и сама бы, вероятно, пришла в ужас от такой мысли. Да, она не возражала, когда о ней сплетничали, и даже тайно проникала в лазарет с Фрэнсисом Чедвиком…

— Лазарет! — воскликнул, перебив его, Марк, и оба доктора повернулись к нему.

— Если то, что вы говорите о Роуз Лестрейндж, — правда, — сказал Марк, — это объясняет все в ее поведении, кроме тайных посещений лазарета.

— Не понимаю… — начал доктор Кент с раздражением, но Марк не дал ему продолжить.

— У нее не было любовников! Так?

— Да, так, — согласился доктор Кент.

— Чедвик часто бывал у нее, пытался добиться ее расположения и — в этом я не сомневаюсь! — пришел в ярость, когда она лишь посмеялась над ним, согласны?

— Извините, я сплетни не разношу! Но, вероятно, так оно и было.

— В таком случае зачем бы ей тайно проникать в лазарет — с Чедвиком или кем бы то ни было? Это же какая-то бессмыслица! Невероятно! Или вы думаете, Джудит Уокер все выдумала?

Сэмюэл Кент уставился на него:

— Вам это миссис Уокер рассказала?

— Да. Джудит сказала, что видела их, видела, как Роуз Лестрейндж открывала дверь лазарета ключом. Полагаете, она это придумала?

— К сожалению, Марк, я уверен, что нет. Черт возьми! Миссис Арнольд Хьюит, жена магистра, сама видела, как мисс Лестрейндж тем же способом проникала в лазарет с неким молодым человеком.

Марк хотел что-то сказать, но доктор Кент остановил его, подняв руку.

— И умоляю вас, — добавил он, — не спрашивайте меня, зачем ей это понадобилось! Я, пожалуй, кое-что понимаю в человеческой природе. Но я не детектив, в отличие от Гидеона Фелла. Однако осмелюсь сделать прогноз: раскройте причину этих тайных визитов в лазарет — и, возможно, вы раскроете всю правду.

Доктор Гидеон Фелл, все это время опиравший-

ся на две трости, тяжело выдохнул.

— Боже мой… — прошептал он.

Доктор Кент, словно оттого, что не мог поверить в то, что увидел и услышал, побледнел еще сильнее.

— Я знаю вас тридцать пять лет, — сказал он, — но никогда не видел вас в таком состоянии. В чем дело? По-вашему, я полностью не прав?

— Нет, нет, нет! — прогремел доктор Фелл. — Скорее вы, сами того не зная, можете быть чертовски правы.

Из-за дороги, из сырой ложбины, где по ночам поднимался туман, донесся женский крик.

Они услышали его отчетливо — все окна были открыты. Определить наверняка, откуда донесся крик, они не могли, но никто не сомневался: кричала Джудит Уокер, находящаяся у себя дома.

Марк повернулся и посмотрел в окно, за которым виднелась ведущая к фонарю песчаная дорожка. В самый первый момент ему недостало смелости взглянуть на дом Джудит, и его взгляд зацепился за «осьминожий» бук, под которым они с Джудит разговаривали в воскресенье утром.

И как раз в этот момент он успел заметить, как тень мужской головы метнулась в сторону и скрылась за деревом.

Кто-то наблюдал за бунгало. Возможно, этот кто-то следил и подслушивал уже довольно долго.

Марк даже не успел подумать, что бы это могло значить.

— Бегите к миссис Уокер! Быстрее! — обратился к нему доктор Фелл. — Я не думаю, что ей что-то угрожает, но разве мне можно верить? А пока…

Марк бросился к двери.

— А пока? — повторил у него за спиной Сэмюэл Кент.

— Ну, сэр, — прохрипел в ответ доктор Фелл, — я могу лишь надеяться, что секрет удастся извлечь из того чиппендейловского письменного столика, который стоит между окнами.

Больше Марк ничего не слышал, потому что уже мчался по песчаной дорожке. Вечер не принес ожидаемой прохлады. Марк остановился под фонарем. За деревом никого не было; мощеный переулок казался безлюдным, но ухо различило тихую ноту работающего двигателя.

Машина доктора Кента стояла слева от дорожки. Другая, скрывавшаяся до этого в темноте, подальше от фонаря, мягко тронулась с места и, набирая скорость, устремилась в направлении Куинсхейвена.

Это была полицейская машина.

Что могло означать ее присутствие здесь, об этом Марк задумываться не стал — его беспокоил отчаянный крик, долетевший с другой стороны дороги. До двери длинного, приземистого дома оставалось совсем немного.

Марк нажал на звонок. Внутри раздались переливчатые звуки, но никто не ответил. Он ждал, как ему показалось, несколько минут, хотя на самом деле прошло секунд тридцать, после чего позвонил еще раз — с тем же результатом.

Но кто-то же здесь должен быть!

Когда он заходил сюда ближе к вечеру, миссис Кент и Кэролайн еще не ушли. С Джудит оставались ее врач и медсестра, и сама она еще спала.

Марк отступил на шаг и осмотрел дом.

Позади дома был сад, и в темноте под деревьями мерцали, создавая призрачные узоры, жучки-светлячки. В комнатах, где горел свет, никто не потрудился задернуть шторы, и любой посторонний мог заглянуть в окна небольших, довольно мрачных комнат. Было слышно, как где-то в доме тикают часы.

Вспомнив о том, что произошло в библиотеке, и представив, что могло случиться здесь, Марк вернулся к двери и попробовал повернуть ручку.

Дверь была заперта. Прежде чем лезть через окно, он решил позвонить в последний раз.

В доме снова прозвучал переливчатый звонок, и почти сразу же дверь открыла сама Джудит Уокер.

— Привет, Марк! — весело сказала Джудит. — Рада тебя видеть! Заходи, пожалуйста!

И она отодвинула сетчатую дверь.

Он облегченно выдохнул. Всегда все происходит не так, как ожидаешь. Не ждешь неприятностей — и они обрушиваются на тебя. Боишься опасности или даже убийства — а вместо этого…

— Джудит! Ты в порядке?

— В порядке? Конечно в порядке! — Джудит громко рассмеялась. — И тебе не обязательно стоять там, правда? Заходи же.

— Я к тому… Ты не слышала, как я звонил?

— Боюсь, что услышала не сразу. Извини. Но я была наверху, в… в бывшем кабинете Дэна, и сначала не услышала.

— А это не ты кричала только что, минуту-две назад?

— Кричала? — повторила Джудит, и ее слегка хрипловатый смех прозвучал словно эхо дверного звонка. — Нет, я… не думаю. С чего бы мне кричать? Ты разве не зайдешь?

Джудит стояла на фоне тусклого, блеклого света, и ее рыжеватые волосы обрамляли голову, словно нимб. Она была в той же, что и утром, коричневой шелковой пижаме с белой отделкой и в мягких тапочках.

Все еще оставаясь под тенью ночного кошмара, Марк с опаской переступил порог. Едва ли не все события последнего времени были так или иначе связаны с тем, что люди неожиданно появлялись у двери или за окном.

Но комната, в которую он вошел, ничем не напоминала коттедж Роуз Лестрейндж с его тяжелой, душной атмосферой. О том, что когда-то здесь была таверна, напоминали каменный пол, огромный камин и низкий потолок с балками.

При этом пестрые лоскутные коврики и полки с книгами в ярких обложках оживляли старое дерево не хуже, чем вазы с красными гвоздиками на фоне пушистых белых космей. И конечно, здесь тикали часы — старинные напольные часы, которые он видел, наверно, пятьсот раз.

— Кричала? — произнесла вдруг Джудит, словно только теперь услышала обращенный к ней вопрос.

— Да. Кто-то кричал. Мы услышали. Ты ведь не одна здесь?

— Господи, конечно нет! Доктор Маракот настоял, чтобы мисс Хардинг осталась со мной.

— Медсестра? Где она?

— Доктор Маракот выписал лекарство, и она уехала за ним в Куинсхейвен. Хотя, по правде говоря, ей здесь вообще нечего делать.

Джудит выхватила из кармана пижамы сложенный листок.

— Уилки Коллинз! — сказала она. — Видишь, дорогой Марк, я пытаюсь разгадать загадку. Я должна это сделать, раз уж считаю себя умной, верно? Дэн бы так сказал. Ты ведь тоже так думаешь, да? Подойди сюда!

Джудит поманила его.

— Мотив очевиден, — продолжала она, пытаясь говорить скороговоркой, что получалось у нее плохо. — Я знаю, где она взяла ключ от лазарета, и знаю, где достала светящуюся краску. Но где, где она спрятала эту краску потом?

Джудит резко повернулась к нему в свете лампы. И Марк впервые увидел ее глаза.

Часть четвертая
Назойливый гость

Раскройся, замок, на стук мертвеца,
Засов, задвижка – все прочь,
Суставу не сдвинуться, нерву не дрогнуть,
Коль коснется мертвеца рука.

Р. Х. Барэм. Легенды Инголдсби

Глава шестнадцатая

«Тик-так», — размеренно отмеряли время большие часы.

— Не понимаешь? — негромко спросила Джудит. — Нельзя просто зайти в магазин и сказать: «Дайте мне светящуюся краску». Ее даже в магазинах для фокусников не купишь. Нужно писать в фирму в Огайо — кажется, в Колумбусе, — которая поставляет товары для фальшивых медиумов, и тогда они пришлют. Она безвредная, дешевая и выглядит как обычная белая краска. Так делал Дэн, когда мы устраивали рождественскую вечеринку.

Джудит быстро оглядела комнату.

— Ключ от лазарета взяли в конторе. Там хранят все запасные ключи. Никто и не заметит…

— Джудит! — перебил ее Марк.

— Никто и не заметит, если взять один ключ, сделать копию и вернуть оригинал на место.

— Джудит! Кто это сделал?

«Тик-так», — стучали часы.

— Роуз Лестрейндж, конечно. Она…

Ее глаза. Однажды, в Новой библиотеке, он уже видел, как зрачки ее голубых глаз сузились от яр-

кого света в темном зале. Сейчас они были такие же из-за какого-то седативного, которое дал ей врач и которое, похоже, было посильнее многих барбитуратов.

До недавнего момента Джудит двигалась, как во сне. Он не мог сказать, когда именно она очнулась и пришла в себя, когда в ее голове рассеялся наркотический туман.

— Марк! — выдохнула она уже почти нормальным голосом. Взгляд ее прояснился, исчезли тени под глазами — следы бессонницы. — Когда ты пришел? Хотя погоди! — Она поднесла ко лбу край ладони. — Да, конечно! Ты пришел и спросил меня о чем-то.

Даже сейчас она еще не полностью пришла в себя и балансировала между реальностью и сном. И это его пугало.

— Да! Ты спросил, кричала ли я. Теперь я вспомнила. Я действительно кричала, это правда. Кричала. Но не помню почему.

— Успокойся, Джудит! Может, тебе лучше прилечь?

— О нет! Я и так слишком много спала. Фил Маракот сказал, что мне полезно пройтись, это поможет проветрить голову от того, чем он меня напичкал. Но почему я кричала?

— Послушай меня! Если не хочешь ложиться, хотя бы сядь. Успокойся.

— Хорошо, — послушно пробормотала она и осторожно опустилась на край низкого дивана. В старой комнате с яркими красками и ароматом гвоздики и космеи тишину нарушал лишь ровный ход часов.

— Вон там! — Джудит указала на черную пасть камина.

Марк проследил за ее взглядом, и ему снова стало тревожно за Джудит.

— Этим летом будет ровно двести лет с тех пор, как это случилось. А началось перед этим камином. Перепалка на шпагах. Началась здесь, а закончилась во дворе под вывеской «Георг», когда тот парень получил удар в горло. Начальство колледжа вмешиваться не стало, власти тоже, потому что это была честная перепалка. Полиция! Тогда ведь не было полиции, верно? Сейчас такое невозможно, да? Перепалка в наше время?

— Нет, конечно невозможно. Но послушай, Джудит…

— Тогда почему я кричала? Не думаю, что это дом с привидением, как говорят некоторые. Почему же я кричала?

С человеком в здравом уме или полностью

безумным можно как-то договориться, но эти колебания между двумя состояниями выводили Марка из себя. Ему уже хотелось, чтобы медсестра вернулась как можно быстрее.

— То, что случилось двести лет назад, не имеет значения, — мягко сказал он. — И не важно, почему ты кричала. Важно только…

Он говорил и говорил, и Джудит, похоже, успокаивалась. В какой-то момент она кивнула и улыбнулась.

— Я знаю! Я уже в порядке. Как раз об этом я тебе и говорила, когда ты вошел. Важно разгадать тайну запертой комнаты.

— Нет! Это тоже не важно. Тебе нужно отдыхать!

— Ох, Марк, я отдохну столько, сколько нужно. Завтра я уезжаю к сестре и ее мужу в Ричмонд. А пока… разве ты не хочешь услышать? Разве не хочешь узнать, что я видела в библиотеке прошлой ночью?

«Тик-так». — Маятник отмерил паузу.

— Нет, Джудит, я не хочу этого знать.

— Как странно! Все остальные хотят.

— Я не хочу. Если ты начнешь вспоминать, тебе станет только хуже. Подожди, пока полностью не оправишься. Отдохни! Отдохни!

— И все же… я могла бы довериться тебе, зная, что ты никому не расскажешь. Я не должна, понимаешь? Не должна! Но тайна…

— Джудит, забудь о тайне!

— Нет, Марк. Не говори так. Вот, посмотри.

Она развернула смятый листок, который держала в руке, и протянула ему. Выражение ее глаз и лица полностью прояснилось.

Взглянув на листок, Марк сразу узнал аккуратный почерк ее покойного мужа, доктора Дэна Уокера. Он хорошо помнил, как рассказывал доктору Уокеру о сюжетном приеме, придуманном автором для своей книги. Но он забыл…

Заголовок на листке гласил: «Заметки Уилки Коллинза для его ненаписанного романа „Мертвец стучится в двери“, записано 14 декабря 1867 года».

— Джудит, где ты это взяла?

— В кабинете Дэна, среди его бумаг. По-моему, он говорил, что ты разрешил ему сделать копию, но я не была уверена, пока не нашла это. Это ведь копия, да?

Разумеется, это была копия. И Марк уже в сотый раз перечитал хорошо знакомые предложения, некоторые неполные, с неразборчивыми словами.

1. Как ни смотри, снаружи или изнутри, через окно — распознать невозможно.

2. Попробовать (три слова совершенно неразборчиво).

3. Надежный свидетель (Джордж Хэтэуэй?) утверждает, что слышал звук напильника, скребущего решетку в ночь убийства. Но на окнах комнаты нет решеток, да и во всем доме тоже. Важно: упомянуть по меньшей мере дважды.

4. Находят ли они напильник? Лишнее!

Вот и все, за исключением выверенной приписки внизу, сделанной аккуратным почерком покойного доктора Уокера.

Я привожу этот текст с разрешения моего друга Марка Рутвена. Оригинальные заметки были сделаны на форзаце книги из библиотеки Уилки Коллинза — экземпляра «Историй о привидениях и таинственных происшествиях» Шеридана Ле Фаню (Дублин, 1851), — который был продан с аукциона вместе с библиотекой и теперь находится во владении мистера Рутвена.

Часы отмеряли время, старые кости дома вспоминали былые буйства и расправы, а Марк читал приписку.

Джудит, в своей коричневой с белым пижаме, устроилась на краю дивана и смотрела на него

с таким видом, будто сейчас только это ее и интересовало.

— Марк, что означают эти записи?

— Не знаю.

— Что-то нужно сделать с напильником. Это понятно из четвертого пункта. И это как-то связано с окном, судя по первому. Но как, черт возьми, можно запечатать комнату с помощью напильника?

— Не знаю.

— Но ты же сказал…

— Надеюсь, ты не поняла меня неправильно, Джудит, как доктор Фелл. Когда я сказал, что знаю три четверти решения, я имел в виду факты, а не сам трюк.

— Доктор Фелл? — Джудит вскинула голову. — Ах да! Он, должно быть, уже приехал! Мне ничего не сказали. Он здесь?

— Да. Сейчас он в Красном коттедже, и, когда я уходил, он говорил что-то о письменном столе.

— Что он думает о записях?

— Их он еще не видел. Говорит, что с этим можно подождать.

— Но разве нет еще каких-то улик? Вчера вечером в библиотеке ты прочел мне письмо к Диккенсу. Но ведь есть еще два?

— Да, есть. Но они ничем не помогают. В них речь идет только о сюжете и персонажах, без упоминания комнаты; они совершенно не относятся к нашей конкретной проблеме.

Держа листок с записями в одной руке, Марк достал из внутреннего кармана машинописную копию первого письма и протянул оба листка Джудит.

— Здесь все, что у нас есть касательно этого треклятого романа, — на этих двух листах. Продвинуться дальше мы не можем.

— А нужно ли идти дальше? Если у тебя есть какая-то идея, как их интерпретировать или сопоставить…

— Скажу в последний раз: я не знаю. — Марк говорил медленно, стараясь сдержать раздражение и не сорваться. — Более того, сейчас мне уже все равно.

— Все равно? — Джудит медленно поднялась, ее нижняя губа дрожала. — Нет, правда, я в порядке, тебе не нужно меня успокаивать.

— Я и не успокаиваю. Я говорю правду.

— Но если ты…

— Посмотри на это! — Он потряс листками. — Больше года я ломал над ними голову. Думал, как говорил тебе вчера утром, что там будет что-то

совершенно новое, хитроумное, изощренное, со всеми подсказками. Я так думал только потому, что именно таким был «Лунный камень». Но есть ли у меня хоть одно реальное основание так считать?

— А разве нет?

— Нет! Все, что есть, — это мое воображение. Возможно, и ключей никаких нет, а объяснение — какое-нибудь надувательство.

Если бы он хотел шокировать ее, чтобы вернуть в нормальное состояние, то ничего лучшего бы не придумал.

— Марк, этого не может быть! Как так? Неужели никто не использовал этот трюк в реальной жизни?

— И это тоже лишь предположение. Я только и делал, что повторял это, как идиот, и, возможно, сбил всех с толку. Насколько я могу судить, — он поднял оба листка, — в этих записях нет ни одной подсказки. И мне уже надоело ее искать.

— Это правда, Марк?

— Правда?

— Ты именно поэтому хочешь отказаться от расследования? Или все дело в том, что теперь, когда вернулась Бренда — мне об этом сообщила мисс Хардинг, — ты думаешь только о ней?

Эта крепкая, обычно уверенная в себе женщина удивляла его так, как никогда не смогла бы удивить Бренда.

— Будь честен! — предупредила Джудит.

— Я честен! По крайней мере, стараюсь.

— Ну и?

— Отчасти ты права. Но главная причина не в этом. Сегодня вечером доктор Гидеон Фелл реконструировал сцену убийства и показал, насколько тупым и бестолковым может быть человек. И, черт возьми, этим человеком оказался я.

Джудит ударила кулачком по ладони.

— Марк, не говори так!

— Я говорю так, потому что это правда. Тот, кто запер комнату, совершенно запутал меня насчет причины, почему он подменил одну книгу другой. Если бы не случай, я бы, может быть, думал сейчас, что сам передал не ту книгу и…

Джудит снова ударила кулачком по ладони.

Как раз в этот момент Марк произносил «передал не ту книгу». Он не договорил, осекся и посмотрел на Джудит.

— Передал не ту книгу… — медленно и недоверчиво повторил Марк и замолчал.

Атмосфера в комнате изменилась, словно перед грозой, и это почувствовал бы любой посторон-

ний, если бы оказался здесь.

Марк выпрямился, и морщины словно прорезали щеки. Не говоря ни слова, он смотрел куда-то за плечо Джудит и, казалось, прислушивался к тиканью часов. Взгляд его переместился сначала на письмо в правой руке, затем на записи в левой.

— Так вот оно что!

Объяснять, что он имел в виду, не пришлось.

— Ты догадался? — воскликнула Джудит. — Ты понял, как заперли комнату?

— Да.

— И это?.. — Она взглянула на бумаги в его руке.

Марк не ответил. Он поднял голову, и его темные волосы блеснули в свете лампы.

— Это было там?

— Придумка Коллинза? Наверняка сказать нельзя. Но если это его трюк, то, клянусь этим и этим, — Марк поднял руки с бумагами, — наш друг с бакенбардами играл честно.

— Даже в письме к Диккенсу?

— Даже в письме к Диккенсу! С самого начала мертвец бродил у дома и стучал в окна и дверь, требуя, чтобы его впустили.

Даже в ночной тишине они не услышали, как по Харли-лейн, которая когда-то называлась Блю-

Руин-лейн, проехал автомобиль. Не услышали и мягких шагов человека, пересекшего открытое пространство, бывшее трактирным двором. Даже звонок в дверь, громкий и настойчивый, не привлек их внимания.

— Нравится ей это или нет, я должен задать несколько вопросов Бренде. Ради ее же безопасности и ее же блага. Я обязан это сделать. Настоять. Так нужно.

— Марк, — уже другим тоном обратилась к нему Джудит, — не делай этого.

Он встряхнулся, как будто только что услышал ее.

— Не делать чего, Джудит?

— Не копай глубже! Пожалуйста!

— Но ведь ты сама настаивала на продолжении расследования? Буквально только что ты требовала…

— Ох, не обращай внимания на мои слова! Ты не понимаешь, на что способна женщина, любая женщина, когда она увлечена мужчиной. Я не могу говорить то, что думаю, потому что получится грубо, но повторяю — не трогай ее. Пожалуйста!

Снова звякнул дверной звонок. В дверь настойчиво постучали.

Окна были открыты, и они отчетливо услыша-

ли голос мисс Дороти Хардинг, опытной медсестры, которую пригласил доктор Фил Маракот.

— Миссис Уокер! Если вы не против, миссис Уокер. Будьте добры, откройте дверь!

Дверь открыл Марк.

Мисс Хардинг — в белой форме, с завернутым пузырьком в руке — не стала высказывать то, о чем наверняка подумала, и ограничилась общими словами:

— Добрый вечер, профессор Рутвен. Боюсь, доктор Маракот будет очень огорчен, если вы расстроили миссис Уокер.

— Я тоже был бы огорчен, мисс Хардинг. Миссис Уокер… надеюсь, ей уже лучше?

— Мы надеемся, что ей станет лучше, если она сейчас же поднимется наверх. Спокойной ночи, профессор Рутвен.

— Марк! — вскричала Джудит.

— Миссис Уокер. — Тон медсестры не изменился.

— Марк, не делай этого! Пообещай мне!

— Я не могу этого обещать, Джудит. Ты же знаешь, что не могу.

— Ладно. Может быть, и так. Завтра днем я уезжаю в Ричмонд. Пообещай хотя бы позвонить мне туда, в дом моего шурина, после шести вечера?

— Миссис Уокер!

— И, ради всего святого, не звони из своего дома! Позвони отсюда! Здесь никого не будет, а ключ — под ковриком.

— Миссис Уокер, — повторила медсестра.

Бледная от ярости, Джудит повернулась к ней:

— Да помолчите же вы! Марк! Ты пообещаешь?

— Да, Джудит. Обещаю.

— Спокойной ночи, профессор Рутвен, — сказала мисс Хардинг.

Марк уже шагал по дорожке. Позади него, в комнатах за открытыми окнами, висела напряженная тишина, нарушаемая только мерным тиканьем напольных часов. На Харли-лейн Марк взглянул в сторону Красного коттеджа — и замер.

Машины доктора Сэмюэла Кента не было. Темное и безмолвное, бунгало выглядело заброшенным, как будто в нем давно уже никто не жил.

Часы на руке показывали десять минут двенадцатого, когда он вернулся домой.

В гостиной, в кресле под белым чехлом, напротив арки, ведущей в холл, Бренда закурила сигарету.

Жалюзи были опущены. Свет горел только в холле, и большая часть гостиной оставалась в тени, как и сама Бренда в белом платье. Но огонек спички на мгновение высветил ее лицо: напряженное и тревожное.

Огонек погас, и Бренда слегка наклонилась вперед и бросила сгоревшую спичку в пепельницу рядом с креслом.

— Доктор Фелл в гостевой комнате. — Ее голос прозвучал на неестественно высокой ноте.

— Лег спать?

— Да. Он… попросил извиниться перед тобой. Хотел посмотреть те заметки для ненаписанного детектива, так что я дала ему машинописную копию из шкафа в твоем кабинете. Ничего, да?

— Да. Конечно.

Он стоял под аркой, лицом к ее креслу, и его тень падала вперед, туда, где Бренда сидела в полумраке.

В правой руке он сжимал два листка бумаги — два набора ключей. Эти ключи открывали новые возможности, в связи с чем он должен был задать ей с полдюжины вопросов. Хотя нет, хватило бы трех или даже двух, чтобы развеять все недопонимания и успокоить ее… да и себя тоже.

Но что-то в атмосфере гостиной мешало пе-

рейти к делу. Марк посмотрел на бумаги, потом бросил взгляд на неясный силуэт Бренды. Огонек сигареты то вспыхивал, то тускнел.

— Дорогой, — ее голос едва уловимо дрожал, — тебя долго не было. Ты где-то задержался?

— У Джудит Уокер.

Бренда поднялась. Только теперь он увидел, что на ней не белое платье, а белый шелковый халат, туго перехваченный на талии.

— Я не против! — воскликнула она. Огонек в ее руке описал дугу. — Пойми, я ничего не имею против. Но разве ты не рад меня видеть?

Подыскивая слова, Бренда махнула рукой и в следующий момент раздавила сигарету о край пепельницы. Фонтанчик искр осыпался на пол.

— Мне казалось, ты был рад сегодня днем, — запинаясь, проговорила Бренда. — Ты сам сказал! Но если это не так...

— Не рад тебя видеть? Боже мой! Иди сюда!

Она бросилась к нему.

Марк смял бумаги в руке и швырнул их в полумрак. К черту вопросы, ответы и всю эту академическую чепуху! Только это имело значение — сейчас и всегда.

И он забыл о вопросах. А они еще доставят ему немало неприятных минут, прежде чем в деле об

убийстве Роуз Лестрейндж случится последний, самый зловещий поворот.

Глава семнадцатая

Последний, самый зловещий поворот в деле об убийстве Роуз Лестрейндж случился ближе к закату следующего дня. Марк Рутвен считал, что он готов ко всему. Даже к удару молнии.

Он тщательно продумал план и мог с полным правом сказать, что разгадал три четверти загадки. Теперь ему нужно было вытянуть всю правду из человека, которого следовало убедить признаться.

Но на самом деле он не был готов.

Под утро вторника, 20 июля, когда они с Брендой наконец уснули, начался дождь. В полусумраке, под монотонный шелест дождя, они не просыпались до самого полудня, пока миссис Партридж — в этот день ей помогала строгая с виду, но расторопная мисс Свит — не подала им завтрак.

Как всегда, утро началось с домашней неразберихи. Часть новостей супругам сообщили миссис Партридж и мисс Свит, остальные принесла молва — то сарафанное радио, которое разносит слухи быстрее, чем телефонные звонки, они,

кстати, не умолкали весь день.

Доктор Гидеон Фелл ушел в десять утра — прогуляться по территории колледжа и осмотреть местные достопримечательности в сопровождении доктора Кента, а потом встретиться с несколькими людьми.

Бренда пришла в ужас и принялась корить себя за недостаток гостеприимства, но Марк ее успокоил.

Оба чувствовали приближение неприятностей, но Марк, в отличие от Бренды, по крайней мере представлял, в чем они заключаются. Между тем, согласно поступившим неофициальным сообщениям, доктора Фелла угощали хересом и ланчем в величественном доме доктора Арнольда Хьюита в конце Колледж-авеню. Чуть позже, в начале второго, Марк застал Бренду у телефона с длинным списком имен в руке и поспешил вмешаться.

— Минутку. Что ты делаешь?

— Дорогой, нам просто необходимо устроить званый обед. Времени в обрез, мне следовало подумать об этом еще вчера, но…

— Не надо.

— Что не надо?

— Не надо ничего устраивать. По крайней мере,

не сегодня. Пусть обед будет только для нас троих — скажем, в семь.

— Марк, что происходит?

Ответить он не мог. Вскоре Бренда уехала за срочными покупками в Куинсхейвен — супруги простились так, словно она отправлялась на год в Европу, — а он не решился задать ей свои вопросы.

Бывают моменты, особенно в состоянии сильного эмоционального возбуждения, когда задавать вопросы нельзя. В такие моменты они могут причинить обиду, вызвать подозрение в недоверии и даже предательстве.

Кроме того, убеждал он себя, расхаживая по гостиной после четырех, вопросы и не нужны. По крайней мере, адресовать их следует не Бренде. В том, что он задумал…

Посвятить в свой план он не мог даже доктора Фелла. Действовать придется в одиночку, и если вся затея провалится, то пусть пострадает только он сам.

В начале шестого дом как будто погрузился в непонятную, зловещую тишину. Марк, расхаживавший в задумчивости по комнате, остановился.

Шорох дождя прекратился. В хмуром, промок-

шем мире, где вода все еще журчала и капала с карнизов, тем не менее улавливался неясный намек на то, что солнце может еще выглянуть. В прихожей, когда Марк взял трубку, было душно.

Прежде чем набрать номер нужного ему человека, Марк сначала позвонил по другому номеру. Ответ на заданный им вопрос должен был стать чем-то вроде предзнаменования. Как он и ожидал, ответ свелся к одному короткому слову — «да».

Не теряя времени, Марк набрал номер, который и хотел набрать с самого начала.

— Ты не мог бы встретиться со мной, — спросил он после обычного обмена приветствиями, — сегодня в восемь вечера?

Он прислушался к интонации ответа. Знакомый голос прозвучал теперь странно и неестественно, ведь Марк знал, что сделал этот человек.

— Зачем?

— Боюсь, что по телефону сказать не могу. Это слишком важно. Но если я пообещаю объяснить, как был устроен трюк с запертой комнатой, ты придешь?

— Где встретимся?

Марк уже собирался назвать бунгало. Было бы логично встретиться там, в компании призрака

мертвой женщины. Но затем он вспомнил о полиции — невидимой, но вездесущей, постоянно кружащей вокруг дома по какой-то непостижимой причине.

И тут ему пришло в голову, что ведь есть место получше.

— У меня нельзя, — объяснил Марк, — потому что Бренда будет рядом. По понятным причинам нельзя и у тебя дома. Встретимся в доме Джудит Уокер… Нет, нет! Она уехала сегодня и не вернется еще несколько дней. И нет, никакого незаконного вторжения — Джудит оставила ключ.

— Ты уверен, что ее нет? Она точно уехала?

— Она уехала. — Марк почувствовал, как участился пульс. К горлу подступил ком. — Ключ под ковриком, и мне нужно позвонить ей после шести. Ты придешь?

— И ты объяснишь мне, как заперли комнату?

— Да!

— В восемь.

— В восемь! — ответил Марк и положил трубку.

Разговаривая, он краем уха услышал, как закрылась входная дверь. Доктор Фелл уже вошел и теперь стоял перед ним, весь в каплях дождя — на черном костюме из альпаки, на густых волосах

и даже на усах.

— Сэр, что вы собираетесь сделать? — Голос Фелла прозвучал глухо, как рокот далекого грома.

Марк положил трубку.

— Я мог бы задать вам тот же вопрос.

— Я пытаюсь, как и с самого начала, предотвратить бессмысленную и ужасную трагедию.

— Полагаете, есть опасность еще одной трагедии?

— Есть, причем большая.

Сжав кулаки, Марк направился в гостиную.

— Если коротко, — продолжил, отдуваясь, доктор Фелл, — я разговаривал — совершенно неформально, смею вас уверить — со всеми, кто замешан в этом деле. Например, перекинулся парой слов с миссис Уокер перед тем, как она, по-видимому, укатила в Ричмонд…

— По-видимому? — повторил Марк.

— Разве я так сказал? Должно быть, потому что, подобно покойному Генри Джеймсу, мы обставляем каждое утверждение оговорками из опасения придать ему большее, чем есть, значение.

— А нет ли другой причины? — спросил Марк. — Вчера вы отправили меня к Джудит Уокер, когда мы услышали ее крик. Я до сих пор не знаю, что с ней было. Но вы потом даже не спросили, в

чем дело.

— В этом не было нужды, — ответил доктор Фелл. — Я уже знал.

— Доктор Кент тоже знал?

Оба намеренно говорили, не договаривая, и сами прекрасно это понимали. Они фехтовали словами, атакуя и защищаясь, пытаясь выяснить, что знает другой.

Доктор Фелл изучающе посмотрел на Марка, и в этом взгляде стороннего наблюдателя было что-то зловещее.

— Интересно, поймет ли мое поколение ваше? Или ваше — мое? Архонты афинские! — Он надул щеки. — Я задаюсь этим пустяковым вопросом, сэр, потому что сегодня утром провел пару часов в доме Сэма Кента. Я видел его жену, дочь, сына, даже собаку…

— И?

— И могу заметить, — продолжил доктор Фелл, — что мы сидели не в его библиотеке, как я ожидал, а в *мастерской*, как он это называет, — сухом и просторном подвале, месте, предназначенном для благородного искусства бить баклуши и считать ворон, а не заниматься чем-то полезным и скучным. Вы ведь видели эту мастерскую?

— Много раз.

— Тогда вы наверняка знаете, что мусора там столько, словно его собрали с трех свалок и «Тысячи и одной ночи»?

— Да, а еще там целая коллекция напильников разного размера.

Доктор Фелл стоял у кофейного столика перед белым диванчиком в оконной нише. Достав из кармана сигару с пестрой этикеткой, он резким движением — так, что колыхнулись его многочисленные подбородки — сорвал целлофановую обертку.

— А! — воскликнул он. — Вижу, вы уделили время изучению заметок Уильяма Уилки Коллинза и его письма Чарльзу Диккенсу.

— А вы разве нет?

— Да, разрази меня гром! И замечу, что доступ к коллекции острых стальных напильников есть у кого угодно. Повторяю, у кого угодно.

— Согласен, — сказал Марк.

Обмен ударами фигуральных рапир участился.

— Я упомянул сей факт, — добавил доктор Фелл, — не для того, чтобы привлечь ваше внимание к какому-либо предмету на этой свалке. Нет, я лишь хотел подчеркнуть ту печальную истину, что никогда, слышите, никогда одно поколение

не поймет другое. Взять хотя бы вашего друга Тоби Сондерса!

— Тоби? А что такое?

— Доктор Сондерс застал нас с Сэмом, когда мы, ведя философские беседы, копались в горке хлама. Он присоединился и откопал пару револьверов.

— Револьверов?! — удивленно воскликнул Марк.

Доктор Фелл помахал сигарой.

— Нет-нет! Не поймите превратно! Это всего лишь старые «уэбли» — британские армейские револьверы, напоминание о тех давних временах, когда Сэм воевал в Первой мировой в звании субалтерна. Знал ли Тоби Сондерс, что Сэм вообще участвовал в той войне, не говоря уж о полученных им Военном кресте третьей степени и ордене «За выдающиеся заслуги»? Нет. В первую секунду он даже испугался и немного запаниковал.

— Испугался, говорите?

— Да. Наверное, побоялся, что Сэм в приступе рассеянности приставит ствол к собственной голове или перестреляет всю семью. Вот вам пример непонимания человека, который всего на двадцать лет старше! Закончилось тем, что он унес оружие, прихватив и коробки с патронами,

которые лежали там нетронутыми с тысяча девятьсот семнадцатого года.

— Вы к чему клоните, доктор Фелл?

— По его мнению, Сэму Кенту нельзя доверять огнестрельное оружие. Пусть так! Но можно ли доверять оружие самому Тоби Сондерсу, человеку, скажем так, весьма впечатлительному?

Марк рассмеялся, хотя получилось не очень весело.

— Вы правы, — заметил он, — говоря, что ваше поколение не понимает нашего. Особенно Тоби Сондерса.

— Сэр, будьте добры ответить на мой вопрос.

— Тогда отвечаю: да, Тоби можно доверять. Если речь идет об огнестрельном оружии, то он любое разберет и соберет с закрытыми глазами. Из «Кольта–38» он с десяти ярдов попадет в дайм, а с двадцати — в квотер.

Доктор Фелл щелкнул серебряной зажигалкой, которую взял со столика, раскурил сигару и выпустил густое облако дыма.

— Будем надеяться, — заметил он, — что до этого не дойдет.

— До чего?

— До стрельбы. Дам еще один намек. Обратите внимание на доктора Арнольда Хьюита, маги-

стра Куинс-колледжа. Сегодня, во время ланча с ним, я сделал несколько любопытных открытий. Позволю себе напомнить, что в этом деле много загадок. Как была заперта комната? Почему тело перенесли из кресла к туалетному столику? Как соединить воедино две стороны преступления? И все эти загадки вращаются вокруг центрального персонажа — убийцы. И одного страшного вопроса — кто же заколол Роуз Лестрейндж?

Доктор Фелл глубоко затянулся и выпустил дым.

— Неужели мне приходится указывать вам на общеизвестные факты, что Земля круглая, а королева Анна мертва?

— Что-то вроде того, да.

— Но это необходимо. А теперь, доктор Хьюит…

— Уж не хотите ли вы сказать, что это он убил ее? — перебил Марк.

— Вовсе не обязательно, — ответил доктор Фелл. — Но какую роль он играет в этом деле? Ни случайностей, ни совпадений в этом деле нет. И наконец, есть еще один человек, чье участие в деле вы до сих пор не оценили в полной мере.

— И кто же это?

— Фрэнк Чедвик.

Неслышно, но не на цыпочках, Бренда скользнула под арку и встала у стены, прислонившись к ней спиной.

Должно быть, она вернулась с покупками, поставила машину в гараж и вошла через черный ход. В синем платье, сдержанная, избегая встречаться с Марком глазами и в то же время ища этой встречи, Бренда слушала и ждала.

Доктор Фелл ее не заметил.

— Сегодня, как я слышал, — продолжал он, корча ужасную гримасу, — Чедвик снова был в Куинсхейвене. Архонты афинские! Зачем? И, если уж на то пошло, зачем он был там вчера?

— Хотел бы я знать, — честно признался Марк.

— Вчера, когда мы были в «Уголке Майка», он пригласил вас поговорить. Позже вы рассказали мне, о чем шла речь. Он сообщил вам почти все, что я надеялся услышать, кроме причины своего приезда в Куинсхейвен. Но то, что он сказал, черт возьми, следует иметь в виду!

— Осторожно! — предупредил Марк, думая в первую очередь о Бренде. — Признаться, мне хотелось бы проучить этого молодого человека. Но он не дурак и слишком дорожит своей шкурой, чтобы вести себя неосмотрительно. А значит, он никогда не осмелился бы лгать насчет своего

алиби в ночь убийства.

— А зачем бы ему лгать?

— Что?

— Зачем ему лгать? — повторил доктор Фелл. — Ну же, сэр! Подумайте! Точное время убийства…

И тут он заметил Бренду.

— Мэм… — виновато пробормотал он, смиряя ворчливый клекот, — я несносный зануда.

— Вовсе нет, — заверила его Бренда. — Я хотела лишь сказать, что обед будет в семь, если вас это устраивает.

— Миссис Рутвен, — помолчав, снова заговорил доктор Фелл, — моя телесная форма такова, что я не могу быть скелетом на пиру. Тем не менее, если вы примете мои извинения, мне придется стать таковым после обеда. Разрази меня гром! Вспомнил! У меня назначена встреча в восемь. И я уже вызвал такси.

— Такси? Зачем? Машина здесь, Марк может отвезти вас куда угодно!

— В том-то и дело, — вмешался Марк, — что не могу. У меня тоже встреча в восемь. Доктор Фелл, куда вы направляетесь?

— В Александрию. А вы?

— Всего лишь к Джудит Уокер. Мне нужно… кое с кем встретиться.

Заметив тень на лице Бренды, Марк тут же поспешил по мере возможности объясниться.

— Нет, не с Джудит! Ее нет в городе. Бренда, пожалуйста, не задавай пока вопросов! То, что я делаю, я делаю прежде всего ради тебя.

— Я и не собиралась спрашивать. И больше не буду, если ты не хочешь! Но обед, похоже, будет не очень веселым, да?

Так и вышло. Больше, чем поесть и выпить, доктор Фелл любил поговорить. Но в этот вечер от правила пришлось отступить. Бросая на Марка беспокойные взгляды, он не преуспел ни в одном из этих занятий — как, впрочем, и хозяин.

Не улучшило настроения и присутствие прислуживающей за столом мисс Свит. Прекрасная кухарка, она имела досадную привычку напевать в кухне мрачные гимны. И даже самый что ни на есть торжественный звучал в ее исполнении так, что кровь стыла в жилах. Сонмы спасенных, устремляющихся к свету небесных вершин, ее мягкое, свирепое сопрано превращало в толпу бегущих стремглав в обратном направлении.

Миссис Партридж, обычно спокойно исполняющая свои обязанности, то и дело роняла посуду. Бренда была на грани слез. И когда желтое такси, расплескивая лужи, посигналило у дома, все

восприняли это почти с облегчением.

— Сэр, — торжественно произнес доктор Фелл, поднимаясь из-за стола, — я не раскрываю пункт своего назначения. Поэтому не смею давать вам советы или даже спрашивать о ваших планах. Но если вы собираетесь сделать то, о чем я думаю…

— Да?

— Тогда будьте осторожны. Умоляю вас, будьте осторожны!

— Да что с вами такое? — не выдержал Марк, бросив быстрый взгляд на Бренду. — Сколько раз мне повторять? Никакой опасности нет и в помине.

— Для вас — нет. — Доктор Фелл отшвырнул салфетку. — Но кое для кого — о, это совсем другое дело! И возможно, мы увидимся раньше, чем вы предполагаете.

Такси снова посигналило. Из кухни, перекрывая звон убираемых в шкафы кастрюль и сковородок, донесся жутковатый напев: «Встань, христианин, и сокруши их». Таким было положение вещей, когда Марк, провожаемый взглядом Бренды из окна, отбыл вскоре после доктора Фелла.

Марк пришел рано. Но у него было и еще одно дело. На Харли-лейн, пройдя мимо дома Уокеров, он направился прямиком к бунгало.

Если возле коттеджа кто-то и скрывался, Марк его не заметил. Передняя дверь, как и прежде, была не заперта. Впервые он оказался здесь один, но надолго не задержался. Зайдя в спальню, он нашел то, что искал, сунул в карман и поспешно вышел.

Дождь давно прекратился, но от промокшей травы и промокших деревьев поднималось влажное тепло, отчего кожа вскоре покрылась липкой испариной. Даже темный асфальт на дороге еще не высох. На западе, частично скрываясь за бунгало, разгорался розоватый закат. Марк двинулся дальше, к дому Джудит Уокер.

Перед домом он остановился.

На дороге уже стояла машина. Слишком хорошо ему знакомая.

Он видел ее, когда проходил мимо этого дома по пути к бунгало. Человек, которому он назначил встречу, явно опередил его.

Более того, он знал о привычке Джудит Уокер оставлять ключ от парадной двери под ковриком.

В машине никого не было, как не было никого и в палисаднике, разбитом на месте двора таверны. Тот, с кем он пришел встретиться, должно быть, ждал его в доме.

Стоя рядом с припаркованной машиной, Марк обдумывал, что и как ему сказать. Перебирая в уме вступительные фразы, он скользнул взглядом по ветровому стеклу. То, что лежало на переднем сиденье, заставило его быстро обойти машину и открыть дверцу. Он поднял два тяжелых предмета, осмотрел каждый и положил на место.

— Вот так! — громко произнес Марк и хлопнул дверцей. Ему вдруг вспомнились предостережения доктора Фелла, хотя он и сейчас не мог и не хотел в них верить.

Широкая кирпичная дорожка, обсаженная с обеих сторон яркими садовыми цветами, вела к передней двери длинного, приземистого дома из темного кирпича. Он медленно прошел по ней все шестьдесят ярдов, миновав то место, где в давние времена стояла вывеска с названием таверны — «Георг», которую снесли еще до Революции.

Уезжая, Джудит, видимо, забыла закрыть окна. Снова, как и прошлой ночью, остановившись перед домом, он услышал тиканье напольных часов внутри.

Коврик был сдвинут в сторону, ключа не было. На мгновение Марку показалось, что он уловил движение занавески в маленьком окне наверху. Но, должно быть, это ему только показалось.

Он не стал звонить — повернул ручку, вошел в полутемный холл и замер, будто перед ним был не друг, а враг. Стул скрипнул — кто-то поднялся.

— Привет, Тоби, — сказал Марк.

Тоби Сондерс, чье лицо он едва различал в полумраке, встал.

— Ну так что?! — придушенным голосом спросил Тоби. — Что за тайна? В чем там фокус-покус? Что ты хотел мне сказать?

— Нет! — Марк покачал головой. — Это ты должен мне сказать.

— Я?

— Да. Я знаю, что ты взял те револьверы «уэбли» из дома Сэма Кента. — Марк выдержал паузу. — Но почему они сейчас на переднем сиденье твоей машины? И почему они оба заряжены?

Глава восемнадцатая

— Ты вызвал меня сюда только затем, чтобы спросить про эти револьверы?

— Зачем ты зарядил их, Тоби?

— Черт, откуда мне знать? По привычке, наверное.

— И это все?

— Да! Слушай! — Тоби тяжело и резко выдохнул. — Я взял их у старика сегодня утром. Принес домой, почистил. Они в неплохом состоянии, учитывая, что почти тридцать лет не использовались. Вот и все. Конец. Больше ничего не знаю. Ты меня понял?

Он говорил так искренне, что Марк, по крайней мере в этом пункте, сомневаться больше не мог.

За открытым дверным проемом виднелась розовая полоска закатного света, пересекающая пестрые коврики на каменном полу. Открытые окна были зашторены, так что отсвет заходящего солнца оставался единственным источником освещения.

Слабеющие лучи тянулись к низким столикам с вазами красных гвоздик и белых космей. Рядом с одним столиком стоял, расправив плечи, Тоби.

Руки, которыми он активно жестикулировал, оставались на виду, а вот лицо скрывалось в тени.

— Забудь про револьверы! — сказал Тоби. — Что мы здесь делаем? Почему встречаемся в строжайшей тайне, в чужом доме, где нас никто не услышит?

— В этом-то и причина, Тоби.

— Что?

— Это между нами. То, что я собираюсь тебе сказать, никто услышать не должен. Хотя, по правде говоря, не представляю, как это можно скрыть. Доктор Фелл знает — это ясно из его слов, и, похоже, вся история неизбежно всплывет.

— Ты объяснишь, черт возьми, о чем вообще речь?

— Да. Если ты в свою очередь не откажешься ответить на несколько вопросов.

— Что за вопросы?

— Они касаются воскресного утра, около половины седьмого, когда мы обнаружили тело Роуз Лестрейндж.

У лестницы тикали напольные часы. Тоби подтянулся и засунул руки в карманы брюк. В розовом свете блеснула металлическая пряжка ремня.

— Я стоял у того бунгало, — продолжил Марк, — когда вы с доктором Кентом вышли из тумана. Потом ты сказал, что вы направлялись в Куинсхейвен за воскресными газетами. Довольно убедительно, хотя и чертовски рано. Но кто предложил сходить за газетами?

— Послушай, я же тебе говорил! Миссис Кент хотела, чтобы старик не мешал и не пытался сам приготовить завтрак. Она и предложила.

— О нет, не она.

Маятник часов качнулся дважды.

— Марк, ты называешь меня лжецом?

— Да. Приходится. Прежде чем позвонить тебе сегодня днем, я связался с миссис Кент и спросил ее. — Марк быстро поднял руку. — Подожди, Тоби! Не говори пока ничего! Мне бы следовало понять все еще в воскресенье вечером по тем словам Кэролайн, которые она невольно обронила в библиотеке в присутствии меня и Джудит.

Марк так и не опустил руку, а вот плечи у Тоби напряглись.

— Кэролайн просто жаловалась на чрезмерную опеку матери, вот и все. Между прочим она упомянула, что это ты утащил ее отца за газетами, а ее матери это не понравилось. Она даже не подозревала, что это важно. Так что пойти в

Куинсхейвен предложил ты, Тоби. Миссис Кент это подтвердила.

— Да зачем мне это было надо?

— Хочешь, скажу зачем?

— Давай!

— Тебе нужен был свидетель — доктор Кент. Он был нужен тебе, чтобы, проходя мимо коттеджа в половине седьмого, ты мог указать на входную дверь, которую нарочно оставил распахнутой. Чтобы ты мог привлечь его внимание, заявить, что что-то не так, и затащить доктора Кента в дом.

Тоби вынул руки из карманов и начал что-то говорить, но Марк перебил его.

— Подожди, Тоби! К несчастью, этот свидетель был ненадежным. Доктор Кент терпеть не может вторгаться в чужое личное пространство. Он мог бы просто отказаться входить в бунгало только лишь из-за распахнутой двери и включенного света. Вот почему тебе нужен был и я. Вот почему ты позвонил мне из дома доктора Кента незадолго до шести тридцати. Ты говорил измененным голосом, через платок на телефонной трубке.

Тоби махнул рукой:

— Марк, ты спятил!

— Нет! Ты будешь слушать?

— Я…

— Этим загадочным голосом ты пробормотал какие-то слова, которые должны были означать, что Роуз Лестрейндж покончила с собой. Как ты и рассчитывал, этого оказалось достаточно, чтобы выманить меня из дома и заставить прийти к бунгало. Я тогда толком не проснулся и плохо понял, что было сказано, поэтому тебе пришлось повторять снова и снова, что это самоубийство, самоубийство, самоубийство.

Марк шагнул к столу:

— Ты сделал все это потому, что тебе нужно было «обнаружить» тело. Тебе нужны были свидетели. Тебе нужно было, чтобы, когда комната будет открыта, там находились люди.

— Ты чертов идиот! — закричал Тоби. — Хочешь сказать, что я убил эту женщину?

— Нет!

— Тогда в чем дело? Что ты хочешь сказать?

— Думаешь, мне приятно это говорить? Думаешь, я не знаю, что ты только пытался мне помочь?

Влажный, душный воздух сгустился от аромата стоящих в вазах цветов.

Марк почувствовал, как капля пота скатилась по лбу.

— Послушай еще раз, Тоби! Вернись в ночь убийства! Примерно за час до того, как эту женщину закололи, ты открыто обвинил ее в том, что она — шутник из спортивного зала. Будешь отрицать?

— Нет! С чего бы? Роуз и была тем самым шутником.

— Нет-нет, это не так.

— Послушай, Марк…

— Это правда. Женщина, которую ты называешь нашей Роуз, была жестока, как кобра. Она обожала острую сталь — и умерла от нее. Но она не была шутником из гимнастического зала. В этом-то все и дело.

— Говорю тебе, ты сошел с ума. Она была…

— Да, ты так думал. Ты искренне в это верил. И что случилось после того, как ты вернулся к доктору Кенту в половине двенадцатого? Там был доктор Арнольд Хьюит. Он не давал тебе и доктору Кенту уснуть до часу ночи. В этом его роль. Из-за него ты остался ночевать у Кента. Но совесть не давала тебе покоя. Разве не так?

— Я остался там ночевать, да! Я так тебе и сказал!

— А что еще?

Тоби неожиданно отступил на шаг назад.

— Ты не мог уснуть, — сказал Марк. — Ты испугался, что перегнул палку с обвинениями в адрес Роуз. А вдруг она была в таком состоянии, что покончила с собой, и тогда вина ляжет на тебя?

И вот в три или четыре часа утра ты встал и оделся. Ты пешком вернулся в бунгало, чтобы попытаться все исправить. Но то, что ты там обнаружил, было куда хуже самоубийства, не так ли?

Ты нашел ее мертвой в кресле. На ней были только халат и тапочки; у ее ног лежала забрызганная кровью книга. То, что ты увидел, не могло быть самоубийством — только убийством. По какой-то причине, Тоби, ты считаешь, что обязан мне. Я не знаю почему, но ты так думаешь. Ты не мог допустить, чтобы это сочли убийством. Ты был готов защитить Бренду любой ценой. И ты подстроил все так, чтобы это выглядело как самоубийство. Прежде чем мы пойдем дальше, ответь мне! Разве не так все и было?

Тоби резко вдохнул.

— Да! — выдохнул он. — И более того, я бы сделал это снова. Хочешь верь, хочешь нет, но единственный человек, кого мне было тяжело обманывать, — это ты.

— И ты все устроил, да? Даже трюк Уилки Коллинза с запиранием комнаты?

— Что ты называешь трюком Уилки Коллинза? Год назад ты показал мне его заметки; не знаю, помнишь ты об этом или нет. Возможно, пару идей я и позаимствовал, но, вообще-то, трюк мой. И не волнуйся, Марк, полиция ни за что его не раскусит.

— Вот тут ты ошибаешься. Он слишком прост, если на него посмотреть под правильным углом. Если бы я так не растерялся, то, возможно, догадался бы сам в то воскресное утро.

— Марк, не обманывай себя! Ты первым вошел в бунгало после того, как убедился, что окна заперты изнутри. Ты опустился на колени и заглянул в замочную скважину. И ты увидел ключ в замке, так?

— Да, я увидел ключ.

— Ключ?

— Я так и сказал, Тоби.

— Ну и какая разница? К замку в спальне подходит один ключ. В замке поворачивается туго, следов механического воздействия нет. Это же все правда?

— Абсолютная правда до известной степени. Вот ключ!

Марк достал из кармана металлический предмет и бросил его на стол рядом с вазой. Ключ

звякнул. Тронутый легким бесцветным налетом ржавчины, он блестел в льющемся через дверной проем розоватом свете.

— Это ключ от спальни. Я взял его из бунгало совсем недавно. Взгляни!

— Ну и? Что с ним?

— Как и у большинства ключей примерно тысяча девятьсот двадатого года, у него совершенно прямой стержень. Никаких выступов или утолщений. Головка такого же размера, что и бородка. Иначе, следуя твоим указаниям, я бы не смог использовать карандаш с ластиком на конце, чтобы вытолкнуть его из замка. Помнишь, Тони, всей операцией руководил ты? Ты встал на колени перед запертой дверью и подсунул под нее еженедельник. Я вытолкнул ключ, он упал на бумагу, а ты вытащил ее, прикрывая рукой. И что ты сделал потом?

— Я передал ключ тебе!

— А что ты сделал до этого? Ты поднял ключ, который я видел в замке, выпрямился, вдохнул и ударил правым кулаком по ладони левой руки — вот так!

Марк ударил кулаком по ладони и на мгновение замер, прежде чем опустить руки.

— И только тогда, только тогда ты передал мне

ключ и сказал: «Открывай». Вот в чем была хитрость, Тоби. Вот где произошла подмена. Ключ, который ты мне дал, был настоящим — вот он сейчас лежит на столе. Но это не тот ключ, который я видел в замке.

Марк помолчал.

— Короче говоря, Тоби, — сказал он, — в замке был поддельный, спиленный ключ.

— Но так быть не могло! Другой не подошел бы, и ты бы заметил подделку, когда проталкивал его!

— Напротив. Подошел бы почти любой ключ примерно такого же размера — если его правильно подготовить. Давай покажу, как ты это сделал.

Марк поднял ключ со стола, поднес его к свету и провел большим пальцем вдоль стержня от головки до бородки, закрыв ее подушечкой пальца.

— Допустим, у тебя был запасной ключ! Например, ключ от гостиной в бунгало. Он пропал; прошлым вечером я видел свет, пробивающийся сквозь пустую замочную скважину, когда включили лампу. У тебя также был доступ к напильникам в мастерской доктора Кента. Работы на целый час, так что тебе пришлось попотеть,

но сталь побеждает железо. Все, что требовалось, — это перепилить стержень ключа прямо у бородки. Бородка отваливается. Остается головка ключа со стержнем. Дальше еще проще. Ты выходишь, закрываешь дверь, запираешь ее снаружи настоящим ключом. Через замочную скважину ты вставляешь поддельный и оставляешь его там. Если кто-то посмотрит в замочную скважину снаружи, он увидит головку и решит, что в замочной скважине настоящий ключ. Как ни смотри, снаружи или изнутри, через окно — распознать невозможно. Конечно, невозможно — с обеих сторон он выглядит как настоящий. В некоем письме, написанном более восьмидесяти лет назад, четко сказано, что окна заперты изнутри, но не говорится о том, что дверь тоже была заперта изнутри.

Марк снова замолчал и бросил ключ на стол.

— Вот так, Тоби, ты все и провернул. Настоящий ключ был у тебя в левой руке, когда ты подтянул поддельный под дверью. Правой рукой ты скрывал отсутствие бородки. А потом поменял ключи — вот и все. Теперь признаешь?

— Нет! — Голос Тоби прозвучал так странно, что Марк вздрогнул.

— Но остальное ты признаешь?

— Нет!

— Тоби, я не пытаюсь втянуть тебя в неприятности — наоборот, я пытаюсь тебя вытащить! Полиция знает, что это убийство.

— Полиция, говоришь? Ну надо же!

— Да. Они знали с самого начала. Мы выяснили все, кроме одного — имени настоящего убийцы…

— Но его же мы не знаем, правда? — Тоби говорил каким-то загадочным тоном. — Нет, черт возьми! Мы такие умные, но этого не знаем!

— Тоби, что с тобой?

И тогда голос Тоби хлестнул его, как пощечина.

— Ты дурак, — сказал Тоби.

Он метнулся за стол и за вазу с цветами. И лишь теперь Марк увидел его лицо в розовом свете.

— Ты дурак! — повторил Тоби. — Ты что, хочешь, чтобы твою жену арестовали за убийство? Бренда убила нашу Роуз, и тебе лучше узнать это сейчас.

Бывают удары столь неожиданные, что после них остается только пустота. Не сразу, но Марк все же оправился после ментального нокаута.

— Ты снова с этой чушью?

— Снова? Да мы и не заканчивали.

— Тоби, ты спятил?

— Ого! Где-то я это уже слышал! Послушай, Марк, что ты вообще знаешь об этом деле? Тебя полиция допрашивала?

— Нет, даже вопросов не задавала.

— Ну, меня-то они допросили по полной. Итак, всезнайка, во сколько, по-твоему, убили Роуз?

— По словам доктора Фелла, около половины первого или даже раньше. Но намного раньше быть не могло — медики говорят, что предельный срок — половина первого.

— Ну надо же! — взревел Тоби, но тут же взял себя в руки. — Это «официальная» версия. Но установить точное время невозможно, и ни один эксперт называть его не станет. Полиция считает, что Роуз убили в полночь или в самом начале первого. Где была Бренда в полночь?

— Она была…

— Где была Бренда в полночь?!

Марк кое-как справился с предательской дрожью в ногах и с усилием сглотнул.

— Она была возле бунгало. Но в двадцати футах от него остановилась, а потом повернула назад и уехала. Ближе она и на шаг не подошла!

— Это она тебе так сказала?

— Тоби, ты…

— Отвечай! Так она тебе сказала?

— Да! И это правда!

Тоби сунул руку в карман и медленно достал что-то свернутое, похожее на красную мерную ленту. Один конец выскочил, и лента развернулась. Тоби бросил ее на стол, туда, где лежал ключ.

— Да, — сказал он, не повышая голоса. — Это красный пояс от платья, которое Бренда надела в ночь убийства. Я не был уверен, как она его потеряла, пока не поговорил с Джудит Уокер в воскресенье утром. Но Бренда тоже водит машину.

Худощавое, бледное лицо Тоби выражало сочувствие.

— Делай выводы сам, Марк. Я нашел этот пояс в бунгало, в два часа ночи, на полу прямо у спальни, где Роуз закололи сразу после полуночи.

Марк не ответил.

Он посмотрел на пояс на столе. Потом — на Тоби, который сначала замялся, а потом выпалил:

— Ты довольно точно реконструировал мои действия. Я действительно нашел Роуз мертвой — а как иначе! Было два часа, не три и не четыре, но не в этом суть. Ее убили в кресле, когда она читала. Я перенес тело к туалетному столику, где ее никто не мог убить, кроме нее самой. Хо-

чешь знать, что еще я сделал?

— Хватит, Тоби! Прекрати!

— Почему? Ты же хотел это услышать!

— Да, но…

— Я сжал ее пальцы вокруг рукояти кинжала. — Тоби сглотнул. — Трупное окоченение уже началось, и пальцы застыли в этом положении. Потом я помчался обратно к Сэму Кенту за напильником, сточил бородку на ключе от гостиной и вставил поддельный ключ в замок спальни. Уже в начале пятого я наконец пробрался в твой дом и подменил «Армадейл» на «Женщину в белом». Я ли все это сделал? Да, я. А что еще мне оставалось? — Тоби нервно потянул воротник рубашки. — Но признаваться в этом публично я не стану — спасибо. И тебе это тоже не надо. Можешь ли ты помочь Бренде? Придумай что-нибудь! Если они заподозрят ее — все кончено, как только раскроется тайна запертой комнаты.

Марк резко обернулся.

— Погоди! — бросил он, глядя в открытую дверь на кирпичную дорожку, ведущую к Харли-лейн. Садовые цветы по обе стороны от дорожки ловили последний дневной свет. Справа, на съезде к гаражу, разворачивалась полицейская машина. Человек за рулем сказал что-то другому, выходив-

шему из машины. Этим другим был не кто иной, как доктор Фелл.

Тоби поспешил к Марку, и они вместе наблюдали за тем, как доктор Фелл медленно бредет по дорожке к дому. Тем временем полицейский автомобиль повернул вправо на Харли-лейн и умчался в сторону Куинсхейвена.

Массивная фигура Фелла выглядела темным силуэтом на фоне заката, но выражение его лица прочитать было несложно. Возможно, оно предвещало гибель или катастрофу, но сомнение и тревогу — наверняка.

— Ну что ж, — объявил доктор Фелл, распахивая легкую сетчатую дверь. — Возможно, ваши догадки верны, джентльмены. В той машине был лейтенант Уолтер Хендерсон. Мы с ним… поговорили по душам.

Глава девятнадцатая

Марк и Тоби заговорили одновременно.

— Бренда… — начал Марк.

— Запертая комната… — сказал Тоби.

Оба осеклись. Доктор Фелл переступил порог, и сетчатая дверь с легким стуком захлопнулась у него за спиной. Близоруко моргая над стеклами съехавших очков, он посмотрел влево, протянул руку и щелкнул выключателем.

Мягкий свет трех ламп озарил комнату с глубоким камином и тикающими часами. Доктор мельком глянул на лестницу, будто ожидал увидеть там Джудит Уокер.

Напряжение росло, и его ощущал не только Марк, но, похоже, и Тоби. Между тем мрачный взгляд Фелла упал на стол, где лежали пояс от платья Бренды и ключ от спальни.

— А-а… — выдохнул он, поняв все без объяснений.

— Вы были в полиции? — спросил Марк.

— Ровным счетом наоборот, — ответил доктор Фелл любезным тоном, в котором слышался, однако, свирепый рык. — Полиция в лице лейтенанта Хендерсона сама явилась ко мне. Сегодня

днем я получил от него приглашение и провел некоторое время в его кабинете. Оказывается, о моих скромных успехах известно и здесь. За сигарой и несколькими банками пива я узнал кое-что новенькое. Ум и способности мистера Хендерсона я оценил еще до встречи с ним, теперь же мое мнение о нем укрепилось еще больше. Должен предупредить вас обоих: полиции известно почти все, что знаете вы. Мы приближаемся к развязке — к установлению личности настоящего убийцы.

— Но как они?.. — Марк хотел спросить, как они смогли узнать что-то о Бренде и как вообще сумели разгадать тайну запертой комнаты.

— Как они все узнали? — закончил за него доктор Фелл. — Мой дорогой сэр, то, о чем говорят в Куинс-колледже и на Лужайке, становится достоянием всего Куинсхейвена, и полиции остается только рассортировать информацию. К тому же в такую погоду окна и двери почти всегда открыты, и у полиции повсюду есть уши. Вы ведь помните вчерашний вечер?

— Тот человек под деревом у бунгало? Когда закричала Джудит Уокер и вы послали меня проверить?

— Совершенно верно, — подтвердил доктор

Фелл.

— Но я же ничего не узнал!

— А вот я кое-что выяснил. — Доктор Фелл надул щеки. — Пока вы были в этом доме прошлым вечером, в бунгало ко мне заглянул лейтенант Хендерсон.

— Вы же сказали, что встречались с ним сегодня.

— Да нет же! Я сказал, что сегодня получил от него приглашение. А вчера вечером он почтил своим посещением бунгало, когда мы спорили там с Сэмом Кентом. Лейтенант Хендерсон заглянул ненадолго и уговорил Сэма уйти, чтобы перекинуться со мной парой слов. Извинился за то, что один из его людей, дежуривший возле коттеджа, напугал миссис Уокер…

— Напугал Джудит? Как?

— Ох, мой дорогой сэр! — Доктор Фелл снова надул щеки и тяжело вздохнул. — Леди вскрикнула, вы помните? Она была под действием опиатов, да и бессонница сказалась. Выглянула из окна, — он указал на окно, — и увидела зловещую фигуру, притаившуюся за деревом у фонаря. Так что в ее реакции не было ничего удивительного.

— Может быть, но…

— Полагаю, миссис Уокер сейчас здесь нет?

— Нет, конечно! — заверил его Марк. — Только мы с Тоби. А кто еще здесь может быть?

— Мне просто стало интересно. Вот и все.

Марк и Тоби переглянулись.

— Вернемся, — продолжил доктор Фелл, — к краткому визиту мистера Хендерсона прошлой ночью. Я спросил, часто ли он применяет такие мягкие методы, как наблюдение за свидетелями, вместо того чтобы, образно выражаясь, поджаривать их. В его ответе на меня, человека, привыкшего к суровости английского закона, произвели впечатление два пункта. Во-первых, он сказал так: «В данном случае мы считаем, что так лучше». А потом добавил: «Мы верим в справедливость». — Справедливость, разрази меня гром! — Доктор Фелл даже побагровел. — Возможно, это было сказано для красного словца. И все же я поверил ему. Поэтому сегодня вечером, когда мы обсуждали личность убийцы…

— А кто убийца? — перебил его Тоби Сондерс. — У меня есть мнение на этот счет, но я пока не намерен его оглашать. Я просто спрашиваю вас.

— Сэр, вам не нужно ничего оглашать, — едва сдерживаясь, ответил доктор Фелл. — Если вы имеете в виду миссис Рутвен…

— Именно это Тоби и имеет в виду, — вмешал-

ся Марк, стараясь сохранять спокойствие. — Я уже говорил и повторю: такое предположение лишено здравого смысла, поэтому поверить в это невозможно. Я знаю Бренду. Я знаю, что ничего подобного она бы совершить не могла. Вот почему я спрашиваю без малейших колебаний: Бренда — виновна?

Доктор Фелл сердито стукнул наконечником трости по каменному полу.

— Нет! Я обещал вам, что с ней ничего не случится, и сдержал слово. Я убедил полицию, что она не имеет к этому делу никакого отношения. Это стоило мне некоторых усилий. Но дело сделано. Миссис Рутвен не виновна в убийстве. Ее вина лишь в том…

— В чем?

— В том, что ей стыдно. Стыдно, что она вообще приблизилась к Роуз Лестрейндж. Стыдно, подозреваю, что она зашла настолько далеко, что переступила порог коттеджа и лишь потом развернулась и убежала. Если вы не поняли этого по ее поведению в бунгало прошлой ночью, значит вы знаете свою жену не так хорошо, как думаете.

Марк уже шагнул к двери.

— Нет! — остановил его доктор Фелл. — Хотите пойти к ней прямо сейчас? С головой ушли в

академические проблемы и слишком часто забывали о ней? В этом ваш секрет? Что ж! Но вы не можете уйти сейчас.

Не будь небо таким ясным, алеющим и как будто светлеющим, а не темнеющим, Марк подумал бы, что надвигается буря.

Доктор Фелл повернулся к Тоби:

— А вот вас, сэр, я прошу уйти. Более того, я умоляю вас об этом.

— Меня? — опешил Тоби и отступил к столу. — Почему меня?

— Сэр, разве вы не чувствуете?

— Я не кретин, — пробурчал Тоби, оттягивая воротник. — Если вы намекаете на то, что через несколько минут мы узнаем, кто убийца, то я чувствую напряжение не хуже других. Но почему я должен уйти?

— Потому что, когда это случится, здесь должны быть только двое, кроме меня. Один — Марк Рутвен. Второй — тот, кого я ожидаю с минуты на минуту.

— Убийца?

— Сэр, вы были хорошим другом и надежным союзником. С помощью трюка с запертой комнатой вы защищали жену вашего друга, даже когда считали — и, возможно, считаете до сих пор, —

что это она виновна в убийстве. Поэтому…

Тоби остановил его резким жестом:

— Пропади все пропадом! Я опасался вас с самого утра, когда мы встретились в доме старика! И еще до этого меня пугала ваша репутация. Вы разгадали трюк с запертой комнатой?

— Да.

— А полиция?

— Сэр, есть причина, по которой я не могу ответить на этот вопрос сейчас. Позвольте мне лишь повторить: через несколько минут я жду человека, — доктор Фелл запнулся, — с которым вы знакомы. Поэтому уходите! Даже если вы не понимаете моей просьбы, даже если считаете ее безумной или несправедливой — уходите сейчас же!

Тоби ушел. Но, уходя, он обернулся, и в этот миг фигура его на фоне закатного неба предстала напряженной и почему-то трагичной. А потом его машина скрылась в направлении Колледж-авеню.

Доктор Фелл, проводив ее взглядом, тихо выругался.

— Поехал к вашей жене — извиниться. — Он покачал головой. — Архонты афинские! Ему бы в другую сторону надо.

— Разве важно, в какую сторону он едет?

— Да, важно.

— А почему вы не хотели, чтобы он остался здесь? В чем настоящая причина?

— Тоби Сондерс, мой дорогой сэр, слишком большой идеалист. В данный момент он с формальной точки зрения является соучастником преступления в деле об убийстве. И это его нисколько не тревожит. Ради благородной цели он пойдет на любой, самый безумный риск. Да вы и сами это видели. И все же… и все же…

— Что?

— Во всей истории вы несколько раз называли его пуританином. Мне этот термин представляется странным как с исторической, так и с географической точки зрения в отношении жителя Вирджинии. Но я прекрасно понимаю, что вы хотели этим сказать, — и вы правы. Он мог легко простить, например, когда думал, что у вас роман с Роуз Лестрейндж. Но смог бы он так же терпимо отнестись к тому, что у вашей жены роман с Фрэнком Чедвиком?

Марк резко обернулся:

— Бренда и Чедвик? Вы снова все переворачиваете? Хотите сказать?..

— Да?

— Не важно! Давайте вернемся к вопросу, который задавал Тоби. Доктор Фелл, кто убийца?

— Сейчас я вам расскажу. — Рассеянно кивнув, он подошел к дивану, сел и, похоже, погрузился в глубокие раздумья.

Наконец он поднял голову.

— Сэр, вы кое-что забыли. Среди всех этих отвлекающих факторов — запертых комнат и подмененных книг — вы упустили то, что я называл сутью, центральной загадкой всей этой истории. Кто развлекался в спортивном зале? Зачем совершались эти, казалось бы, бессмысленные выходки? Поверьте, они были далеко не бессмысленны. Сэм Кент был прав в одном: за каждым действием стояла реальная причина, пусть даже дикая, безумная, несуразная. Удивительно, что именно вы — подумать только! — пренебрегли этим или упустили из виду. Вы сами угадали треть правды в субботу вечером, когда Тоби Сондерс рассказал вам о происшествиях в спортзале. В воскресенье миссис Уокер преподнесла вам вторую треть правды. А прошлым вечером, когда там был я, вы получили третью, последнюю часть. Вы так близко подошли к разгадке, что у меня волосы встали дыбом. Ну же, вспоминайте! Когда Тоби Сондерс впервые рассказал вам

о выходках шутника и спросил, зачем кому-то устраивать такое, что вы ответили?

Вопрос был не риторический. Доктор Фелл впился в него взглядом, ожидая и требуя ответа.

— Я сказал, что ни Джордж, ни Губерт Джонсоны не могут быть целью шутника и что мотив надо искать не в этом. Еще я сказал, что шутник умышленно привлекает наше внимание к залу, заставляет нас думать о нем.

— Ага! Умышленно привлекает внимание к залу, заставляет нас думать о нем. Вы выразили это такими или похожими словами?

— Да, думаю, что такими. Но я не понимаю…

— Подождите! — воскликнул доктор Фелл. — Теперь вспомните воскресный вечер. Вы встречаете Джудит Уокер у бокового входа в Новую библиотеку. У самой двери со стеллажа падает книга. Миссис Уокер напугана и говорит, что в библиотеке кто-то есть. Вы успокаиваете ее, не понимаете, что ее так испугало, и спрашиваете, слышала ли она о происшествиях в гимнастическом зале. Когда вы задали этот вопрос, что она ответила?

Марку не пришлось напрягать память — та сцена сразу же встала у него перед глазами.

— Она сказала, что слышала об этом. Сказала, что…

— Вспомните, что именно она сказала! Слово в слово!

Марк на секунду задумался.

— Она сказала: «Эти дурацкие светящиеся рисунки статуи Основателя! Глупые выходки, чтобы напугать старика и шестнадцатилетнего мальчишку! Миссис Хьюит, миссис Кент и миссис Мейсон ни говорить, ни думать о чем-то другом просто не могут».

— Хорошо! Отлично! И затем, сразу после этого, вы процитировали Джудит Уокер, упомянув очень важные слова. Что она сказала потом?

— Хотя в этом есть и хорошая сторона. Они все напрочь забыли о Роуз Лестрейндж и том молодом человеке, которые использовали лазарет как…

— Как что? Что она имела в виду?

— Джудит хотела сказать, что лазарет использовали как место для того, что мы вежливо называем любовными свиданиями.

— Что ж, у вас есть два фрагмента информации. Попробуйте их соединить. Шутник умышленно привлекает наше внимание к залу, заставляет нас думать о нем. Зачем? Каков результат его действий? Это первое. И второе. Миссис Хьюит, миссис Кент и миссис Мейсон только об этом и

говорят. О Роуз Лестрейндж и молодом человеке в лазарете никто не вспоминает. Понимаете, к чему я веду?

— Да! — воскликнул Марк. — Вы хотите сказать, что происшествия в спортзале были отчаянной попыткой отвлечь внимание от того, что происходило в лазарете? Попыткой скрыть грозившую скандалом любовную связь?

— Совершенно верно. Именно это я и хочу сказать.

— Тогда получается…

— Тогда получается, — подхватил доктор Фелл, — что шутник из спортивного зала действовал, подгоняемый отчаянием. Вы это хотели сказать? Да, так и есть. И позже именно шутник и совершил самое настоящее убийство.

Он поднял руку, будто призывая к тишине.

— Позвольте мне восстановить ход событий в том виде, как я представил его после двух звонков Сэма Кента мне в Нью-Йорк. Некий молодой человек и некая женщина, скажем так, предаются любовным утехам.

Молодой человек, как мы знаем — он этого и не отрицал даже перед вами, — это Фрэнк Чедвик. Но кто женщина? Согласно показаниям двух свидетелей, видевших, как она открывала дверь

лазарета ключом, это была Роуз Лестрейндж.

— Но это исключено! По крайней мере, я очень в этом сомневаюсь.

— Вот как? — мягко спросил доктор Фелл. — И почему же вы сомневаетесь?

— Потому что, как я говорил прошлым вечером… — Марк осекся.

— Ага! Вы начинаете вспоминать.

— Не просто начинаю. Я помнил об этом все время. Роуз Лестрейндж можно называть кем угодно, да и кем она только не была. Но вот любовника у нее не было. Ей доставляло удовольствие сеять раздор и смуту, а потом со смехом наблюдать за мучениями своей жертвы. Ей нравилось, что люди считают ее соблазнительницей и думают, что она посещает лазарет с кавалером. Но сама бы она туда не пошла.

— Вот именно!

— И следовательно… — Марк снова запнулся.

— И следовательно, — голос доктора Фелла наполнил всю комнату, — либо два свидетеля намеренно лгали, заявляя, что дверь в лазарет открывала Роуз Лестрейндж, либо они ошибались, приняв за нее кого-то другого.

Марк повернул голову — ему показалось, что он слышит звук машины в переулке, — но, при-

слушавшись, он понял, что ошибся.

— Скорее всего, и почти наверняка, — продолжал доктор Фелл, — свидетели добросовестно ошибались. И тогда получается, что бурный роман с Чедвиком завела вовсе не Роуз Лестрейндж, а какая-то другая, неизвестная женщина. Для установления личности этой женщины у нас есть несколько подсказок. Почему эти двое встречались в лазарете? Почему именно там, в таком неподходящем для свиданий месте? Тем более что у Чедвика есть квартира в Вашингтоне, которую он часто использует для такого рода встреч? Должно быть, лазарет — это условие, которое поставила женщина. Встречаться в другом месте она не может или не смеет, что само по себе странно. У нее есть ключ, значит она как-то тесно связана с колледжем. Это женщина с сильным чувственным темпераментом, учитывая, что связь продолжается даже в таких нелепых условиях. И при этом ей приходится поддерживать образ респектабельной дамы, заботиться о своей репутации.

— Перестаньте! — не выдержал Марк. — У вас наверняка есть что-то более существенное, какие-то более веские аргументы.

— Аргументы? — переспросил доктор Фелл. —

Дорогой сэр, у нас их больше, чем нужно. Я лишь описывал то, в каком положении оказался сразу после прибытия сюда и первого знакомства с уликами. Мне представлялось, что шутник из спортзала и есть убийца. И все же, на первый взгляд, детали убийства не вписывались в эту версию. Поведение шутника — дерзкое, безрассудное, небрежное, будто вдохновленное дешевым кровавым триллером — не соответствовало поведению убийцы, которое отличалось рассудительностью и аккуратностью, качествами человека из академической среды. Такое расхождение противоречило моей теории, две части не складывались. Разве что… Эта мысль мелькнула у меня в «Уголке Майка». Разве что в преступлении замешаны двое, но при этом они не партнеры и не сообщники и не могут ими быть, поскольку их методы слишком различны. Настоящим убийцей, как я и думал сначала, был шутник. Он пришел в бунгало, ударил кинжалом и убежал. Кто-то другой, появившийся позже, сплел искусную паутину, чтобы сбить нас с толку, представив убийство как самоубийство. Учитывая то, что мы узнали позже, это даже не требует доказательств. Тоби Сондерс, думая, что защищает жену друга, на самом деле защищал кого-то

другого. Вот уж ирония так ирония! Но, клянусь громом, в этой горькой комедии с убийством есть ирония, которая намного хуже.

Доктор Фелл выпрямился, и его громкий голос разнесся по комнате с темными панелями и яркими корешками книг.

Марк настороженно посмотрел на него:

— Доктор Фелл, когда вы сделали для себя окончательный вывод в отношении убийцы?

— Вчера, в начале вечера.

— Но ведь уже поздно вечером, в бунгало, вы сказали, что не уверены! Что колеблетесь между двумя людьми!

— Я умышленно солгал, — прогремел в ответ доктор Фелл. — Вы и Сэм Кент подошли слишком близко к правде. Надеюсь, для всех было очевидно, что в этом расследовании я скорее скрывал правду, чем раскрывал ее, за исключением тех моментов, которые могли помочь нам в отношениях с полицией. Когда вы узнаете, почему я…

— Ну, вы могли бы сказать мне…

— Ирония заключается еще кое в чем. Я не рассчитывал, что это дело принесет мне лавровый венок, но и подумать не мог, что мне не достанется и листочка. Полагал, что уж я-то свое возьму — столько кампаний за спиной. И просчи-

тался. Лейтенант Хендерсон вынес меня в одну калитку. Святые угодники!

— Как же так получилось?

— Сэр, я ни за что не поверю, что он всерьез считал вашу жену виновной. Но против нее можно было выстроить вполне правдоподобное обвинение. И он мог бы это сделать, если бы захотел. Я не имел морального права рисковать. И он вынудил меня раскрыть личность настоящего убийцы. Меня переиграли. Нет-нет, не размахивайте руками и не рассыпайте проклятия. Вы должны сами все понять. Тот, о ком я говорил, появится здесь в любую минуту…

— Кто же это?

— Фрэнк Чедвик.

«И снова он, да и кем она только не была — подумал Марк, — снова и снова мы возвращаемся к этому имени!» Но вслух он ничего не сказал.

— Теперь давайте разберемся с Фрэнком Чедвиком и загадочной молодой особой, мисс Икс или миссис Икс, которая с ним встречалась. Сам Чедвик, на улице возле аптеки, сказал вам, что получил «урок», что «будет этих преподавательниц за милю обходить», и со смехом добавил, что «сделал одолжение в последний раз». Здесь он дает нам еще одну подсказку. Женщина, о кото-

рой идет речь, — преподавательница, возможно чья-то жена. Чедвик ее соблазнил; для него это была забавная игра; но теперь он смеется над ней. Она же определенно чувствует себя в ужасной ловушке. Какие еще выводы в отношении нее мы можем сделать?

— Выводов может быть много, но это же бессмыслица!

— Вот как? И в чем же эта бессмыслица?

— Два свидетеля, — ответил Марк, — приняли миссис Икс за Роуз Лестрейндж. Значит, она должна была быть на нее похожа. Но в этом-то и загвоздка. Здесь нет ни одной молодой женщины, которая хотя бы отдаленно напоминала Роуз!

— Смотря что понимать под словом «напоминать». Прежде всего, когда свидетели ее видели?

— Только в темное время суток. Конечно! — Марк щелкнул пальцами. — Они могли судить лишь по ее росту, фигуре и цвету волос. Но возражение остается. Здесь нет…

— Минутку! Подумайте также о характере и положении этой женщины. Она одновременно чувственна и неопытна, очарована любовником и в то же время ненавидит его. Она втянута в чужую игру. Втянута против ее воли, вопреки всему, во что она верит. Для Чедвика эта история — при-

вычная забава, но для нее угроза всему, что ей дорого. По колледжу ходят слухи, в случае разоблачение ее ждет жуткий скандал. И она пытается отвлечь внимание окружающих другим скандалом: нелепыми подростковыми выходками, мнимыми покушениями на убийство, которые на самом деле таковыми не являются и кажутся ей «безобидными». Подумайте обо всем этом, а потом вспомните Джудит Уокер.

Марку показалось, что мир раскололся надвое.

— Джудит Уокер?

— Да. Еще раз задайте себе тот вопрос, который так долго вас мучил. Что миссис Уокер могла увидеть в библиотеке в тот воскресный вечер?

— Вы хотите сказать, что́ ее напугало?

— Нет! — прогремел доктор Фелл, ударяя тростью по полу. — Есть ли у нас хоть какие-то основания полагать, что она упала в обморок от испуга? Сама миссис Уокер говорила что-то на этот счет?

— Нет, но мы должны предположить…

— Сэр, я бы предпочел ничего не предполагать. За несколько минут до того, как она потеряла сознание, она действительно сильно испугалась, когда в нее бросили гипсовый бюст. Это сделал бродяга, мелкий воришка, которого позже задер-

жала полиция и который рассказал все, что знал.

— Воришка? — воскликнул Марк. — Значит, происшествие в библиотеке вообще не связано с делом?

— Напротив! Оно самым непосредственным образом связано с делом, вот только вы, сэр, неверно его толковали. Что увидела миссис Уокер? В хранилище ничего не было, в библиотеке — тоже ничего, кроме того, что мог видеть любой и каждый. Она видела, как вы открываете дверь хранилища и как мисс Кент протягивает ключ к двери. И что? Почему это должно было на нее так подействовать?

— То есть вы хотите сказать, что она солгала? Что Джудит Уокер и есть тот самый шутник из спортивного зала и убийца?

— Нет! Ничего подобного я сказать не хочу!

Доктор Фелл вздохнул и приготовился подняться.

— Миссис Уокер увидела и с ужасом поняла, что ошиблась насчет женщины у лазарета. А еще она увидела другую молодую женщину, такую же высокую, как Роуз Лестрейндж, с такой же фигурой, как у Роуз Лестрейндж, и с темным шелковым шарфом на голове, свисающим сзади, как свисают волосы у Роуз Лестрейндж. И ее жест,

когда она протянула ключ, чтобы закрыть дверь, напомнил ей жест той женщины, открывавшей замок на двери лазарета.

Доктор Фелл поднялся. Краска почти полностью сошла с его лица, и голос снова громыхнул между обшитыми темными панелями стенами и лестницей.

— Она увидела дочь моего старого друга, которую я пытаюсь защитить. Она увидела убийцу. Она увидела Кэролайн Кент.

Глава двадцатая

КЭРОЛАЙН КЕНТ.

Холод ужаса пробрал Марка до костей.

— Поймите меня! — рявкнул доктор Фелл, стараясь скрыть волнение. — Если мы хотим предотвратить трагедию куда страшнее первой, то должны понять эту девушку… вернее, эту женщину. Я знаю Сэма Кента много лет, и все эти годы он никогда не упускал возможности рассказать о своей семье. Кэролайн мыслит буквально, воображение у нее отсутствует. Но она способна на глубокие, сильные чувства. Ее считают практичной, потому что она занимается покупками, знает цены и расписание поездов. Но на самом деле все обстоит иначе. Как она может быть практичной, если для ее отца его дети — загадка, а мать — мы все знаем этот тип женщин, которые хотят лучшего, но делают только хуже, — оберегает от всего на свете. Кэролайн села за руль — проблема. Кэролайн произнесла «взрослое» слово — проблема. Отошла от колледжа больше чем на сто ярдов — снова проблема. Ее слишком подавляли, душили. Даже жених, которого она искренне любит, — это строгий, застегнутый на все пуговицы

пуританин. Она и хотела бы быть такой же, как он, но не может! Кэролайн Кент двадцать семь лет. Продолжайте обращаться с такой женщиной как с ребенком — и не удивляйтесь, если она поведет себя соответственно. Короче говоря, для Фрэнка Чедвика и Роуз Лестрейндж она стала легкой добычей. Нет и уже не будет доказательств того, что это добрая Роуз толкнула ее в объятия Чедвика и поощряла их связь в надежде на громкий скандал. Но иначе ее поступки не объяснить. Роуз позволяла всем считать, что это она — та женщина, привечающая любовника в лазарете. Она даже придумала этому объяснение, заявив, что хочет, чтобы с ней «занимались любовью на фоне — цитирую — *чего-нибудь странного и необычного».* Кэролайн встречалась с Чедвиком в лазарете, потому что другого подходящего места для нее просто не было. Мы не знаем, сколько длился их роман, пока не поползли слухи, не начались разговоры и Роуз Лестрейндж не развернула кампанию по запугиванию жертвы намеками на разоблачение.

— Постойте! — перебил Марк. — Все это было до ночи убийства?

— Задолго до нее. Иначе Роуз не получила бы такого удовольствия от мучений жертвы. Неуже-

ли вы ничего не замечали? Не видели сами? Даже после того, что произошло у вас дома в субботу вечером?

— Что-то я замечал, да. Но не понимал. Хотя теперь припоминаю… — Марк замолчал.

— В тот вечер, как вы помните, Кэролайн Кент пережила три потрясения, каждое следующее страшнее предыдущего. За восемь дней до этого она в отчаянии попыталась доказать, что в городке появился убийца.

Марк снова перебил его:

— Но что заставило Кэролайн пойти именно на такой шаг? Кто подал ей эту идею?

— Вы, — сказал доктор Фелл.

Марку показалось, что часы тикают у него в голове.

— Извините! — Доктор Фелл откашлялся и заговорил уже другим, более резким тоном. — Мне следовало выразиться точнее: все вы. Ее отец! Ее жених! Джудит Уокер! Вы сами! Все вы, бесконечно обсуждавшие способы убийства в книгах и, конечно же, способы отвести от себя подозрения. Такие разговоры — обычное дело в колледжах; и я, разумеется, не против столь благородной формы отдохновения от академической работы. Но в данном случае они попали не в те уши, и

человек, услышавший их, самостоятельно придумал, как скрыть одни проступки под видом других, «безобидных». Кэролайн, как она сама вам говорила, не терпела сложностей. Ее план был прямолинеен и по-мальчишески прост. Она родилась и выросла здесь; Куинс-колледж был ее домом и в каком-то смысле игровой площадкой. О светящейся краске она знала с детства, с рождественских игр; рисунок статуи Основателя — издавна привычный символ. Она и не думала, что так напугает старого Джорджа Джонсона. Ей и в голову не приходило, что юный Губерт не умеет плавать. А потом, в вашей гостиной в субботу вечером… Опираясь на ваш рассказ, вспомним, что произошло. Магистр колледжа попросил Сэма Кента разобраться в этих происшествиях. Сэм, как и хотела его дочь, склонялся к тому, что в спортзале имели место настоящие покушения на убийство. Но потом у вас дома Тоби Сондерс впервые изложил свою теорию. Он заявил, что это не попытки убийства, а проделки «шутника», человека, невероятно жестокого и слегка безумного, совершающего все это по причине, которую предстоит выяснить. Кэролайн была застигнута врасплох, но пыталась возражать. И тогда же она вдруг с ужасом осознала, как вы-

глядит ее поведение со стороны. Но следующий удар оказался куда сильнее. И нанесла его ваша жена, заметив, что все почему-то говорят «он», хотя «шутник» вполне может быть женщиной. Кэролайн Кент, по вашим словам, побледнела как смерть без всякой видимой причины и попыталась протестовать. Дальше — хуже. Тоби Сондерс, не подозревая, что его любимая невеста — не та чопорная барышня, за которую она себя выдает, указал на Роуз Лестрейндж как на автора «шутки» в гимнастическом зале. Ситуацию усугубили трения между вами и Брендой. Я пощажу вас и не стану вдаваться в подробности, но, черт возьми, эта сцена имела самые печальные последствия. Уже возле бунгало, в припаркованной машине, Тоби Сондерс предъявил мисс Лестрейндж прямые обвинения, да еще сделал это в присутствии Кэролайн Кент.

Доктор Фелл медленно подошел и встал спиной к камину. Прежде чем продолжить, он постарался отдышаться.

Марк слишком хорошо знал, какая страстная натура скрывается под внешней невозмутимостью Кэролайн. Он помнил, как ощутил укол зависти, наблюдая за Тоби и Кэролайн и их отношением друг к другу. А теперь…

Ему вспомнилась и еще одна сцена, о которой он забыл рассказать доктору Феллу. Сцена мастерской издевки Роуз Лестрейндж над Кэролайн. Он уже передал ей «Армадейл», и она снаружи ждала Тоби и Кэролайн, которые были еще в холле. Взяв книгу, Роуз оглянулась через правое плечо и, повысив голос, произнесла: «Я обожаю викторианцев. Такие ханжески строгие, нетерпимые в публичной жизни, вот и книги у них такие же, правда? Читать между строк — и первых, и вторые — истинное удовольствие».

Именно эти слова услышала перепуганная Кэролайн перед тем, как они с Тоби отвезли Роуз в Красный коттедж в тот субботний вечер.

Казалось, доктор Фелл, стоявший теперь перед камином, прочитал его мысли.

— До этого момента, — заявил он, — Роуз Лестрейндж наслаждалась происходящим. Она знала, что творилось и в гимнастическом зале, и в лазарете. Она, образно говоря, использовала любой шанс вонзить в свою жертву острую сталь. По всей видимости, она пока не собиралась разоблачать Кэролайн. Но затем Тоби Сондерс выдвинул свое обвинение. Неудивительно, что «добрая» Роуз остолбенела и лишилась дара речи. Неудивительно, что она лишь сверкнула глазами

и бросила: «Доктор Сондерс, завтра утром вы кое о чем услышите». Как мы с вами и согласились вчера вечером, это была смертельная угроза. Кто, кроме самого Сондерса, слышал эту угрозу? Только Кэролайн Кент. Для кого еще она могла значить так много? Через час Роуз Лестрейндж умолкла навеки, и замолчать ее заставила женщина, которую она довела до предела. И будто этого было недостаточно, позже Кэролайн выпалила слова, которыми выдала себя Джудит Уокер.

— Джудит Уокер? Когда?

— Ранним воскресным утром. Вы были там. Сэм Кент позвонил домой, чтобы объяснить свое отсутствие, но не сказал ни слова о смерти или убийстве. Кэролайн, если помните, примчалась к бунгало на машине Сэма. Миссис Уокер встретила ее лишь сообщением о том, что сама услышала: Роуз мертва, заколота ножом. Кэролайн, в состоянии полнейшего потрясения, воскликнула: «Закололи? В кресле? Ножом?» Никто не упоминал кресло. Более того, миссис Уокер тут же указала на это. В тот момент, конечно, все полагали, что Роуз Лестрейндж закололи у туалетного столика, где она сидела на стульчике, который никак нельзя назвать креслом. Согласно нашему анализу, лишь двое могли знать, что жертва

была убита в кресле на другом конце комнаты: Тоби Сондерс, который закрыл комнату после перемещения тела, и сам убийца, оставивший там жертву.

Марк провел рукой по лбу.

— Джудит, признаю, очень умная женщина. И все же, если бы она тогда сложила два и два…

— Нет-нет-нет! — поправил доктор Фелл. — Она не сложила, как подтвердила мне сегодня днем. Она была слишком расстроена; к тому же видела, как ваша жена шла по тропинке к бунгало. Это воспоминание полностью завладело ее мыслями. С другой стороны, она провела в коттедже почти весь день, давая показания полиции. Она слышала все описания и не могла понять, какое отношение ко всему этому может иметь «кресло». Складывать два и два она начала лишь после шока от осознания, что женщина, которую она видела в лазарете, была не Роуз, а Кэролайн; что Кэролайн не просто оговорилась. Вот из-за этого миссис Уокер и потеряла сознание в библиотеке в воскресенье вечером. Признаю, мое собственное состояние в понедельник и вчера, когда я прибыл сюда, было немногим лучше. Представьте жуткую перспективу: меня вызывает Сэм Кент. Слушая по телефону его пространные рассказы, я

уже допускал возможность того, что его дочь может быть и тем самым «шутником» в спортивном зале, и, вероятно, убийцей. Но самому Сэму даже в страшном сне не могло такое привидеться. Да, он правильно оценил характер Роуз Лестрейндж, но хотел скрыть правду, считая, что эта женщина получила по заслугам за то, что мучила других. Но он не подозревал, что жертвой могла стать его дочь. С отцами такое случается нередко. Но и от этого было не легче. Каждое слово, каждая улика указывали на то, что за всем стоит Кэролайн. А Сэм все требовал узнать правду, даже если не собирался ее обнародовать. Архонты афинские! Если временами я выглядел подавленным или еще более тупым, чем обычно, вы теперь понимаете причину. Самый тяжелый эпизод случился в бунгало вечером. Сэм рассказал вам об истинной натуре Роуз и отметил, что ее убил тот, кого она шантажировала. Когда он увел вас в гостиную коттеджа, чтобы показать карикатуры, я не смог сдержаться и воскликнул: «Слепец!» Потом вы с Сэмом заговорили о женщине в лазарете. Вы уверенно заявили, что Роуз не пошла бы туда с Чедвиком, а Сэм сказал, что правда откроется, если мы разгадаем тайну этих визитов в лазарет. Я не удержался от библейского проклятия и ре-

шил, что улики против Кэролайн Кент, должно быть, были уничтожены. Но как? Тоби Сондерс во всеуслышание заявил, что Роуз и есть «шутник» в спортзале. Могла ли Кэролайн этим воспользоваться? Примерно без четверти двенадцать она вернулась в бунгало пешком. Ее отец, Тоби Сондерс и доктор Хьюит обсуждали все это дело и не заметили, как она ускользнула. Могла ли она, например, принести в бунгало пузырек светящейся краски? Оставить на нем отпечатки пальцев мертвой женщины и спрятать пузырек? Полиция тщательно все обыскала. С другой стороны, Роуз попросила Кэролайн принести закладку, обратившись к ней «Свет мой». Могла ли краска или что-то подобное оказаться в чиппендейловском письменном столе? В потайном отделении? Нет, там не было ничего. И мне следовало понять, что эта деталь из мелодрамы — чепуха. Кэролайн Кент, доведенная до безумия мучительницей, совершила убийство. Но она никогда не стала бы перекладывать вину на другого. Для нее важно было только одно: скрыть свой позор от Тоби Сондерса. Согласны?

Марк, внимательно слушавший доктора Фелла и обращавший внимание на каждую мелочь, кивнул:

— Да. В библиотеке она была на грани. Хотела, чтобы полиция признала самоубийство. До сих пор слышу ее крик: «Если ты будешь и дальше твердить, что это убийство, то навлечешь ужасные неприятности на человека, который мне очень дорог. А это не убийство! Нет никакого убийцы!» Она боялась, что Тоби узнает. Но вы не нашли ничего, что можно было бы повернуть в ее пользу?

— Ничего.

— И не придумали, как ее защитить?

— Нет. Кроме того, Джудит Уокер знает, что она виновна.

— Но Джудит не выдаст Кэролайн! Теперь я понимаю, о чем она говорила прошлым вечером, когда еще не полностью пришла в себя после успокоительных.

— Миссис Уокер сегодня днем сказала мне, — проворчал доктор Фелл, — что она говорила, где можно достать светящуюся краску и как изготовить копию ключа от лазарета.

— Да! Она говорила о Кэролайн! Я тогда не понял и высказался довольно резко, а она, опомнившись, сказала, что имела в виду Роуз Лестрейндж. Потом, когда она догадалась, что я раскрыл секрет запертой комнаты…

— Дорогой сэр, — прервал его доктор Фелл, — миссис Уокер не знает секрета запертой комнаты!

— Нет, но она поняла, что я его раскрыл. И когда она это поняла, то сказала…

— Хотите, я скажу, что именно я сказала? — Ясный голос Джудит донесся с лестницы.

Марк обернулся. Доктор Фелл поднял глаза.

Джудит стояла на середине лестницы. На ней было темное платье, и ее лицо и глаза выделялись на общем сумрачном фоне.

— Нет, — хрипло сказала она. — Я не поехала в Ричмонд. Не смогла. Думаю, доктор Фелл знал все это время, что я здесь.

— Ты слышала?.. — начал Марк.

— Да, — ответила Джудит. — Я все слышала. Ты обещал позвонить мне, Марк, но я знала, что ты не вспомнишь. — Она небрежно махнула рукой. — Да! Я скажу вам, что говорила прошлой ночью. Я сказала, что ты не должен продолжать это расследование. Я сказала, что ты не понимаешь, на что способна женщина, одержимая мужчиной.

Она осторожно спустилась по оставшимся ступеням, откинула голову, и рыжие волосы вспыхнули.

— О да! Я говорила о Кэролайн. Но с таким же успехом могла бы говорить и о себе. — Тот же легкий жест. — Сейчас это не важно, — быстро добавила она. — Что важно — так это элементарная справедливость. Если Кэролайн убила эту ужасную женщину, она сделала то, что сделал бы — и должен был бы сделать на ее месте — любой человек. Доктор Фелл, могу я задать вам вопрос?

— Можете, — сказал доктор Фелл.

— Чтобы защитить Бренду Рутвен, которая невиновна, вы вынуждены были сказать полиции, кто виновен? И полиция арестует Кэролайн?

— О нет, — возразил доктор Фелл. — Меня победили, миссис Уокер. Но не настолько.

Тишина наступила внезапно, как удар гонга.

— Они не арестуют ее?! — воскликнула Джудит.

— Позвольте обратить ваше внимание, — вежливо сказал доктор Фелл, — на несколько моментов. Во-первых, полномасштабное полицейское расследование быстро выявило бы виновного, даже если бы я ничего не сказал. Во-вторых, даже если бы нашлось достаточно улик для обвинения Кэролайн в убийстве, шансы на то, что присяжные признают ее виновной, — один

на тысячу. В-третьих, если ее осудят, то осудят и Тоби Сондерса — как соучастника. А поскольку в данном штате шансы на осуждение мужчины за то, что он защищает свою невесту, астрономически малы…

— Но Тоби защищал не свою невесту! — сказал Марк. — В этом-то и дело. Он думал, что защищает Бренду!

— Сэр, я знаю. Об этом знает и мистер Хендерсон, хотя предпочитает не верить. Короче, власти не хотят возбуждать дело. И когда ваш покорный слуга, ошеломленный таким решением, спросил почему…

— Да!

— Я получил ответ, который в наше время звучит поразительнее всего. Они верят в справедливость.

— Значит, у Кэролайн и Тоби есть шанс на какую-то совместную жизнь?

— Сэр, я что, оракул или гадатель? Откуда мне знать? Если он действительно любит ее, то вполне возможно. Но сначала нужно сделать две вещи. Мы должны убедиться, что Чедвик не проболтается…

— Чедвик! — прошептал Марк. — Я и забыл о нем.

— Поверьте, я не забыл, — мрачно ответил доктор Фелл. — Я не хотел, чтобы Сондерс с ним встретился, как вы заметили. Но теперь я гадаю, где он задержался. Он должен был быть здесь давно.

— Чедвик многое знает?

— Надеюсь, немногое. Это мне и предстоит выяснить. В конце концов, Кэролайн Кент должна рассказать Тоби Сондерсу все.

Джудит вскинула руку в знак протеста.

— Но она никогда этого не сделает! Минуту назад вы сами сказали, что Кэролайн больше всего хотела скрыть это от Тоби. Она не расскажет ему ничего.

— Тем не менее она обязана это сделать. Повторяю, — прогремел доктор Фелл, — это их единственный шанс. Если она не объяснит ему этот роман с Чедвиком, если не заставит его понять, что это было лишь минутное помрачение…

Доктор Фелл замолчал и поднял голову.

Красный закат потемнел и теперь зловеще мерцал за верхушками деревьев. Бренда Рутвен, дрожа и чуть не падая, пробежала по тропинке, распахнула сетчатую дверь, коротко взглянула на Марка и тут же отвела глаза.

— Кэролайн! — выпалила Бренда. — Она рас-

сказала Тоби.

Сетчатая дверь захлопнулась за ней. Прошла секунда-другая, прежде чем Бренда смогла перевести дыхание.

— Тоби, когда ушел отсюда, приехал ко мне. Потом появилась Кэролайн. Она… она была сама не своя. Ей казалось, будто я видела ее в бунгало. Но я не видела! Мне даже в голову не приходило, что это Кэролайн… что это она… виновна в том, что случилось той ночью. Да, признаю, я зашла в бунгало. Но я не видела ее и не слышала ничего, кроме того, о чем уже рассказала. Марк, ты должен мне поверить. А потом Кэролайн выложила Тоби все: про Фрэнка, про все. Я никогда не видела такого выражения на его лице. Оно было… не знаю… серым.

— Но что ответил Тоби? — спросил Марк, которому уже стало немного не по себе. — Он высказал ей все, что думает?

— Высказал? — переспросила Бренда. — О нет! Он ничего ей не высказал.

В этот момент Бренда заметила Джудит, и обе вздрогнули.

— Но что вы все здесь делаете? — воскликнула Бренда. — Что происходит?

Величественным и властным жестом доктор

Фелл заставил всех замолчать.

— Миссис Рутвен, мы ждем Фрэнка Чедвика. Нельзя, чтобы он доставил кому-то неприятности. Повторяю, я не думаю, что он многое знает. Подозреваю, он приезжал в Куинсхейвен дважды, чтобы встретиться с Кэролайн Кент и убедиться, что их связь останется в тайне — из страха перед отцом. Но он не осмелился прийти к ней домой. В таком случае заставить его молчать о…

— Фрэнк Чедвик? — почти взвизгнула Бренда. — Но он же здесь, разве нет?

— Здесь? — опешил доктор Фелл.

— Да! Его машина стоит в переулке. Должно быть, он приехал некоторое время назад!

За дверью раздался смех.

Чистый, звонкий, уверенный смех молодого человека, привыкшего получать в этом мире все, что захочет. Сам Чедвик, в безупречно сшитом сером фланелевом костюме, неспешно вошел в комнату и окинул всех холодным взглядом.

— Ты права, дорогая, — сказал он Бренде, и она отпрянула. — Я здесь уже довольно давно. А старичок, кто бы он ни был, ошибается. Теперь я знаю почти все.

Чувствуя себя хозяином положения, он спокойно закрыл за собой тяжелую старую дверь

таверны. В воздухе повисло эхо XVIII века.

— Могу ли я спросить, — с трудом выдавил доктор Фелл, — что вы намерены делать?

— О, вы можете спросить, — любезно ответил Чедвик, обнажив редкие верхние зубы. — А я могу ответить или нет, как мне вздумается. Но в данном случае лучше сказать. Кэролайн Кент предстанет перед судом. За убийство.

— Но полиция…

— Не пытайтесь блефовать, старый хрыч. — Фрэнк покачал головой. — Возможно, они не хотят ее арестовывать. Но мой папаша имеет здесь большой вес, так что им придется. Если она была настолько глупа, что повелась на мои слова, а потом совсем сдурела и убила кого-то… что ж! Придется ей принять лекарство.

— Молодой человек, неужели вы настолько сильно ненавидите Кэролайн Кент?

— Ненавижу? — переспросил Фрэнк с искренним удивлением. Его обаяние заполнило всю комнату. — Вы меня не так поняли. Я нисколько ее не ненавижу. Она глупая девчонка и слишком легко поддается влиянию. Мне ее даже жаль.

— Тогда зачем вы это делаете?

— Спросите Рутвена, — усмехнулся Фрэнк.

Он взглянул на Марка, потом на Бренду.

— Знаешь, Рутвен, — сказал он, — у меня есть маленький счет к тебе и к нашей дорогой Бренде тоже. Люди не досаждают мне безнаказанно.

— Ты льстишь себе, — ответил Марк.

— Не задирайся, Рутвен. Со мной это не проходит. Когда Кэролайн предстанет перед судом, в зале выльется много грязи. Запачкаешься и ты, и Бренда. Попадет и на ваш старый добрый Куинс-колледж. Что ж, придется стерпеть. Как свидетель, я могу рассказать многое. И что ты собираешься с этим делать?

— Я тебе покажу.

Правая рука Фрэнка метнулась к заднему карману.

— Не пытайся, — посоветовал он. Губы еще улыбались, но глаза сделались холодными и жестокими, как у кошки. Было ясно, что Чедвик не шутит. — У меня тут кое-что в кармане. И есть свидетели, которые подтвердят, что ты напал на меня, если мне придется этим воспользоваться. Ты ведь не любишь пули, а, Рутвен?

— Я…

— Нет, я так и думал, что не любишь. — Фрэнк снисходительно усмехнулся. — Так что вам всем лучше вести себя прилично. И не надо рассказывать, что сделает со мной мой отец. Я знаю, что

он сделает. Но оно того стоит, а он в конце концов меня простит. Меня всегда прощают. Спасибо. Это все, что я хотел сказать.

Чедвик скользнул по ним спокойным взглядом, едва заметно вежливо поклонился. Потом он открыл тяжелую дверь, толкнул локтем сетчатую и, ступив на кирпичную дорожку, оглянулся.

И вот тут он вдруг резко остановился и замер. Что-то вроде хриплого выдоха вырвалось из горла.

В двадцати шагах от него, на дуэльной дистанции, стоял Тоби Сондерс.

Чахнущий красный свет, зловещий и словно нездешний, очерчивал силуэты обоих. Но лицо Тоби он не освещал — и это было к лучшему.

В правой руке Тоби держал смертоносный «уэбли» калибра 45. В левой, раскачивая за спусковую скобу, второй револьвер того же калибра. Тоби медленно пошел вперед, сократив расстояние с двадцати шагов до двадцати футов.

Пока Фрэнк стоял, парализованный, как и остальные, наблюдающие эту сцену от двери, Тоби тщательно осмотрел оба револьвера. Он откинул барабаны, убедился, что оба полностью заряжены, защелкнул их, подержал, словно взвешивая, и бросил один из них. Бросил, как бросают

подкову. Темная сталь сверкнула в багровых лучах, револьвер упал на дорожку в нескольких футах перед Фрэнком Чедвиком и подкатился к его ногам.

— Подними, — сказал Тоби.

— Я…

— Подними.

Второй, свой, револьвер Тоби бросил на дорожку на таком же расстоянии от себя. Теперь он смотрел на Фрэнка. И ждал.

Марк Рутвен не мог пошевелиться. Он хотел сдвинуться с места, оттолкнуть Бренду и Джудит с линии огня. Но в ушах стучали часы, перед глазами стояла картина другой дуэли — на шпагах, двухсотлетней давности, — и он тоже ждал.

Фрэнк рванулся к оружию и левой рукой медленно потянулся к револьверу. Правая же рука метнулась к заднему карману. Он выхватил автоматический кольт 38-го калибра и четыре раза выстрелил в лицо Тоби.

Наверно, Фрэнк видел слишком много фильмов, где убийство показывают как нечто простое. Выстрелы оглушительно грохнули в вечернем воздухе, отозвавшись вихрем птичьих криков и взметнув с деревьев стаи.

Пули улетели вверх и мимо, а потом кольт за-

клинило. Тоби стоял на прежнем месте, живой и невредимый, оскалив в улыбке зубы.

С такого расстояния он мог попасть в монету.

Тоби наклонился и поднял свой револьвер.

Фрэнк попытался выстрелить снова — и не смог. Он не мог даже пошевелиться. Он только кричал. А потом завопил, когда Тоби тщательно прицелился в центр его лба и спустил курок.

Но выстрела не последовало.

Ошеломленный, не веря своим ушам, Тоби уставился на револьвер. Патроны лежали без дела с 1917 года, и он не подумал, что среди них могут быть негодные.

Фрэнк тоже ничего не услышал. Он лежал на кирпичной дорожке на спине, раскинувшись, с бледным, синеватым лицом — в глубоком обмороке.

— Нет! — раздался крик позади Тоби, когда он снова поднял револьвер.

В переулок вкатилась и остановилась рядом с «кадиллаком» Фрэнка и «шевроле» Тоби полицейская машина.

Марк не слышал голоса лейтенанта Уолтера Хендерсона, но сразу догадался, кто этот вышедший первым высокий мужчина.

— Не стоит, доктор Сондерс, — сказал лейте-

нант Хендерсон. — И не бойтесь, этот крысеныш не будет болтать.

Тоби наконец обрел дар речи.

— Послушайте, лейтенант! Эта перепалка…

— Какая перепалка? — спокойно спросил лейтенант. — Я ничего не видел. — Он окинул взглядом дорожку и крикнул: — Вы что-нибудь видели?

— Нет! — проревел доктор Фелл.

— Так я и думал.

Лейтенант Хендерсон кивнул и, прежде чем сесть в машину, обернулся еще раз.

— Кстати, теперь-то вы мне верите?

— Да! — рявкнул доктор Фелл.

— На это я и надеялся, — сказал лейтенант Хендерсон. — Мы здесь странные люди. Мы верим в справедливость.